TELEFON Č. 4778
ALEXANDR NEPEVNÝ
KNIHAŘSTVÍ
PRAHA II. JEČNÁ 11. Č. 22

Copyright by Eurasia Verlag 1923
Всѣ права сохранены за издательствомъ

ЕВРАЗІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

непериодическое изданіе

подъ редакціей

ПЕТРА САВИЦКАГО, П. П. СУВЧИНСКАГО
И КН. Н. С. ТРУБЕЦКОГО

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЕВРАЗІЙСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ
1923

Первая попытка со стороны нѣсколькихъ лицъ выразить и закрѣпить то, что каждымъ изъ нихъ было увидѣно въ опредѣленный моментъ, — когда почувствовалось, что пришелъ къ концу какой-то историческій циклъ, и разомкнулась, надъ горестной картиной разрушеній, мгла войны и междуусобія, — была воспринята критикой, какъ нарочитое стремленіе къ искусственному созданію идеологіи; въ этой связи евразійство возводилось къ тѣмъ или инымъ духовнымъ вліяніямъ прошлаго. — Для евразійцевъ было бы въ высокой мѣрѣ отрадно сознавать себя находящимися въ опредѣленномъ православно-русскомъ духовномъ преемствѣ, включающемъ въ себя и славянофиловъ, и Гоголя, и Достоевскаго, и Леонтьева. Но какъ разъ въ тѣ моменты, когда заносились на бумагу мысли и слова, составившія „Исходъ къ Востоку“ (Утвержденіе евразійцевъ, книга I-ая), сознаніе всѣхъ насъ въ такой мѣрѣ было подъ властью непосредственной катастрофичности происходящаго, что всякія внѣшнія духовныя вліянія притуплялись, и сознаніемъ владѣлъ и сказывался въ немъ исключительно

личный опытъ въ происшедшемъ. Въ своей духовной основѣ — книги евразійскихъ сборниковъ явились и осуществлены отнюдь не какъ попытка построить историософскую или другую надуманную систему; это, прежде всего, — книги личнаго опыта нѣсколькихъ лицъ. Слѣдуетъ отличать существо почувствованнаго ими отъ внѣшняго словеснаго выраженія: пусть личный опытъ этотъ выраженъ несовершенно и немощно: такъ трудно словесную преграду изъ привычныхъ, книжныхъ и мертвыхъ словъ преобразить въ выразительное слово; — содержаніе евразійства не вычитано въ книгахъ и не навѣяно духовными движеніями прошлаго, оно дано самой жизнью. Въ этой жизни заложены основанія того, что вышедшій изъ нея опытъ расположился въ линіи основного русскаго православнаго преемства. Для насъ самихъ историческія связи наши уяснились въ огромной степени путемъ послѣдующихъ, а не предварительныхъ сопоставленій. Въ этомъ, для нашего сознанія, — знакъ истинности того, о чемъ въ свое время свидѣтельствовали русскіе духоучители и ясновидцы: о томъ, о чемъ они говорили, въ настоящій моментъ говорятъ не только ихъ книги, но и процессы историческаго бытія.

Итакъ, на путяхъ самосознанія евразійство есть прежде всего выраженіе личнаго духовнаго опыта. И поскольку евразійство есть идеологія, оно есть идеологія, вытекшая изъ такого опыта. И если-бъ мы думали, что это иначе, мы отказались бы вовсе отъ всякой идеологіи. Ибо всячески слѣдуетъ утвердить личный, мучительный, тревожный и страстной опытъ, какъ первый здоровый и подлинный источникъ идеологіи, личной и коллективной... Только во вторую очередь и въ порядкѣ послѣдующаго осознанія, евразій-

ство ощущается нами, какъ стремленіе обострить и усилить въ современности историческую память. Нужно надѣяться, что въ отвѣтъ на лозунги отрицанія и разрушенія, провозглашенные въ послѣдніе годы, стремленіе и воля осознать и воздѣлать положительныя православно-творческія и государственно-созидающія начала русскаго бытія найдутъ себѣ не одинъ, но много средоточій и фокусовъ. Мы желали-бъ, чтобы евразійство стало однимъ изъ такихъ средоточій, однимъ изъ хранилищъ, куда собирались бы и гдѣ накоплялись цѣнности православно-религіознаго, культурно-творческаго и государственно-патріотическаго русскаго духовнаго опыта...

Евразійство въ своихъ идеяхъ и чувствахъ—находится на пересѣченіи двухъ плановъ: отвлеченнаго мышленія и конкретнаго видѣнья. Мы не можемъ притязать на чистоту вида воспріятія. Мы — не религіозные діалектики и мы — не безоглядные эмпирики; и въ то же время, въ какой-то мѣрѣ, мы обращены и къ религіозной сущности и къ самой насущной, вещной реальности; мы — метафизичны и въ то же время этнографичны, географичны. Это сочетанье намъ кажется не случайнымъ. Важнѣйшими заданіями современности считаемъ мы: съ одной стороны — пронизываніе эмпиріи духовной сущностью, съ другой — воплощеніе вѣры въ конкретно-жизненное исповѣдничество и дѣланье.

Разобщеніе плановъ порождаетъ безплодіе, или катастрофу. И весь опытъ революціи, столь богатый злымъ умствованіемъ и насыщенный бездушно-плотскимъ началомъ, такъ-же, какъ и опасности, намъ предстоящія — въ реакціи повторить все то же, но только наоборотъ, — не показываютъ-ли они, что силы нужно накоплять именно

на смычкѣ духовнаго и тѣлеснаго, отвлеченнаго и конкретнаго, чтобы строить духовную жизнь, соприкасающуюся съ конкретнымъ и осуществлять эмпирическія достиженія, просвѣтленныя духомъ?..

ПОДДАНСТВО ИДЕИ

Одного отрицанія недостаточно для побѣды. Въ обстановкѣ, въ которую мы попали, можетъ быть плодотворнымъ только то историческое дѣйствіе, которое подхватятъ и поддержатъ крылья огромной исторической идеи... Эта идея должна быть именно огромной, всесторонней и положительной; въ размахѣ и упорѣ соравной и превосходящей историческую идею коммунизма... Если будетъ идея, будутъ и личности. Историческая личность создается въ обстановкѣ и при посредствѣ исторической идеи. Даже крупныя сами по себѣ личности нѣкоторыхъ вождей бѣлыхъ армій пали въ ничтожество, ибо ихъ не выносили вверхъ крылья вдохновенной исторической идеи; и наоборотъ — на упорѣ сатанинской и злой, но огромной идеи коммунизма даже ничтожества подняты до роли крупныхъ историческихъ фигуръ...

Идея воспитываетъ личность; питаетъ ее соками; даетъ силу, ведетъ въ дѣйствіе. Прежде чѣмъ говорить о личности, нужно говорить объ идеѣ. Идеи сложны, и потому въ большинствѣ случаевъ только первоначально и упрощенно воспринимаются народомъ. Но на народѣ лежатъ, его освѣщаютъ и окрашиваютъ отблески надъ нимъ воздвигнутой идеи... Въ полной мѣрѣ идея никогда не осуществляется въ жизни; она всегда возноситъ съ собою ей, въ существѣ, чуждый грузъ; но идея даетъ толчокъ и движеніе — и крылья ея явственно различимы, какой бы грузъ

она ни возносила съ собою... — Обратившись къ идеямъ, составляющимъ государственно-общественный идеалъ, мы прощупаемъ во многихъ случаяхъ исторической дѣйствительности, при разнообразнѣйшихъ формахъ устройства, за внѣшностью правленія, учрежденій и лицъ, реальное и объемлющее явленье идеалоправства [1]). Вдумываясь въ историческіе процессы, можно дать еще болѣе рѣзкую формулировку: всякое длящееся правленіе, будь оно единодержавнымъ, народодержавнымъ или инымъ, есть та или иная форма осуществленнаго идеалоправства. Болѣе реально и ощутимо, чѣмъ люди и учрежденія, народами и странами правятъ идеи. Идеи эти могутъ быть различной природы: чисто религіозными, религіозно-національными, по преимуществу національными, національно-правовыми или чисто правовыми. Не столько дѣйствительный и тлѣнный царь, сколько религіозная идея царя правила монархіями древняго Востока и не столько консулы и императоры, сколько національно-религіозная идея Рима вела къ побѣдѣ римскіе легіоны; и болѣе, чѣмъ тотъ или иной первый министръ, правила и правитъ отчасти, скажемъ, новѣйшею Англіей идея правового государства. — Въ качествѣ общаго начала историческаго бытія, явленіе „идеалоправства“ не менѣе дѣйственно, чѣмъ то вліяніе хозяйственно-производственныхъ отношеній, о которомъ говоритъ теорія историческаго матеріализма; и не менѣе „самоначально“, чѣмъ оно, поскольку вообще можно говорить о „самоначальности“ въ мірѣ причинныхъ соотношеній. И какъ разъ осуществленное правленіе, пріемлющей теорію историческаго матеріализма, коммунистической партіи въ гораздо большей степени можетъ быть характеризовано, какъ образчикъ „идеоправства“, чѣмъ какъ „надстройка надъ экономической базой“. (— Хотя бы это „идеоправство“, отнюдь не являясь „идеалоправствомъ“,

[1]) То же понятье можно выразить обозначеніемъ „идеоправство“. Термины „идеоправство“ и „идеалоправство“ указываютъ, въ нашемъ пониманіи, на одну и ту же реальную сущность.

поскольку мы приписываемъ „идеалу“ положительное содержаніе, было и есть, въ реальной сущности — подлиннымъ „злоправствомъ“...) И потому также пріобрѣтеннымъ нами историческимъ опытомъ можно обосновать теоретическое вознесеніе и живое видѣніе „идеи-правительницы“, какъ опредѣляющаго начала исторической жизни... „Идея-правительница“ рождается и растетъ въ нѣдрахъ общей духовной обстановки момента и эпохи. Ея колыбелью и отчимъ домомъ является духовное самосознаніе и духовный опытъ интеллектуальныхъ предстоятелей народа, его „интеллигенціи“, какъ бы она ни называлась и въ какой обстановкѣ ни жила. То, что интеллигенція рождаетъ и взращиваетъ сейчасъ, то народныя массы воспримутъ и осуществятъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени. Такъ было съ революціонной идеологіей русской интеллигенціи, такъ будетъ съ ея положительно-утверждающей идеологіей, поскольку таковая создается и создана... Изъ пониманія этихъ обстоятельствъ вытекаетъ сознаніе сугубой исторической отвѣтственности духовно-интеллектуальныхъ предстоятелей народа, его „интеллигенціи“ — и въ частности, сознаніе исторической отвѣтственности той, въ опредѣленномъ смыслѣ, особо квалифицированной ея части, каковою является идейная эмиграція. (Основная наша концепція: гдѣ бы ни находились эмигранты — они составляютъ часть того духовнаго міра, который именуется Россіей; представляютъ собою его отпрыски, отвѣтвленія, щупальцы; почва подъ ногами значитъ далеко не все, иногда значитъ весьма мало; важнѣе духовная почва, которая и питаетъ каждаго эмигранта — подданнаго идеи: насыщенная почва культуры россійской; матеріальность пріютившихъ такого эмигранта земель и странъ — временами призрачна: онъ живетъ въ Россіи, которая, хотя матеріально и охватываетъ только положенные ей земные предѣлы, духовно обнимаетъ весь міръ).

Въ обстановкѣ Россіи можно намѣтить особыя причины, почему исторически дѣйственной можетъ оказаться

въ ней только идея чрезвычайно широкаго размаха. Мысль о міровомъ призваніи Россіи восходитъ къ XV вѣку. Въ различныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ она держалась въ послѣдующіе вѣка. Въ XIX вѣкѣ она получила новое развитіе въ русской философской и исторіософской литературѣ. Царская Москва и императорская Россія, подходя къ осуществленію русскаго мірового призванія, проводили его методами и въ формахъ національнаго государства. Но и въ явленіи коммунизма, эмпирическая сущность котораго въ гораздо большей степени сводится къ разрушенію, чѣмъ возвеличенію Россіи, все таки, помимо воли вождей и наперекоръ ихъ рѣшеніямъ, явлена въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ—мысль о русскомъ міровомъ призваніи; явлена притомъ въ размахахъ, дотолѣ неслыханныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что коммунизмъ преходитъ и прейдетъ. Но возрожденная національная Россія должна въ полной мѣрѣ сохранить въ положительномъ видѣ то міровое чувство, которое въ извращенной формѣ запечатлѣно въ коммунизмѣ...

Деникинъ былъ побѣжденъ, между прочимъ, потому, что по широтѣ своего идейнаго горизонта, въ сравненіи съ большевиками, онъ былъ провинціаломъ. Этотъ провинціализмъ долженъ быть отвергнутъ и преодолѣнъ.

Положительныя задачи русскаго духовнаго дѣланья вырисовываются, какъ задачи воплощенья и рощенья русскаго національнаго. — Имѣютъ высокую настоятельность прикладническія заданья реалистической и упорной, сознательно-собранной и цѣлесообразно-расчитанной русской національной работы. Въ ней не нужно бояться упрековъ въ національной узости и эгоизмѣ. Безъ того, что называютъ „эгоизмомъ“ и „узостью“ — не прійти къ возможностямъ широты и жертвы... — Но въ отличіе отъ многихъ другихъ „національнизмовъ“, имѣющихъ только одинъ слой — прикладничества и узкаго себялюбія, національнизмъ русскій — можно положительно утверждать — имѣетъ два основныхъ „слоя“, другъ другу соподчи-

ненныхъ, но существенныхъ, каждый въ себѣ: слой прикладническій и слой вселенскій. Слѣдуетъ придавать обоимъ одинаковое значеніе: безъ прикладничества, иной разъ расчетливаго и цѣпкаго, въ этомъ мірѣ, увы, не осуществимо вселенское служенье: чтобы дать, нужно собрать; безъ вселенскости прикладничество ведетъ къ оскудѣнію, потемнѣнію, духовной смерти... — Будемъ строить градъ земной, ибо Богъ даровалъ намъ просторы и матеріалы, и мы должны его строить, но въ душѣ своей будемъ носить Градъ Небесный. Обычное въ каждомъ повышенномъ національнзмѣ и уже нѣсколько вѣковъ присутствующее въ русскомъ сознаніи ощущеніе, что народъ нашъ есть народъ особый и исключительный, въ отношеніи къ народу русскому, на основаніи пережитого и въ происходящемъ почувствуемъ, какъ истину новую и сіяющую. И не будемъ бояться и самихъ несчастій нашихъ: быть можетъ, и разсѣяны мы (выходцы), въ горести и бѣдахъ, по всему лицу земному потому, что есть у Россіи, помимо прикладнически-національнаго, также національно-мірового призванье; и что дѣлать ей предстоитъ не только въ ея собственныхъ немалыхъ просторахъ, но и въ просторахъ большихъ, всей земной оболочки... Будемъ страстно любить данную Богомъ земную плоть нашей страны; но будемъ знать, что и оторвавшись отъ этой плоти, ставъ „безплотными“ и летучими, мы все же призваны сохраняться, жить и творить. Россія почвенная и Россія взметенная имѣютъ, въ наши года, каждая, свое призванье. И если бы мы умерли на чужбинѣ и если бы умерли въ ней и дѣти, и внуки наши, это не значило бы, что мы, и дѣти, и внуки наши прожили, живутъ, проживутъ жизнь напрасно. Явственнѣе, чѣмъ другіе народы, русскіе имѣютъ одновременно двѣ родины: Россію и міръ; повторяемъ: наряду съ дѣломъ національно-прикладническимъ, дѣломъ внутренняго сплоченья и оздоровленья, дѣломъ внѣшняго міроустроительства, Россія предопредѣлена къ дѣйствію вселенскому, призвана под-

нять и понести уроненную западнымъ человѣчествомъ нить вѣры; нить, безъ которой человѣчество непремѣнно и скоро заблудется и сгинетъ въ темномъ лабиринтѣ...

Порою думается, что въ настоящій моментъ только въ Россіи возможны чудеса — не только въ видѣ благодатнаго отвѣта на личную молитву, что составляетъ тайну общенія человѣка съ Богомъ, и вездѣ, и всегда существуетъ, но также въ видѣ явленныхъ въ народѣ знаменій славы Божьей (церковныя золоченья и обновленья)...

Трудность дѣла духовнаго возстановленія міра заключается въ томъ, что въ этомъ дѣлѣ Россія, весьма вѣроятно, можетъ расчитывать почти исключительно на свои собственныя силы; тотъ міръ, съ которымъ Россія въ послѣдніе годы наиболѣе близко общалась, міръ культуры западно-европейской, ей въ этомъ не поможетъ или поможетъ мало; ибо къ тупикамъ, въ которые попалъ, онъ пришелъ въ силу внутреннихъ необходимостей и неотъемлемыхъ свойствъ своего новѣйшаго развитія... Россія должна рѣшиться одна итти въ поиски и путь; одна взять на плечи бремя немалаго дѣла: творенья (въ отечествѣ и разсѣяньи) „эпохи органической“ посреди „эпохи критической“.

Между духовнымъ опытомъ „отечества“ и „разсѣянья“ есть глубокое сопряженье. И то, что происходитъ и чувствуется тамъ — имѣетъ чувствоваться и здѣсь; и быть можетъ, именно здѣсь отольется въ законченныя и выявленныя формы сознанія.

Глубоко нужно вобрать въ себя воздухъ; и знать, что жизнь, которую живемъ, есть не та обычная жизнь, которую привыкли жить предъ 1914 г. — но новая, страстная и зоревая... На долго, на коротко ли, эпоху нашу мы должны ощутить, какъ эпоху поворотную и героическую; такую, какой столѣтія не было предъ 1914 годомъ... Во мракѣ отыщемъ ли нить вѣры? Все потеряемъ ли или все пріобрѣтемъ? — Болѣе, чѣмъ было въ прошломъ,

мы должны, въ расчетѣ на будущее, копить и точить героическую волю. Героическое чувство и героическая воля... Намъ ли недостойнымъ произносить эти слова? — Но потребность жива и настоятельна. Въ томъ мірѣ, въ которомъ живемъ, горизонтъ вспыхиваетъ зловѣщими отблесками, знаками неслыханныхъ проваловъ, и вслѣдъ за тѣмъ, грозитъ все поглотить сгущающаяся тьма. Въ эти сроки знамя должно быть лучезарно, и знаменосцы крѣпки!..

Россія должна освободить міръ отъ рабства предъ новѣйшимъ романо-германскимъ шаблономъ. Это освобожденіе есть, прежде всего, духовная проблема. И потому, формулируя заданіе, слѣдуетъ всячески подчеркнуть, что дѣло идетъ именно о духовной сущности, а никакъ не о явленіяхъ вродѣ науки и техники. Сами по себѣ подлинная наука и опирающаяся на нее техника матеріально полезны и необходимы, и именно въ нашъ вѣкъ, когда и злая метафизика (историческій матеріализмъ!) выступаетъ въ обличіи науки — подлежатъ сугубому утвержденію; ниспроверженію подлежитъ: романо-германское отношеніе къ наукѣ и техникѣ, затѣмъ — кичливая увѣренность, что романо-германская цивилизація есть вѣнецъ творенія и завершеніе „прогресса“. Болѣе же всего должно быть изжито охватившее Европу и Россію обезпложиваніе духовной и вѣростной жизни, проистекшее изъ утраты живого и дѣйственнаго религіознаго чувства... Изъ ниспроверженія названныхъ духовныхъ началъ слѣдуютъ многообразныя послѣдствія.

Основное изъ этихъ послѣдствій для самой Россіи есть имѣющее возникнуть совершенно новое, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, значеніе церковнаго творчества... Можно быть какого угодно мнѣнія о положеніи христіанства въ современной Европѣ. Можно признавать, что вѣроисповѣданія въ ней сильны и организованы. Но для каждаго, имѣющаго чутье къ духовному творчеству, совершенно ясно, что если новѣйшая и современная Европа

имѣетъ клерикальную исторію, давно уже она находится внѣ рамокъ исторіи церковной[1]). Есть нѣкоторая страшная реальность въ томъ, что изъ всѣхъ странъ христіанскаго міра церковную исторію въ настоящій моментъ ведетъ только Россія. Образы святителей и мучениковъ, владыкъ и священноправителей, смутьяновъ, еретиковъ, отступниковъ, разгораніе и утиханіе гоненій, движеніе массъ и страсти ихъ, власть богоборческая и сатанинская, народная податливость и народное горѣніе — все это, въ сложной и волнующейся картинѣ, предстоитъ въ русской церковной дѣйствительности, напоминая и воскрешая самые страшные и поворотные, грозные и вдохновенные моменты церковнаго прошлаго. Не нужно закрывать глаза на глубинную трагичность момента. Но каждый, кому дороги завѣты Христа и преданія Вселенской Церкви — долженъ понимать, какое огромное, и творческое, и „революціонное" заданіе представляетъ собою сохраненіе и вознесеніе во славѣ Церкви Одной, Православной...

Среди смятенія современности и предъ поставляемыми ею задачами духъ нашъ, какъ никогда раньше, можетъ быть подавленъ несоразмѣрностью нашихъ силъ стоящимъ задачамъ. Куполъ Православія легъ широко и высоко. Не только мы, не только народъ русскій, но и другіе народы міра умѣщаются подъ его сводомъ. Въ дѣлахъ же мірскихъ мы пребываемъ внѣ государства и безъ вождя. Въ самомъ точномъ юридическомъ смыслѣ многіе русскіе въ настоящій моментъ являются безподанными. Но также и многіе, многіе изъ тѣхъ, кто формально находится въ совѣтскомъ подданствѣ, существенно и основоположно считаютъ себя безподданными. Нѣтъ государственной рамки, нѣтъ средоточія и вождя, которые объединяли бы насъ. Вниманіе къ движущимъ силамъ и реальностямъ исторіи предостерегаетъ отъ поспѣшныхъ,

[1]) Кончается церковная и начинается клерикальная исторія тогда, когда церковное общество превращается или приближается къ превращенію въ политическую партію.

чисто внѣшнихъ поисковъ и нахожденій — вождя. Личность плодотворна и побѣдоносна тогда, когда ее держатъ и несутъ упруго-крѣпкія крылья огромной и творческой идеи. Идея должна замѣнить намъ государство, средоточіе и вождя, до тѣхъ поръ пока наши государство, средоточіе и вождь не будутъ реально созданы, сдѣланы идеей... — Для тѣхъ, кто мыслитъ Россію, какъ міръ новый, какъ міръ, построяемый на основѣ напряженнаго православно-духовнаго творчества и широчайшаго культурно-національнаго и государственно-созидающаго размаха, для тѣхъ единственно возможнымъ подданствомъ является въ настоящую минуту — подданство идеи. Ранѣе и первѣе того, чѣмъ поставить надъ собою правителей-лицъ и учрежденія, мы должны превозгласить и поставить Идею-Правительницу... Для этого ее нужно выносить и взлелѣять въ глубинахъ сознанія; увидѣть и обрѣсти на путяхъ личнаго опыта; съ тѣмъ, чтобы въ порядкѣ послѣдующаго раскрытія личный опытъ этотъ сталъ опытомъ коллективнымъ. — Было бы преступною гордынею думать, что эта идея обрѣтена. Здѣсь нужно умножить усилія; и не отчаиваться отъ неудачъ; нужно вѣрить, что каждая неудача есть этапъ на пути къ конечному достиженію; нужно помнить, что мы призваны сохранить и умножить наиболѣе священныя и завѣтныя религіозныя и національныя цѣнности; что мы призваны въ борьбѣ съ отрицаніемъ вознести и укрѣпить утвержденіе. Если мы не сумѣемъ этого сдѣлать, то поистинѣ окажемся рабами лукавыми. И потому, въ усиліяхъ непрестанныхъ и творческихъ, пусть станетъ нашей задачей: взростить и избрать ее, грядущую Идею-Правительницу; взростивъ и избравъ, быть вѣрными, самоотверженными и дѣйственными подданными идеи.

Петръ Савицкій

У ДВЕРЕЙ

РЕАКЦІЯ? РЕВОЛЮЦІЯ?

Въ политической и общекультурной жизни „лѣвый“ и „правый“ — понятія относительныя. Все зависитъ отъ исходной точки. Лѣвый идеалъ всегда отталкивается отъ извѣстнаго идеологическаго status quo, которое по отношенію къ данной лѣвой идеологіи является идеологіей правой. Это изначальное идеологическое status quo можетъ продолжать жить и послѣ того, какъ лѣвый идеалъ одержитъ побѣду и воплотится въ извѣстную форму соціально-политическаго быта: соотношеніе между правымъ и лѣвымъ отъ этого не мѣняется, и правое, перейдя изъ роли охранителя въ роль оппозиціи существующему строю, тѣмъ не менѣе остается правымъ, реакціоннымъ. Правое упирается, строго говоря, всегда на непосредственное прошлое, а на современность — лишь постольку, поскольку эта современность является непосредственнымъ продолженіемъ прошлаго. Оно враждебно новизнѣ, и не только въ томъ случаѣ, если эта новизна только предносится въ воображеніи „лѣвыхъ“, но и въ томъ случаѣ, если эта новизна уже воплотилась въ формахъ реальной жизни. Тѣ изъ нѣкогда лѣвыхъ идеаловъ, которые воплощаются въ жизнь, остаются лѣвыми только пока и поскольку они воспринимаются какъ нѣчто новое: только пока и поскольку такое

ощущеніе новизны существуетъ, защита этихъ идеаловъ есть дѣло лѣвыхъ, а борьба съ ними, какъ съ новизной, — дѣло правыхъ. Но можетъ наступить моментъ, когда ощущеніе новизны даннаго идеала настолько вывѣтрится и потускнѣетъ, что защитники его изъ лѣвыхъ превратятся въ консерваторовъ, а противники даннаго идеала будутъ нападать на него не какъ на новшество, а какъ на отжившее старье, которое надо замѣнить другимъ, болѣе новымъ идеаломъ. Поскольку этотъ новый идеалъ не будетъ возвращеніемъ къ непосредственно предшествовавшему status quo, защитники его окажутся лѣвыми, а прежніе лѣвые — правыми, консерваторами.

До сихъ поръ въ европейской жизни наростаніе новыхъ идеаловъ, отодвигающее старые идеалы въ область отжившаго status quo, шло вообщемъ по одной прямой линіи. Термины „правый“ и лѣвый“ были поэтому въ каждый данный моментъ вполнѣ удачны. Каждый новый идеалъ былъ дѣйствительно „лѣвѣе“ непосредственно-предъидущаго, такъ какъ шелъ дальше его въ томъ же направленіи, уклоняясь еще больше отъ изначальнаго status quo: такъ, въ области политики „демократизмъ — соціализмъ — коммунизмъ“, „конституціонализмъ — парламентаризмъ — совѣтизмъ“, „конституціонная монархія — демократическая республика — с. ф. с. р.“ — все это тройки идеаловъ, расположенныхъ на прямой линіи справа на лѣво. Но можно представить себѣ такое прямолинейное движеніе, доведенное до своего предѣла, до тупика, изъ котораго уже „дальше некуда итти“. Въ этомъ случаѣ, новый идеалъ, отталкивающійся отъ непосредственно предшествующаго идеологическаго status quo, окажется не лѣвѣе его — ибо „лѣвѣе быть невозможно“, — а просто гдѣ то внѣ той прямой линіи, на которой до сихъ поръ помѣщались правые и лѣвые идеалы. Все это примѣнимо не только къ соціально-политическимъ ученіямъ, но и къ ученіямъ, опредѣляющимъ національныя отношенія, религіозныя убѣжденія и т. д...

Всматриваясь въ современную политическую, соціальную и общекультурную жизнь съ одной стороны Европы, съ другой — Россіи, невольно приходишь къ заключенію, что тѣ „лѣвыя“ идеологіи, которыми до сихъ поръ опредѣлялась эта жизнь, не только утратили свою свѣжесть, но прямо вывѣтрились, обветшали, покрылись какимъ то налетомъ косности и охранительнаго мракобѣсія. Это наблюдается не только въ странахъ, уже давно осуществившихъ „лѣвые“ политическіе идеалы и всегда считавшихся „передовыми“, но и въ молодыхъ республикахъ, перешедшихъ къ „передовому“ строю совсѣмъ недавно. Законы „объ охранѣ республики“ и постоянныя опасенія „контръ-революціи“ — характерныя явленія современности, свидѣтельствующія о томъ, насколько нѣкогда лѣвыя идеологіи теперь утратили свою юношескую свѣжесть, придававшую имъ силу. Въ современной лѣвизнѣ есть какая то косность, какая то боязнь новизны, — черты, характерныя для идеологій консервативныхъ и реакціонныхъ. Лѣвизна отдаетъ казенщиной, а главное — стариной. Человѣкъ, искренне вѣрящій лѣвымъ идеологіямъ, обычно либо уже старъ, либо по всему своему духовному облику принадлежитъ къ прошлому поколѣнію. Въ устахъ подлинно-современнаго человѣка лѣвыя рѣчи звучатъ, какъ нѣкоторая казенная, „высочайшеутвержденная“ ложь, въ которую самъ говорящій не вѣритъ.

Обветшаніе нѣкогда лѣвыхъ идеологій должно было бы привести къ возникновенію новыхъ, еще болѣе лѣвыхъ. Однако, тѣ крайнія лѣвыя идеи, до которыхъ люди додумались и которыя отчасти воплощены напр. въ Россіи, представляются уже именно тѣмъ предѣломъ лѣвизны, дальше котораго въ томъ-же направленіи итти некуда: вѣдь и такъ уже въ нихъ чувствуется какое то доведеніе до абсурда, приближеніе къ той точкѣ, гдѣ плюсъ-безконечность переходитъ въ минусъ-безконечность. Неудивительно поэтому, что, ища выхода изъ непроходимаго тупика, современный человѣкъ обращаетъ свои взоры

скорѣе направо, чѣмъ налѣво. Мы живемъ въ такое странное время, когда „дѣти“ либо совсѣмъ безпринципны, либо правѣе „отцовъ“.

Однако, простое поправѣніе никакъ не можетъ стать выходомъ изъ современнаго положенія. Не говоря уже о томъ, что исторія не знаетъ движенія назадъ въ чистомъ видѣ, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что то прежнее идеологическое status quo, отъ котораго отталкивались нѣкогда — лѣвыя, нынѣ — омракобѣсившіяся идеологіи, дѣйствительно прочно изжито и утратило всякую жезнеспособность. Если теперь люди извѣрились въ тѣхъ „лѣвыхъ“ идеалахъ, которые прежде казались столь заманчивыми, если отъ теоретическаго обоснованія этихъ идеаловъ теперь вѣетъ затхлой казенщиной, избитымъ фразерствомъ и пошлостью, — то въ еще большей мѣрѣ все это относится къ тѣмъ „правымъ“ идеологіямъ, къ которымъ обращаютъ свои взоры пришедшіе въ отчаяніе и извѣрившіеся въ лѣвизнѣ современные люди. Самый тотъ фактъ, что въ свое время — при томъ во время очень недавнее, когда общекультурная обстановка принципіально мало отличалась отъ теперешней, — правыя идеологіи не съумѣли защитить себя, не съумѣли удовлетворить современниковъ и помѣшать имъ двинуться влѣво, свидѣтельствуетъ о нежизнеспособности этихъ правыхъ идеологій. Нелѣпо ссылаться на слѣпоту „передового общества“, несъумѣвшаго или незахотѣвшаго оцѣнить спасительной сущности правыхъ идеологій: если бы эти правыя идеологіи дѣйствительно были сильны и жизнеспособны, стихійное отверженіе ихъ было бы немыслимо. Идеализировать недавнее прошлое могутъ только люди съ слишкомъ короткой памятью, и такъ какъ человѣческая память въ среднемъ не такъ коротка, то обманчивость этой идеализаціи очень быстро обнаруживается. Фактъ остается фактомъ: когда правыя идеологіи управляли жизнью, многимъ жилось лучше, чѣмъ теперь, но все же большинство было неудовлетворено не только

жизнью, но — что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, — самыми этими идеологіями, и въ исканіи новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ идеологій большинство двинулось влѣво. Теперь и въ этихъ лѣвыхъ идеологіяхъ всѣ извѣрились и многимъ живется еще хуже чѣмъ раньше. Изъ этого слѣдуетъ, что путь, по которому двинулось большинство, былъ избранъ невѣрно, но отнюдь не слѣдуетъ, чтобы надо было вернуться къ тому завѣдомо-неудовлетворительному положенію, неудовлетворительность котораго въ свое время и вызвала стремленіе къ перемѣнѣ идеологій и формъ жизни. Возвращеніе къ завѣдомо неудовлетворительному „правому“ идеологическому status quo мыслимо лишь какъ попытка „переиграть“, т. е., извѣдавъ уже неправильность „лѣваго“ пути, вернуться къ отправной точкѣ съ тѣмъ, чтобы попытаться изъ нее пойти по другому направленію. Но, въ такомъ случаѣ, правая идеологія оказывается не „идеаломъ“ въ подлинномъ смыслѣ слова, — а между тѣмъ, чтобы вывести людей изъ тупика, въ который они попали, нуженъ именно идеалъ, а не голое признаніе того, что они забрели въ тупикъ.

Стихійное „поправѣніе“, инстинктивное стремленіе современнаго человѣка вернуться назадъ „къ доброму старому времени“ есть лишь признакъ отчаянія. Въ этомъ умонастроеніи самую видную роль играетъ соединеніе остраго ощущенія неудовлетворительности современнаго положенія съ преувеличенно идеализированными по контрасту воспоминаніями недавняго прошлаго; подлинной идеологіи, продуманной и осознанной въ немъ нѣтъ. Идеологическая бѣдность современнаго праваго движенія поражаетъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Мало того, теоретическія понятія, лежащія въ основѣ нѣкоторыхъ проявленій этого праваго движенія находятся въ полномъ противорѣчіи съ самымъ духомъ всякой подлинной правой идеологіи. „Правые“ такъ долго терлись о лѣвыя идеологіи и о лѣвое міровоззрѣніе, что сами словно заразились тѣмъ умонастроеніемъ,

которое лежитъ въ основѣ всѣхъ лѣвыхъ идеологій. Это приходится наблюдать на каждомъ шагу. Русскіе эмигранты-монархисты исполнены такой же вѣры въ магическую спасительность юридическихъ формулъ, какою всегда отличались всѣ лѣвые идеологи: разница только въ томъ, что лѣвые вѣрили въ немедленное водвореніе всеобщаго счастья при помощи демократической республики, всеобщаго избирательнаго права и т. д., а правые такоеже немедленное и автоматическое водвореніе всеобщаго благополучія ждутъ отъ возстановленія монархіи. А т. к. монархія представляется правымъ именно какъ извѣстный комплексъ юридическихъ нормъ, имѣющихъ сами по себѣ магическую спасительную силу, независимо отъ времени, мѣста и живыхъ личностей, то естественно, что монархизмъ превращается въ легитимизмъ. И въ этомъ то и проявляется идейная противорѣчивость всего подхода къ проблемѣ. Взглядъ на главу государства какъ на сумму извѣстныхъ юридическихъ правъ на престолонаслѣдіе превращаетъ монарха изъ живой личности, концентрирующей въ себѣ національную волю, въ какой то алгебраическій знакъ. Такой взглядъ былъ бы естественъ въ умѣ республиканца, или послѣдовательнаго „народоправца"-парламентариста, для котораго глава государства не болѣе какъ подписывательная машина, случайно имѣющая человѣческій образъ, но съ подлиннымъ монархическимъ духомъ соединить такую механизацію монархіи трудно. Въ томъ механическомъ юридизмѣ, который проникаетъ мышленіе руководителей современнаго праваго движенія, какъ нельзя болѣе сказывается идеологическая безпомощность, идейное безсиліе реакціи, какъ чистаго движенія *назадъ*: въ идейномъ багажѣ руководителей этого движенія ничего кромѣ преувеличенно идеализированнаго воспоминанія о недавно пережитомъ „добромъ старомъ времени" не заключается. Естественно поэтому, что руководителями движенія являются главнымъ образомъ тѣ, кому особенно легко идеализировать не-

давнее прошлое, т. е. тѣ, кто прежде жили особенно хорошо и теперь особенно много потеряли; а при такихъ условіяхъ, весьма естественно также и то, что тѣ, кто къ идеализаціи недавняго прошлаго мало склонны (по остротѣ ли памяти или потому, что въ прошломъ ничего особенно хорошаго не испытали), сторонятся отъ праваго движенія, воспринимая его какъ движеніе чисто „шкурное".

И все же, несмотря на идейную безсодержательность и безплодность тѣхъ формъ, въ которыя выливается правое движеніе у его руководителей, въ самомъ фактѣ поправѣнія молодыхъ поколѣній, мало задумывающихся надъ теоретическимъ обоснованіемъ своего умонастроенія, есть что то здоровое и подлинное. Это стихійное поправѣніе таитъ въ себѣ безсознательное, инстинктивное предчувствіе истинно новой идеологіи, которая одна способна вывести изъ лѣваго тупика. Тѣ отнюдь не-новыя реакціонныя идеологіи и формулы, которыя при этомъ фактически высказываются, являются лишь суррогатомъ невысказанной и неосознанной грядущей подлинно-новой идеологіи. Происходитъ это по инерціи, по неспособности отвлечься отъ привычной плоскости политическаго мышленія, въ которомъ правизна и реакція противупоставляются лѣвизнѣ и „прогрессивности". Инстинктъ подсказываетъ, что безсознательно искомая идеологія лежитъ гдѣ-то очень далеко отъ крайне-лѣваго конца цѣпи возможныхъ соціально-политическихъ и соціально-этическихъ идеологій; а т. к. въ готовомъ видѣ существуетъ только эта цѣпь идеологій, то взоры невольно обращаются къ ея правому, даже крайне-правому концу. Но это — ошибка, вызванная исключительно привычностью той цѣпи или прямой линіи, на которой до сихъ поръ располагались справа на лѣво всѣ высказываемыя идеологіи и формулы, долженствующія нормировать соціально-политическую жизнь, культуру и бытъ. По существу стихійное поправѣніе молодежи есть плодъ инстинктивнаго, подсознатель-

наго стремленія к ъ н о в о м у, а не къ старому, и люди стараго закала, живущіе лишь воспоминаніями недавняго прошлаго, органически неспособны понять это движеніе и руководить имъ. Новая идеологія, та, которой принадлежитъ будущее, лежитъ не на этой привычной прямой линіи. Можетъ быть, если проэкцировать ее на эту линію, точка проэкціи и окажется гдѣ то въ правыхъ частяхъ линіи, — чѣмъ объясняется оптическій обманъ тѣхъ, которые привыкли смотрѣть только на эту привычную линію. Но суть новой идеологіи, то, что дѣлаетъ ее подлинно новой, жизнеспособной и движущей, заключается не въ томъ, что проэкція ея правѣе крайне лѣвой точки изжитой идеологической цѣпи, а въ томъ, что сама эта идеологія лежитъ в ъ д р у г о м ъ п л а н ѣ. Именно поэтому она н е р е а к ц і о н н а, не знаменуетъ возвращенія вспять къ недавнему прошлому, а зоветъ къ рѣзкому повороту, къ прыжку въ другой, совершено новый планъ. Фраза, что полнаго возврата къ недавнему прошлому быть не можетъ, сдѣлалась ходячей. Ее повторяютъ люди всѣхъ направленій, какъ лѣвые, такъ и правые. Но въ устахъ этихъ людей, привыкшихъ мыслить только въ ограниченныхъ предѣлахъ старой, нынѣ пройденной до конца и безнадежно изжитой идеологической цѣпи, фраза эта пріобрѣтаетъ щемяще-банальное содержаніе: желательное будущее представляется имъ какъ какой-то компромиссъ между разными старыми идеологіями, какъ новая комбинація изъ элементовъ разныхъ старыхъ „программъ“ и направленій, — и нечего и говорить, что эта комбинація лежитъ въ предѣлахъ все той же изжитой идеологической линіи. Совершенно другое значеніе получаетъ убѣжденіе въ немыслимости возврата къ недавнему прошлому у тѣхъ, кто отвергаетъ всю изжитую идеологическую линію въ ея цѣломъ: только при этомъ условіи будущее рисуется какъ подлинно новый укладъ жизни. И ясно, что только идя такимъ путемъ можно надѣяться найти выходъ изъ тупика современности. Все старое изжито, извѣдано и

безнадежно скомпрометировано. Нужно подлинно новое, не новая комбинація изъ старыхъ элементовъ, а введеніе элементовъ существенно-новыхъ.

Абсолютно новаго въ исторіи никогда не бываетъ. Историческое развитіе немыслимо безъ исторической памяти, и именно въ этой памяти черпаются и образцы и вдохновенія для всякаго новаго творчества. Но выходъ изъ пройденной до конца линіи старыхъ „правыхъ" и „лѣвыхъ" идеологій вовсе и не знаменуетъ собой отказа отъ исторической памяти. Какъ разъ наоборотъ, именно тѣ, кто до сихъ поръ топчется въ предѣлахъ все тѣхъ же старыхъ идеологій, заслуживаетъ упрека въ недостаткѣ памяти: воспоминанія ихъ не идутъ раньше начала названной идеологической линіи, у насъ въ Россіи — не дальше XVIII-го вѣка. Во всякомъ радикальномъ новаторствѣ, во всякой переворотной („революціонной" въ подлинномъ смыслѣ) идеологіи есть всегда примыканіе къ очень старому историческому воспоминанію. Существенно то, что воспоминаніе это является именно о ч е н ь с т а р ы м ъ, что оно относится ко временамъ давно минувшимъ, а не къ тому сравнительно недавнему прошлому, къ которому обращаются идеологіи консервативныя, „реакціонныя" въ подлинномъ смыслѣ — т. е. тянущія назадъ. Французская революція, этотъ классическій образецъ переворота, вся была проникнута живымъ воспоминаніемъ о римской республикѣ. Новаторство не въ отказѣ отъ прошлаго, а въ отталкиваніи отъ непосредственнаго, недавняго прошлаго, въ перескакиваніи черезъ него и въ идеологическомъ примыканіи къ эпохамъ болѣе отдаленнымъ. Эти о ч е н ь д р е в н і е элементы, почерпнутые изъ глубинъ исторической памяти, оказываются новыми и революціонными именно благодаря пересадкѣ въ новый контекстъ. Здѣсь не можетъ быть простой реставраціи, простого воспроизведенія отдаленнаго прошлаго, именно потому, что это прошлое слишкомъ старо. Элементы отдаленнаго прошлаго, вырванные изъ исторической перспективы и пере-

саженные въ новый для нихъ контекстъ современности, начинаютъ жить совершенно новой жизнью и становятся способны вдохновлять къ подлинно-новому творчеству. Слѣдуетъ отличать старое отъ древняго. Смотря на банальную сентиментальную иконопись прошлаго столѣтія, современный художникъ воспринимаетъ ее какъ ветошь, какъ „überwundener Standpunkt", но взглянувъ на древнерусскую икону, онъ можетъ загорѣться огнемъ подлиннаго вдохновенія и создать нѣчто подлинно новое, при чемъ это новое отнюдь не должно быть обязательно реставраціей или даже стилизаціей. Рисовать совершенно такъ же какъ древнерусскій мастеръ современный художникъ (настоящій художникъ, не копистъ-реставраторъ) никогда не будетъ: и не столько потому, что онъ — человѣкъ другой культуры, но уже по одному тому, что смотря на древнерусскую иконопись, восторгаясь и вдохновляясь ею, онъ въ то же время отталкивается отъ живописи XIX-го вѣка, что у древнерусскаго мастера быть не могло, и что ведетъ къ совершенно иному, существенно новому воспріятію и переживанію древнерусской иконописи. Сходные психологическіе процессы возможны и въ другихъ областяхъ творчества, и въ области идеологій. Новая идеологія, отталкиваясь отъ длиннаго ряда непосредственно предшествовавшихъ идеологій, можетъ почерпнуть вдохновеніе въ далекихъ глубинахъ исторической памяти и остаться тѣмъ не менѣе существенно-новой, ибо элементы древности предстанутъ въ ней въ совершенно новомъ (пусть исторически-невѣрномъ, но цѣнномъ съ точки зрѣнія современности) аспектѣ. „Революція" (въ смыслѣ переворота въ міросозерцаніи) отталкивается отъ *непосредственнаго* прошлаго, она не можетъ быть „реставраціей", но не только можетъ, а зачастую и стремиться быть „возрожденіемъ" глубокой древности.

Итакъ, тѣ идеалы, которые способны вывести насъ изъ современнаго тупика, лежатъ внѣ той плоскости, на

которой располагались до сихъ поръ „правыя“ и „лѣвыя“ идеи. Ощущеніе того, что эти идеалы находятся гдѣ то правѣе извѣстныхъ намъ лѣвыхъ идей, основано на оптическомъ обманѣ, на привычкѣ все проэкцировать на одну прямую линію. Инстинктивное стремленіе двинуться назадъ — плодъ недоразумѣнія: въ недавнемъ прошломъ спасенія нѣтъ, черезъ него можно лишь перескочить съ тѣмъ, чтобы почерпнуть въ отдаленномъ прошломъ вдохновеніе для созданія подлинно-новаго. Нужна не реакція, а революція въ подлинномъ смыслѣ, т. е. переворотъ въ сознаніи.

Европейская идеологическая дорога, прямая линія справа налѣво, пройдена до конца: не только вся она приводитъ въ тупикъ, но и нѣтъ на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться. Ее надо бросить всю, цѣликомъ, окончательно, — и искать новой. Мы, русскіе, должны прежде всего отказаться отъ европейскихъ формъ политическаго мышленія, перестать поклоняться идолу (къ тому же чужому) „формы правленія“, перестать вѣрить въ возможность идеальнаго законодательства, механически и автоматически гарантирующаго всеобщее благополучіе, словомъ, должны оставить взглядъ на человѣческое общество, какъ на бездушный механизмъ, — взглядъ, на которомъ основаны всѣ современныя соціально-политическія идеологіи. Не въ совершенномъ законодательствѣ, а въ духѣ, создающемъ и укрѣпляющемъ государство черезъ бытъ и устойчивую идеологію, слѣдуетъ искать грядущій идеалъ. Задача современности — не въ юридической спекуляціи, а въ созданіи устойчивой духовной базы и въ бытовомъ ея воплощеніи.

Жажда новаго, спасительнаго идеала томительна и напряженна. Довольствоваться суррогатомъ въ видѣ изжитыхъ формулъ реакціи — невозможно и вредно. Надо ясно сознать, что это — не то, и сосредоточенно напречь слухъ, всѣмъ существомъ насторожиться, чтобы разслышать новое слово. Это слово должно быть ска-

зано и будетъ сказано. Коллективное предчувствіе не обманываетъ, а коллективное напряженіе съ Божьей помощью способно творить чудеса.

Мы стоимъ у дверей. Толците и отверзется вамъ.

Кн. Н. С. Трубецкой

КЪ ПРЕОДОЛѢНІЮ РЕВОЛЮЦІИ

Чѣмъ длительнѣй эпоха революціи, чѣмъ революціонный охватъ шире и глубже — тѣмъ отвѣтственнѣй реакція. (Подразумѣвается, въ данномъ случаѣ, творческая реакція, которая есть въ существѣ путь къ новому и которая, въ случаѣ удачи, должна стать въ Россіи подлинной революціей — взамѣнъ революціи ложной). Катастрофическій образъ и размѣры русской революціи, „организованная мука" большевистскаго ига прежде всего обращаютъ вниманіе и усилія къ проблемѣ уясненія причинъ революціи и вызываютъ непосредственную жажду активнаго свержения коммунистической власти. Но, поскольку дѣйствительность указываетъ на несомнѣнную затяжку большевистскаго періода революціи, есть время, наряду съ осмысливаніемъ глубинъ и первопричинъ русской катастрофы и въ непосредственномъ съ нимъ сопряженіи, во всей широтѣ поставить проблему будущей и неизбѣжной русской реакціи.

Эмоціонально преодолѣть революцію не удалось. Видимо революціонное помраченіе и зло бунта будутъ побѣждены въ Россіи путемъ длительнаго искуса народнаго сознанія и совѣсти. Поэтому реакція имѣетъ достаточные сроки, чтобы всесторонне понять опытъ русскаго бѣдствія и выступить не какъ слѣпая стихія мщенія, а какъ зрѣлое, выработанное въ страстяхъ разрухи, творческое осознаніе будущей духовно-эмпирической Россіи.

Проблема будущей реакціи — предѣльно отвѣтственна и глубока, ибо революція опалила и возмутила всѣ стороны и сферы русскаго бытія. Конечно, было бы жалкимъ притязаніемъ, отъ кого бы оно ни исходило, издалека, пытаться такъ или иначе направлять процессы русской исторіи. Реакція, подобно революціи, прорвется и опредѣлится стихійно и неожиданно. Однако, будучи началомъ конструктивнымъ, опредѣляясь паѳосомъ борьбы съ революціоннымъ раззореніемъ, — реакція, въ извѣстной мѣрѣ, есть также и сознательное превозможеніе темныхъ, хаотическихъ инстинктовъ революціи, итогъ творческаго напряженія совѣсти, мысли и воли. Если революціонная тактика можетъ сознательно расчислять и методично устраивать разруху, то неужели попытка установить будущіе устои дѣйствительнаго строительства и возстановленія разложеннаго бытія народа и страны можетъ быть сочтена, какъ рѣшительно безплодное гаданіе или ненужное подсказываніе исторіи ея путей и обращеній!..

Для того, чтобы намѣтить и установить опорные начала будущаго — нужно со всей пристальностью вглядѣться въ революціонную дѣйствительность Россіи, ибо уже въ самомъ процессѣ революціи намѣчаются тѣ стороны народной одаренности, то существо русской націи, которыя, либо своеобразно противятся революціонному натиску и воздѣйствію, либо, отдаваясь имъ, все же органически, въ конечномъ итогѣ несовмѣстимы съ коммунизмомъ. Они то и должны явиться основой преодолѣнія большевизма и утвержденіемъ будущей реакціи.

Прежде всего, какая-то часть Россіи — духовно прозрѣла.

Это особеннно ясно, если сравнивать нынѣшнюю духовно-идеологическую настроенность Россіи и Запада. Религіозное возбужденіе русскаго сознанія, какъ-ни-какъ, явленіе массовое. Между тѣмъ, такое всеобщее бѣдствіе, какъ міровая война, до сихъ поръ не вызвало

въ Европѣ подлинной религіозной реакціи, въ соотвѣтствующихъ войнѣ размѣрахъ. Возросшее въ нѣкоторыхъ странахъ значеніе католическихъ клерикальныхъ партій, можно скорѣе учитывать, какъ фактъ реакціонно-политическій, и конечно подлиннаго возврата къ массовому религіозному исповѣдничеству въ немъ усмотрѣть нельзя. Слѣдуетъ признать, что Европа живетъ памятью христіанства, запечатлѣвшейся въ прикладномъ кодексѣ гражданской этики и морали.

Утвержденія, что Россія въ нѣкоторой своей части опомнилась и прозрѣла, не опровергаютъ ни кощунства, ни богохульства, ни святотатства современности. Конечно, въ настоящее время народъ въ массѣ выходитъ изъ религіознаго быта, безумно отлучаетъ себя отъ него, но въ то же время ядъ коммунизма и прикосновеніе къ реальному злу — отвѣтно, въ качествѣ противоядія, подняли страстный порывъ религіознаго возбужденія и наново поставили, пусть передъ меньшинствомъ, основныя проблемы религіи, вѣры и церкви. Въ свѣтѣ религіозныхъ свершеній предстаютъ нынѣ для многихъ — катастрофы и событія нашей эпохи. Преуменьшать значеніе этого также не нужно. Но есть и другое: опытъ катастрофической реализаціи предѣльнаго соціализма вскрылъ и разоблачилъ первосущность его, которая въ тактическомъ и постепенческомъ соціализмѣ дѣйствуетъ скрыто и необличимо. Русская революція показала, что подлинный соціализмъ не только формалистиченъ, но и онтологиченъ. Отнынѣ ясно, что свое упорство и паѳосъ соціализмъ черпаетъ не въ прикладномъ осуществленіи своихъ ирреальныхъ идеаловъ общественнаго бытія и равенства, а въ самой глубинѣ подлиннаго богоборчества и христоборчества [1]).

[1]) Соціализмъ противоположенъ христіанству и борствуетъ съ нимъ прежде всего въ своемъ сознательномъ смѣшеніи, въ установленіи лже-синтеза началъ духа и плоти. Христіанство, какъ религія богочеловѣческая, категорически эти начала раздѣляетъ и устанавливаетъ непреложную законность въ отношеніяхъ между ними. Соціализмъ-же, съ одной стороны отрицая творческій приматъ, автоно-

Опытъ зла, который выпалъ на долю Россіи и который является ея privillegium odiosum, въ существѣ своемъ, конечно есть опытъ религіознаго порядка.

Можно сказать, что „угашеніе духа", на которомъ строился весь замыселъ коммунистическаго овладѣнія Россіей, не удался. Погибая, Россія ожила въ духѣ. Тутъ нельзя мѣрить въ количествахъ и массахъ. Конечно, въ большинствѣ русскій народъ захваченъ жаждой матеріальныхъ благъ и страстью своего буржуазнаго будущаго. Но, поскольку для народнаго вдохновенія и для духовной экспансіи — нѣтъ законовъ, вспыхнувшее религіозное сознаніе меньшинства можетъ найти себѣ отзывъ въ помраченной религіозной стихіи всей русской страны, ибо явное попираніе б о г о з а к о н н о с т и міра, у какого-то предѣла, необходимо должно привести къ реальному узрѣнію границъ божескаго и человѣческаго, къ религіозному видѣнію первичной грани, пролегающей между сферой міровой богозаконности и предѣлами творческихъ возможностей человѣка.

Насколько первый этапъ революціи разыгрывался главнымъ образомъ въ планѣ соціально-политическомъ, настолько въ дальнѣйшемъ, революціонный процессъ сосредоточился въ области духовно-религіозной. Въ этомъ легко удостовѣриться, хотя бы по очередному вниманію, которое большевики удѣляютъ противорелигіозной пропагандѣ. Самый фактъ революціонизированія церкви, свидѣтельствующій о величайшемъ помраченіи народнаго сознанія и совѣсти, есть прямое посягательство на самыя священныя достоянія народа, и, можетъ быть, предѣльное кощунство лучше всего покажетъ Россіи, куда завела ее революція и отъ чего заставляетъ отступаться...

мію и онтологію духа, какъ бы матеріализуетъ его, и съ другой, — сублимируя бытіе матеріальное и провозглашая его предѣльной и достаточной цѣлью человѣческой жизни, этимъ самымъ сообщаетъ матеріи и плоти нѣкое подобіе духовнаго качества, т. е. какъ бы пневматизируетъ ихъ. Въ силу этого устанавливается тотъ опорачивающій осмозъ между духомъ и плотью, который въ глубинномъ существѣ противенъ откровенію и ученію христіанства.

Но, великіе соблазны стоятъ и передъ тѣми, кто уже прозрѣлъ и пытается опереться на устои духа, вѣры и церкви. Нужно не во зло использовать это обращеніе и сумѣть устоять на творческой и вѣрной свободѣ духовной дѣятельности. Иначе довѣріе къ вѣрѣ — смѣнится у маловѣрныхъ новымъ обличительствомъ и сомнѣніемъ. А кто дерзнетъ назвать себя н е маловѣрнымъ!..

Если революціи не удалось убить исключительное одареніе боговозбужденности русской стихіи и ея религіозную память, то не погасила она и реальное ощущеніе э м п и р и ч е с к а г о о б р а з а Россіи. Во всѣхъ бѣдствіяхъ и униженіяхъ революціи, Россія, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всего міра, неизмѣнно предстаетъ, какъ непреодолимый, неподдающійся общеевропейской нейтрализаціи и унификаціи — самобытно-державный, культурно-политическій міръ, преодолѣвающій какую-то с в о ю судьбу. Будучи на апогеѣ соціалистической европеизаціи, Россія все таки оказалась п р о т и в о п о с т а в л е н н о й Европѣ. Даже обратно, революція обострила сознаніе русской культурно-политической особности, привела къ тому, что Россія наново почувствовала вѣсъ, силу вытѣсненія и самодовленіе своего эмпирическаго массива. Ощущеніе суверенности культурной сопрягается въ данномъ случаѣ съ ощущеніемъ и чаяньемъ суверенности государственно-политической.

Въ десятилѣтіяхъ, предшествовавшихъ революціи, потеря духовно-культурнаго лика Россіи сказывалась въ массахъ, какъ помраченіе державнаго самосознанія всего народа. Чувствовалась всеобщая усталость отъ державности и ощущалась б е з ц ѣ л ь н о с т ь великодержавнаго бытія Россіи, которое перестало дѣйствовать, какъ органическій стимулъ единства и мощи. Прорвавшаяся революція открылась небывалымъ политическимъ фактомъ добровольнаго санкціонированія распада и разложенія всей державно-государственной формы Россійской имперіи. Это было явнымъ признакомъ паденія всѣхъ силъ, сопрягающихъ

воедино разнородныя данности великаго государства. Можно, конечно, отнести самопредательство Россіи 1917-18 года на счетъ воли и иниціативы революціонныхъ элементовъ, но было бы правильнѣе видѣть въ этомъ фактѣ обнаруженіе глубокаго всенароднаго процесса обнищанія державнаго самосознанія, корни котораго протягиваются въ историческія судьбы Россіи XVIII и XIX вв.

Къ началу міровой войны — державно-историческаго з а д а н і я и самопониманія Россія не имѣла. Они были утрачены еще раньше. Эта утрата и безпомощность русскаго правительства и русскаго „охраненія" въ дѣлѣ прямого внушенія народу его историческаго достоинства и заданія, сыграли, между прочимъ, роковую роль въ длительной борьбѣ власти съ революціей. Русская революція не была неожиданной катастрофой: одна часть общества издавна ставила ее себѣ, какъ открытую цѣль, русскій творческій геній пророчески предсказывалъ ее, правительство и русскій консерватизмъ сознавали ее неминуемость и боролись съ ней. Установка сознанія революціонной интеллигенціи была точной, и ея тактика была послѣдовательной: на русскую вѣру, культуру и бытъ — было положено клеймо дикарства, варварства и обскурантизма. Выставлялась единая цѣль — европейская просвѣщенность и всеуравнивающій прогрессъ.

Что же касается идеологіи правительственно-охранительной, то она, создавая въ качествѣ защиты, декларацiи о самобытности русскаго народа и его призваніяхъ (начиная отъ Магницкаго, Уварова и кончая Катковымъ и Побѣдоносцевымъ), въ то же время не давала никакого конкретно-самостоятельнаго, историко-активнаго заданія русскому государству. Наоборотъ, уступая общему ходу событій, Россія все сложнѣе втягивалась въ общеевропейскія политическія сплетенія и, тѣмъ самымъ, правительство на дѣлѣ опровергало свои идеологическія предпосылки о созданіи самостоятельной судьбы для русской государственности.

Можно безъ труда прослѣдить, какъ часто Россія выступала въ международной жизни Европы и сопрягалась съ ея судьбами безъ всякой существенной и органической для себя надобности. Имѣя нѣсколько разъ возможность нейтрально утвердить себя, какъ великое, самодовлѣющее цѣлое, русская государственность фатально низводила свое значеніе до степени частнаго политическаго фактора, вынужденно слагающаго общеевропейское сложное равновѣсіе. Въ этомъ отношеніи политическая исторія Россіи, „обоснованіе“ и „оправданіе“ ея войнъ, (въ томъ числѣ и послѣдней міровой войны), требуютъ къ себѣ, особенно въ настоящее время, обостреннаго вниманія...

Революція, изолировавъ большевистскій континентъ и выведя Россію изъ всѣхъ международныхъ отношеній — какъ-то приближаетъ, помимо воли ея руководителей, русскую государственность (пока что скрытую подъ маской коммунистической власти), къ отысканію своего самостоятельнаго историко-эмпирическаго заданія и заставляетъ вдохновиться имъ. Однимъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о накопленіи государственнаго самосознанія въ нынѣшней Россіи иногда считаютъ національ-большевистскую доктрину. Но, поскольку это теченіе стабилизируетъ въ государственную систему революціонно-преходящій порядокъ и, закрывая глаза на всѣ мерзости революціи и не ставя себѣ никакихъ духовныхъ заданій возрожденія, — строитъ свою идеологію на революціонныхъ парадоксахъ (т. е. посредствомъ интернаціонала надѣется создать національное строительство Россіи), оно, — ничѣмъ инымъ, какъ уродливымъ порожденіемъ революціи, названо быть не можетъ. Однако, нужно признать, что какая-то трагически-роковая и конечно временная и частичная подмѣна — въ русскомъ народномъ сознаніи дѣйствительно пока что наличествуетъ: слѣпая „защита революціи“ — является для нѣкоторыхъ, донынѣ затемненныхъ русскихъ людей,— въ сущности безсознательной защитой національно-государственнаго суверенитета Россіи.

Но рано или поздно, русское самосознаніе должно будетъ до конца уяснить себѣ истинный духовно-эмпирическій образъ Росссіи; это по новому освѣтитъ также и проблемы международно-политическаго самоутвержденья; уже и сейчасъ имѣются симптомы, что въ національномъ сознаніи произошла также и в ѣ р н а я реакція на національное самопредательство 1917—18 гг.; что вопросы подлиннаго національнаго бытія и достоинства уже и сейчасъ ощущаются временами рѣзко и обостренно въ кругахъ, гдѣ доселѣ вовсе не думали объ этихъ вопросахъ.

Если симптомы этого уясненія уже наличествуютъ въ русскомъ сознаніи, то тѣмъ неотложнѣй слѣдуетъ ихъ развить въ широкую и цѣльную идеологію, [могущую] вызвать къ себѣ ту н а р о д н у ю с т р а с т ь, которую революціонеры сумѣли внушить нѣкоторымъ элементамъ русскаго народа къ идеѣ интернаціонала. Здѣсь должны сопречься въ нѣкоторое единство элементы религіознаго возбужденія и любовнаго видѣнья земного образа Россіи. Конечно, сближеніе сферы религіозной со сферой эмпирической таитъ въ себѣ много опасностей и соблазновъ. Исторія знаетъ множество примѣровъ употребленія во зло этого союза. Но кто вѣритъ въ творческую надѣленность Россіи — долженъ на на этотъ рискъ идти. Можетъ быть, это сочетаніе, какъ часто бывало, принесетъ и Россіи шаблонную реакцію, а можетъ быть искусъ и опытъ ея революціи направятъ русское будущее „к ъ н е б ы в а л о м у“. Во всякомъ случаѣ, сопряженіе въ единую идеологію и цѣлепоставленіе проблемы русскаго духовнаго возрожденія и исповѣдничества съ проблемой эмпирической плоти и историческаго образа Россіи имѣютъ въ настоящее время больше шансовъ оказать помощь въ дѣлѣ преодолѣнія русскаго развала и намѣчанія путей строительства, нежели всѣ промежуточныя, безосновныя идеологіи и схемы формальной политики. Вообще, всѣ попытки врачеванія Россіи, путемъ навязыванія ей готовыхъ политическихъ формулъ и режимовъ — до сихъ поръ ока-

зывались слѣпой, невыносимой схоластикой, жалкими психологизмами, навсегда утерявшихъ чутье Россіи, людей.

Но главное, призрачно горяча воображеніе ближайшими заданіями и активно-политическими планами, которымъ не суждено осуществиться, большинство эмиграціи тѣмъ самымъ теряетъ пониманіе перспективы реальной, но болѣе отдаленной; и, не видя осуществленія своихъ лихорадочныхъ и растерянныхъ разсчетовъ, эмиграція сама опустошаетъ вѣру въ свои силы, порождаетъ болѣзненное нетерпѣніе и приводитъ къ соблазну малодушнаго соглашательства. Эмоціональная контръ-революція до сихъ поръ не можетъ стать сознательно-волевой реакціей, то есть не можетъ обрѣсти новую установку сознанія и новое духовно-психологическое содержаніе.

Надрывно обличать революцію — безплодно. Сознавая всѣ грѣхи и зло ея насилія, тѣмъ не менѣе необходимо воодушевиться творческимъ, конструктивнымъ оптимизмомъ. Иначе расквитаться съ происшедшимъ невозможно, ибо чѣмъ дольше люди психически будутъ пребывать въ атмосферѣ революціоннаго зла, тѣмъ живучѣй будутъ революціонные яды...

Эмиграція, лихорадочно и безпорядочно занятая обличеніемъ революціи, мало задумывается надъ проблемой дѣйствительно творческой реакціи.

Нужно понять, что современный большевизмъ пересталъ быть явленіемъ исключительно соціальнымъ и политическимъ; онъ проросъ неисчислимыми корнями, и въ настоящее время пронизываетъ и оплетаетъ всю почву и подпочву русскаго бытія. Если не всѣ признали коммунизмъ, если есть отрасли и явленія русской жизни, которыя ему противятся и будутъ противиться, то всѣ и все въ Россіи, такъ или иначе, имъ деформированы, отравлены или искажены.

Дѣло въ томъ, что наряду съ державной усталостью и утратой чувства самопониманія была у Россіи къ концу

XIX в. и въ началѣ XX в. какая то всеобщая ж а ж д а с а м о п р о я в л е н і я, смутное сознаніе, что „исторія призываетъ Россію къ ея очереди", которыхъ не поняли и не сумѣли во благо использовать „реакція" и правительство. Не получивъ должнаго выхода, народное напряженіе слѣпо и злосчастно отдалось тому волевому и императивному началу, которое съумѣло еще больше возбудить и сопречь воедино всѣ стороны и уровни, спутать всѣ наклонности, дурныя и хорошія, русскаго бытія, съ тѣмъ, чтобы въ порывѣ ослѣпленнаго бунта захватить Россію, заставить ее отречься отъ самой себя и отдаться чуждому и враждебному. Идти противъ большевизма съ одной лишь политикой или моральнымъ обличительствомъ, вообще съ какимъ нибудь обособленнымъ лозунгомъ борьбы — безполезно. Нужно выставить противъ большевистскаго фронта — с о р а в н ы й п о о х в а т у и ш и р о т ѣ, подобный же ему фронтъ, который бы, развернувшись, повелъ бы наступленіе цѣпью — вѣрнѣе, началъ бы отбивать Россію, одновременно и сопряженно по всѣмъ сторонамъ, направленіямъ и глубинамъ, захваченнымъ революціей. Нужно глубоко перепахать россійскую равнину, чтобы порвать всю подземную сѣть разросшихся тонкихъ корней большевистскихъ плевелъ. И кромѣ того, только четкое и в с е с т о р о н н е е представленіе будущаго, сможетъ заставить одуматься, убѣдитъ и притянетъ къ себѣ извѣрившуюся и потерявшую себя Россію.

Между тѣмъ, политическое доктринерство нѣкоторой части интеллигенціи все еще продолжаетъ свое вредоносное дѣло. Съ другой стороны дѣлаются попытки идеализовать до-революціонное прошлое, которое въ сравненіи со всѣмъ пережитымъ, естественно встаетъ въ памяти, какъ неоцѣненное совершенство. Въ обоихъ случаяхъ продолжаетъ сказываться дѣйствіе двухъ основныхъ и между собой сопряженныхъ факторовъ до-революціонной Россіи, которые ближайшимъ образомъ и привели къ катастрофѣ. Оставляя въ сторонѣ обще-европейскій кри-

зисъ и глубинныя причины революціи, не слѣдуетъ (какъ это теперь иногда принято) односторонне судить только интеллигенцію, хотя она дѣйствительно предательски отступила отъ пониманія и цѣненія державнаго бытія Россіи и тѣмъ самымъ подточила его былые устои. Нужно рѣшительно признать, что и дореволюціонная власть, въ послѣднія десятилѣтія, явно утеряла непосредственно-живую связь съ народомъ, культурой и современностью и за это она отвѣтственна. Главное зло было не въ недостаткахъ строя, а въ томъ, что начиная съ верховъ власти обнищало духовно, выродилось и потеряло свой смыслъ, императивность и даже стиль русское великодержавіе.

Вѣдь въ нынѣшней катастрофѣ нѣтъ ничего неожиданнаго; сбылось все писанное и предрѣченное (взять хотя бы страстныя и упорныя предостереженія — пророчества К. Леонтьева). И если „русскій консерватизмъ“ и „русское охраненіе“, сознавая ясно все грядущее, не смогли однако предупредить гибель „самобытной Россіи“, то значитъ у нихъ не было какой то органической опоры, убѣждающей воли и увѣренности въ себѣ для того, чтобы передать странѣ и народу, черезъ головы „разночинцевъ, либераловъ и интеллигентовъ“, „подрывавшихъ основы“, свое религіозно-государственное заданіе и, вопреки всему, защитить его правоту и осуществить въ дѣйствительности. Вѣдь власть была еще сильной и автократной! Это нужно признать для того, чтобы сверхъ мѣры не идеализировать теперь русскаго консерватизма. Выступая въ разныя десятилѣтія второй половины XIX в. во всевозможныхъ аспектахъ, русское „консервативное охраненіе“, говоря обобщающе, не съумѣло возбудить къ себѣ длительнаго и устойчиваго довѣрія Россіи, какъ къ началу и движенію національно-культурному, ставящему себѣ цѣлью самобытное развитіе русскаго религіозно-культурнаго и государственно-общественнаго организма. Оно не оправдало своихъ идеалистическихъ лозунговъ и вызвало

подозрѣніе, въ смыслѣ эгоистическаго соблюденія сословныхъ и имущественныхъ интересовъ. Что же касается именно верховъ русской общественности, то они и не могли стать оплотомъ культурнаго „охраненія", такъ какъ сами неудержимо стремились по пути денаціонализаціи и европеизаціи (неизбѣжно связанныхъ съ уклономъ къ либерализму). Въ результатѣ, дѣйствительно консерватизмъ оказался только политическимъ, а не національно-культурнымъ и сталъ рѣшительно неубѣдительнымъ для всей націи.

Если разразившаяся катастрофа русской революціи имѣетъ глубокія и далекія причины въ историческомъ прошломъ Россіи, то конецъ XIX-го в. былъ для этой катастрофы рѣшающимъ срокомъ. Именно тогда настолько помрачились русскіе государственные и общественные горизонты, что для самыхъ разнородныхъ чуткихъ людей 80—90 г. г. стало ясно, что „ближайшее будущее готовитъ такія испытанія, какихъ не знала исторія", что черезъ какіе нибудь полвѣка, не болѣе, русскій народъ изъ народа „богоносца" станетъ мало по малу, и самъ того не замѣчая, „народомъ богоборцемъ". Эта эпоха была для Россіи трагической уже потому, что въ это время внѣшній ростъ и державная политика Россіи не имѣли никакого идеологическаго, національно-духовнаго выраженія и возглавленія [1]). Славянофильство къ этому вре-

[1]) Славянофильская идея, въ формахъ близкихъ къ ея первоосновамъ, никѣмъ уже не представлялась и не развивалась. (И. С. Аксаковъ сконч. въ 1885 г.); позднее и своеобразное славянофильство К. Леонтьева воспринималось въ широкихъ кругахъ, какъ анахронизмъ и мракобѣсіе; Катковъ былъ одіозенъ, какъ официозный выразитель правительственной реакціи. Вліяніе Страхова оставалось ограниченнымъ. Теократическій утопизмъ Вл. Соловьева того времени, хотя и коренился въ ученіи Кирѣевскаго и Хомякова, но существенно видоизмѣнялъ основные элементы стараго славянофильства и сообщалъ имъ иной идеологическій и эмоціональный смыслъ. Въ соблазнительной концепціи русскаго „національнаго самоотреченія", пресуществленнаго Рима и всемірной теократіи Соловьева (которая условно повліяла и на Достоевскаго) исчезала вовсе острая славянофильская критика „раздвоенія и разсудочности" Европы. Къ началу 80-хъ г.г. относится и разрывъ Соловьева съ

мени было почти изжито и отъ него оставался лишь тяжелый псевдо-русскій стиль, который особенно въ царствованіе Александра III наложилъ свою печать на всѣ стороны „казеннаго“ бытія Россіи. (Національно-славянофильское возбужденіе, связанное съ турецкой кампаніей оказалось фатально-нежизнеспособнымъ. Причины этого — составляютъ одну изъ глубочайшихъ проблемъ русской государственности и культуры). Сами „охранители“ въ сущности становились западниками, отстаивая тѣмъ не менѣе реакцію, но уже узко-политическую. А такъ какъ „западничество“ всегда отожествлялось съ либерализмомъ, то естественно, что „западническая“ реакція была неубѣдительной и вносила въ сознаніе русскаго общества только путаницу понятій и сугубое раздраженіе. И по существу въ какомъ-то смыслѣ, русское общество имѣло право быть недовольнымъ: если реакція и правительство не сумѣли создать для по-реформенной Россіи самобытную эпоху всеобщаго расцвѣта и сами стали на путь „европеизаціи“, то не идти по этому пути дальше, къ конституціи и гражданской свободѣ — означало „дѣйствительно дышать исключительно азотомъ полнаго застоя“. И жизнь въ самомъ дѣлѣ стала идти мимо государственности, перестала заряжать своей энергіей обще-народный аккумуляторъ русской державности, а наоборотъ начала питать тѣ

И. С. Аксаковымъ, при чемъ ближайшимъ поводомъ расхожденія были католическія соблазны Соловьева и его проповѣдь о центральномъ авторитетѣ Римскаго престола. Нѣсколько позже Соловьевъ отрицательно-критически высказался и о „ползучей“ теоріи культурныхъ типовъ Данилевскаго. Иную формулировку получило и міросозерцаніе Достоевскаго: считавшій ранѣе, что міръ д. б. спасенъ „одной только русской мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ“, въ 1880 г. онъ, въ своей пушкинской рѣчи заявилъ, что „все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе...“ Но важнѣе всего отмѣтить, что самые широкіе круги русскаго общества и даже непередовой интеллигенціи, въ чисто-обывательскомъ и прикладническомъ смыслѣ, стали въ эти годы слѣпо и неразсудительно „западопоклонничать“, причемъ пониманіе перспективъ русскаго будущаго оказывалось въ этихъ пассивныхъ общественныхъ кругахъ, столь же затемненнымъ, сколь притупленной была ихъ историческая память къ прошлому...

теченія и настроенія, которыя рвали въ сторону, или же „подрывали основы". Это создавало ту гнетущую атмосферу безвыходности и озлобленія, скуки и страха, въ которой сложились самыя мрачныя и оправдавшіяся пророчества о русскомъ будущемъ; въ этой же атмосферѣ зародились: Чеховъ, Андреевъ и Блокъ, „Конь блѣдный" Ропшина и „Петербургъ" Бѣлаго. А между тѣмъ, были люди, которые твердили, „что Европѣ уже преходитъ образъ міра сего" и что спасеніе Россія можетъ обрѣсти только на самобытныхъ государственныхъ и общественно-экономическихъ путяхъ. — Но этому лозунгу реакція не вняла. Конечно, можно было бороться съ модой европейской либеральной общественности, но въ такомъ случаѣ *должно* было въ національныхъ масштабахъ создавать *свои* перспективы развитія, прежде всего выдѣливъ цѣлый рядъ жизненно-необходимыхъ реформъ — и въ томъ числѣ реформу земельнаго устройства крестьянъ, психологически удовлетворительное и хозяйственно-цѣлесообразное разрѣшеніе вѣкового „спора о землѣ" — изъ одіозной сферы политическаго либерализма, для того, чтобы на этихъ реформахъ именно и строить независимое и *творческое* охраненіе религіозно-государственнаго существа Россіи, чтобы сберечь ея внутреннюю структуру и историческій ликъ. Но, всего этого не случилось...

Не мѣсто политическимъ счетамъ, пристрастнымъ обвиненіямъ и уличеніямъ послѣ роковой гибели религіознаго и государственно-бытового уклада всей Россіи. Многіе факты революціи конечно еще найдутъ себѣ форму искупленія въ религіозной совѣсти будущихъ поколѣній. Но все таки слѣпую реакцію 80-90 гг. и тупикъ 1917 года, тогдашнія судороги, метафизическую пустоту, муки безвыходности и опустошенности нужно помнить не меньше, чѣмъ ужасы революціонной поры.

Поздній историческій срокъ русской революціи, происшедшей, когда гуманистическій и соціалистическій идеализмъ обличенъ и начинаетъ отчасти терять свою

соблазнительность [1]), а также фактическая необходимость всесторонней реконструкціи Россіи — налагаютъ на послѣдующую за революціей эпоху сугубую отвѣтственность. И если русская реакція не выявитъ обновленно религіозно-культурный и державный ликъ Россіи, то можно сказать, что всѣ страсти и жертвы революціи окажутся неискупленными. Возвратъ къ ощущенію и пониманію образа и судьбы своей родины — воскреситъ и любовь къ ней, которая должна быть осознана, какъ категорія религіозная. Насколько помрачено было русское предреволюціонное патріотическое сознаніе — можно судить не только по злобствованію и предательству открытыхъ враговъ Россіи; — вырожденіе подлиннаго чувства родины сказалось и въ русскомъ творчествѣ (ярче всего у Блока и Бѣлаго), какъ будто исполненномъ любви и страсти къ Россіи, но въ которомъ надвигающаяся катастрофа, провидимыя бѣдствія и ужасы становились имманентными исключительно личной судьбѣ каждаго автора и вызывали къ себѣ съ ихъ стороны мучительную „радость страданія", почти садистическія рефлексіи, эгоистическую жажду гибели и распада, а не волевое противленіе грядущему бѣдствію.

Въ этомъ сказалось все безсиліе людей эпохи русскаго духовно-общественнаго декаданса понять Родину лично и идеально — одновременно, то есть религіозно; понять, что должно каждому сливать свою судьбу съ судьбой родины, но въ то же время нельзя уравноцѣнивать личную біографію съ бытіемъ своей страны и своего народа въ какой бы мѣрѣ личная жизнь въ извѣстныя эпохи ни опредѣлялась этимъ бытіемъ. Отношеніе къ Родинѣ должно имѣть аспектъ несоизмѣримости со всѣми внутри-обще-

[1]) Это не значитъ, что въ ближайшемъ будущемъ соціализму не суждены еще крупныя побѣды, ибо, пока что, онъ нерасторжимо связанъ съ индустріальной цивилизаціей; а возможности разростанія послѣдней безграничны, такъ какъ современность научилась искусственно создавать тысячи лишнихъ потребностей для того, чтобы ихъ немедленно обслуживать и удовлетворять.

ственными отношеніями; потеря этой установки ведетъ къ гибели патріотической гордости и къ утвержденію безпомощно-индивидуальной гордыни и исключаетъ возможность патріотическаго служенія. А служить — это значитъ, понявъ судьбу своей родины — волею творить ее...

Бываютъ эпохи, когда историческое заданіе меркнетъ въ самомъ сознаніи народа. Несмотря на все разложеніе Россіи — народная память о себѣ и основныя черты русской національной одаренности — пока еще живы. Ихъ должно прояснить и укрѣпить. Для этого слѣдуетъ попытаться создать на неотмѣнимыхъ устояхъ органическаго, православно-русскаго міросозерцанія, систему сопряженнаго наблюденія всѣхъ нынѣ развивающихся процессовъ и событій Россіи. Лишь въ зоркомъ наблюденіи и сопоставленіи фактовъ можно обрѣсти вѣрное, непредвзятое сужденіе о русскомъ настоящемъ и будущемъ. Однако, нельзя оцѣнивать происходящее, не имѣя твердыхъ основъ будущей реакціи, которые бы центрировали, оформляли и сводили воедино всѣ данныя опыта и наблюденій. Но выбирая эти основы — нужно со всей отвѣтственностью устанавливать дѣйствительныя начала русскаго религіозно-эмпирическаго самоутвержденія, безъ коихъ дѣйствительно немыслимо строительство духа и государства будущей Россіи. Выясненіе неотмѣнимыхъ догматовъ русскаго бытія должно идти рядомъ съ творческимъ опытомъ современной реальности. Одно безъ другого немыслимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ грозитъ опасность, либо нежизненнаго доктринерства, либо безпринципнаго оппортунизма. Идеологія должна стать и методологіей.

Возвращаться ревнивой памятью, помыслами и желаніями къ недавнему прошлому — безполезно и даже вредно. Эта память для всѣхъ мучительна: чувство поздняго раскаянія, роковой смыслъ всего происшедшаго и пониманіе общей вины — смѣшиваются съ острымъ сознаніемъ, что можно было избѣжать катастрофы и съ жаж-

дой обличенія того „поколѣнія отцовъ", которое, раздѣлившись на два стана, съ одной стороны открыто, злой волей наступало на Россію и наконецъ овладѣло ею и съ другой, по малосилію, не сумѣло заступиться за нее. Тяжела память о послѣднемъ полустолѣтіи д. б. и въ народѣ. Конечно, не потому, что режимъ былъ насильническимъ, какъ это принято по шаблону опредѣлять, а потому, что всеобщее духовно-моральное и государственно-сословное разложеніе проникало до самыхъ глубинъ народныхъ и создавало хворую, возбуждающую атмосферу, постоянно раздражало нервы и страсти народа, который хорошо понималъ, что является объектомъ чужого спора.

Помнить и сознавать недавнее прошлое, какъ страшный опытъ — необходимо, но не это прошлое нужно ставить въ основу идеологическаго и эмпирическаго возрожденія Россіи. Необходимо во всей остротѣ и глубинѣ пробудить историческую память Россіи (конечно, не только эстетически и безъ искусственной архаизаціи), которая за послѣдніе вѣка стала мельчать, потеряла способность синтетически охватывать всю прошлую судьбу своей вѣры, культуры и государственности, перестала прошлое воскрешать въ настоящемъ.

Въ какой то роковой срокъ бытія Россіи произошелъ разрывъ преемственной цѣпи народно-исторической памяти, и русское органическое прошлое, для послѣдующихъ поколѣній, отсѣклось и умерло. „Верхи русской культуры" — уродливо приросли своими оскудѣвшими идеалами къ XVIII и XIX вв., а народъ перевелъ все свое историческое воспоминаніе въ бытъ, и нынѣ, выходя изъ этого быта, вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ и изъ сознанія своей исторіи. Но религіозно-историческая память должна нынѣ сочетаться съ современнымъ видѣніемъ для того, чтобы прояснить и наново утвердить, что въ судьбѣ Россіи — является непреложнымъ изначальнымъ преданіемъ и что открывается нынѣ, какъ творческое заданіе для будущихъ поколѣній. Далеко на-

задъ и далеко впередъ — но ни въ какомъ случаѣ не къ близкому прошлому — вотъ куда должна звать будущая русская „реакція“!..

Потрясеніе революціи сообщило Россіи величайшій разгонъ, зарядило ее стремительной и тяжелой инерціей, одновременно злой и положительной. Реакція должна это движеніе подхватить и динамически утвердить себя, замѣнивъ изступленный фанатизмъ интернаціонала — страстью и творческимъ, самоначальнымъ идеаломъ русской вѣры, культуры и державности.

Реакція должна сосредоточить, выразить и использовать весь многосторонній опытъ революціи; должна поставить передъ Россіей максимальные по отвѣтственности проблемы религіозно-государственнаго и культурно-державнаго самоопредѣленія и творчества. Когда-же, какъ не послѣ страшной своей революціи въ состояніи Россія творчески напречь всѣ свои національныя силы и всенароднымъ порывомъ установить дѣйствительно обновленныя формы своего внутренняго бытія! Не можетъ быть, чтобы огонь революціи не закалилъ въ Россіи „пружины смѣлыя гражданственности новой“. Но, чтобы быть удачѣ — реакція политическая должна стать актомъ всенароднаго, религіозно-культурнаго самовозстановленія. Въ противномъ случаѣ — вмѣсто реакціи самоначально-творческой, Россія, сорвавъ свой пылъ въ сверженіи коммунизма, очень быстро можетъ встать на путь готовыхъ европейскихъ политическихъ схемъ и режимовъ и тѣмъ самымъ уготовить себѣ реакцію еще менѣе національную, чѣмъ большевистскій интернаціоналъ.

Конечно, проще (и это безусловно будетъ для многихъ цѣлью), какъ можно скорѣй ввести въ привычныя русла, то національное возбужденіе, которое, нужно предвидѣть, разольется широчайшей волной вслѣдъ за крушеніемъ коммунизма. Но не этого обрѣзыванія крыльевъ національному порыву должны желать всѣ тѣ, кто стремится опытъ революціи использовать глубоко и сущест-

венно. Революція явила въ своихъ катастрофахъ въ собранномъ и обостренномъ видѣ весь историческій образъ и всѣ историческіе грѣхи Россіи, перебрала всѣ тоны духовно-психическаго строя русскаго народа, которые уже давно перестали отчетливо сознаваться интеллигенціей, изъ-за двухъ крайностей,—отчасти изъ-за неподлинной идеализаціи народа, отчасти изъ слѣпого презрѣнія къ нему. Въ этой страшной сводкѣ нужно разобраться: — она свидѣтельствуетъ не объ одной бунтарской и богоборческой стихіи народа; въ ней можно усмотрѣть еще и ожесточенный порывъ (безсознательный, м. б.) скинуть съ себя чужія и чуждыя формы и привиллегіи не своей культуры, а также и религіозное стремленіе найти с в о ю правду общественно-государственнаго бытія. Однако, соціализмъ настолько использовалъ въ своихъ интересахъ эту русскую настроенность, что придалъ конкретнымъ проявленіямъ ея — лживыя и уродливыя формы. Но въ сокрытыхъ пока еще глубинахъ, русская революція, конечно, таитъ какое-то зерно національнаго генія, которое только въ будущемъ и при счастливыхъ обстоятельствахъ сможетъ дать свои плоды, которые можетъ быть окупятъ все зло насилія и мерзости революціи.

Какъ ни какъ, революція породила несомнѣнныхъ г е р о е в ъ зла и разрушенія.

Для того, чтобы и реакція была г е р о и ч е с к о й, конечно въ обратномъ смыслѣ, нужно прежде всего ее таковой захотѣть; нужно конкретно понять всю отвѣтственность, значеніе и смыслъ той эпохи, которая наступитъ послѣ большевистскаго сверженія. Всѣ тѣ, кто не загипнотизированы мертвыми политическими доктринами и прописями, всѣ кто хотятъ для Россіи великаго и творческаго будущаго, должны теперь-же, во всей широтѣ поставить передъ собой твердое и волевое заданіе, ибо, если трагиченъ былъ колоссальный размахъ революціоннаго разрушенія, то еще болѣе трагичной можетъ оказаться реакція, лишенная великаго масштаба и не приводящая къ вели-

кимъ цѣлямъ всенароднаго покаянія, самопознанія и раскрытія.

Русская интеллигенція пережила страшный кризисъ своихъ идеаловъ и вѣрованій. И до сихъ поръ еще, пораженная неудачей своего прошлаго, она не можетъ придти въ себя и наново организовать свою вѣру, мысли и чувства въ стройное и твердое цѣлепоставленіе. Порою кажется, что „организованная мука" большевизма, которая должна была особенно тѣсно объединить именно интеллигенцію, все-таки не достаточно сжала ее въ своихъ тискахъ и разсыпавшійся верхній культурный слой Россіи, до сихъ поръ не сцементировался въ единый крѣпкій общественный пластъ. Не говоря о политиканствующей части эмиграціи, для которой все просто и ясно, ибо ея планы дальше возстановленія монархіи, или водворенія демократическаго строя не простираются, нужно признать, что въ широкихъ кругахъ, весь опытъ послѣднихъ лѣтъ до сихъ поръ еще не осознанъ и не оформленъ. Предстоящія цѣли религіознаго строительства, государственнаго возстановленія, вообще, все конкретное будущее Россіи— все это для большинства перспективы весьма туманныя. Между тѣмъ, въ смутныхъ идеалахъ и неопредѣленныхъ мечтахъ легче всего разочароваться. И, рано или поздно, всѣ тѣ, кто нынѣ не пытаются опытъ прошлаго и пережитаго поставить въ основу реальнаго задания будущаго, неминуемо окажутся, передъ лицомъ какой-бы то ни было дѣйствительности, (которая никогда не сможетъ удовлетворить ихъ неопредѣленные чаянія и планы), какъ и раньше, до революціи, на сторонѣ принципіальной оппозиціи и, тѣмъ самымъ, лишатъ будущее русское возстановленіе необходимаго единодушія. Большевики удивительно сумѣли придать жизненность своей мертвой доктринѣ, поставивъ ее подъ знаки извращеннаго религіознаго фанатизма и героическаго лже-идеализма. Страшно подумать, что подлинное національное вдохновенье, которое рано или поздно, пробудитъ всю Россію — можетъ

быть сведено къ общимъ политическимъ шаблонамъ, и къ реакціонному формализму...

Обычно много говорятъ о различныхъ историческихъ ошибкахъ, но кромѣ ошибокъ существуютъ еще и историческіе грѣхи; и не понять послѣ столькихъ бѣдствій и несчастій истиннаго образа Россіи, ея существа и историческаго заданія и, тѣмъ самымъ, не искупить грѣховъ прошлаго, какъ разъ и значитъ совершить новый величайшій историческій грѣхъ, расплата за который въ будущемъ неминуема. На протяженіи послѣднихъ вѣковъ европейской исторіи, Россія не разъ оказывалась противопоставленной Западу. Если современныя русскія поколѣнія не придутъ въ себя и не учтутъ нынѣшняго изолированнаго положенія Россіи, когда сама судьба, въ послѣдній, можетъ быть разъ, открываетъ возможность для русскаго народа найти свои самоначальные и самостоятельные пути и возможности, чтобы побороть въ лицѣ революціи злосчастное свое „западничество" и начать созидать по новому, хотя и въ какомъ-то соотвѣтствіи съ самымъ старымъ — свою духовно-эмпирическую судьбу, если и небывалый опытъ революціи не приведетъ къ уразумѣнію всей лживости основъ современнаго „передового" строя жизни, тогда нужно будетъ признать, что всѣ страстныя мечты и пророчества русскихъ прозорливцевъ о назначеніи Россіи — были видѣніемъ всего лишь великой исторической возможности, которую сама же Россія сознательно отвергла, предпочтя отдать себя общей судьбѣ европейской цивилизаціи.

Великія потрясенія въ какомъ то отношеніи сами устанавливаютъ взаимную оцѣнку событій и строятъ коллективную волю, но кромѣ того, нужна сознательная воспріимчивость къ необходимостямъ времени, готовность къ общему дѣйствованію; до сихъ поръ ихъ то и нѣтъ среди дѣятелей и массы, ставящихъ себѣ цѣлью — преодолѣніе революціи. А безъ этого невозможно въ кругу различныхъ противорѣчивыхъ интересовъ и частныхъ сужденій,

обрѣсти единство въ совѣсти, вдохновеніи и волѣ, — непремѣнное условіе нахожденія общаго выхода изъ революціонной катастрофы; невозможно обрѣсти силы, чтобы поднять изъ тьмы и гибели и наново воздвигнуть духъ и плоть Россіи.

П. Сувчинскій

ЖИВЫЕ КАМНИ

Все болѣе открываются глаза у многихъ и становится ясно, что не въ партійныхъ рецептахъ спасеніе и возрожденіе Россіи. Нужно нѣчто гораздо, гораздо болѣе существенное, гораздо болѣе основное, — то, что всегда нужно, но на что, въ эпоху сравнительнаго благополучія, въ эпоху преимущественно внѣшняго дѣланія — легче закрывать глаза. Теперь же мы стоимъ передъ кризисомъ, передъ страшной, смертельной м. б. болѣзнью, и ни одно изъ столь испытанныхъ, казалось бы, средствъ партійно-политической доктрины не оказывается, какъ видно, на высотѣ, безсильно поднять съ одра разслабленнаго — душу и тѣло русскаго народа. Болѣзнь происходитъ не только въ плоскости соціально-государственной—она гораздо глубже, она стремится подточить самые корни, отравить самые источники внутренней жизни русскаго народа. И средства исцѣленія должны поэтому касаться именно этихъ глубинъ, самыхъ основъ міросозерцанія и жизни, ибо то, что разыгралось въ Россіи, есть явленіе не только соціально-политическаго порядка, а нѣчто гораздо болѣе страшное, захватывающее и опустошающее самыя нѣдра народной души и національнаго духа.

Это многимъ стало ясно, но менѣе ясно, повидимому, то, что является неизбѣжнымъ выводомъ отсюда. Разъ

борьба и разрушеніе происходятъ въ области міросозерцанія, то, преодолѣніе бѣдствія и общее обновленіе должны произойти прежде всего въ области личной духовно-нравственной жизни каждаго: одно неотдѣлимо отъ другого. Міросозерцаніе и вѣра обязываютъ каждаго изъ насъ несоизмѣримо болѣе, чѣмъ партійно-политическая программа, которая въ концѣ концовъ, опредѣляется поверхностными интересами жизни. Противорѣчія между партійной программой и личной жизнью досадны и непріятны, какъ всякій жизненный разладъ, но они не мѣшаютъ, а иногда даже содѣйствуютъ политическому успѣху. Разладъ между міросозерцаніемъ, между вѣрой и жизнью, поражаетъ это міросозерцаніе безплодіемъ. Болѣе того: если міросозерцаніе и дѣло не составляютъ единства—лучше въ такомъ случаѣ оставаться въ плоскости только партійно-политической борьбы, ибо разобщеніе это порождаетъ страшную внутреннюю ложь.

Большую и тяжелую отвѣтственность беремъ мы на себя, становясь подъ знамя міросозерцанія. Достойны-ли мы быть борцами за него? Какъ бы не запятнать намъ знамя нечистыми руками! Но мы пока только пытаемся поднять это знамя. Пусть его поддержатъ и осуществятъ все начертанное на немъ всѣ тѣ, кто готовы исповѣдать свою вѣру — дѣлами, жизнью и всѣмъ внутреннимъ своимъ настроеніемъ. Мы говоримъ о живыхъ камняхъ, изъ которыхъ должно сложиться грядущее зданіе; каждый изъ насъ призванъ быть такимъ живымъ камнемъ, изъ которыхъ „все зданіе, слагаясь стройно, вырастаетъ въ храмъ святый Господу“. Только на этомъ пути — внутренняго обновленія и укрѣпленія каждаго изъ этихъ живыхъ камней, слагающихъ зданіе, находится возможность духовнаго обновленія и цѣлаго. Можетъ быть этому зданію суждено сложиться и помимо насъ, изъ другихъ камней (а мы будемъ отброшены, какъ камни непригодные), можетъ быть...

и совсѣмъ не сложится, если призванные окажутся не крѣпкими и недостойными, и горе намъ тогда...

Конечно, не Церкви Христовой это касается, ибо зиждется она на твердомъ камнѣ и врата адовы не одолѣютъ ее, хотя бы и всѣ мы оказались невѣрными ей, но нужно понимать и помнить, что судьба русскаго народа — въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ всѣхъ русскихъ. Только изъ живыхъ камней можетъ сложиться великое цѣлое Россіи. Поэтому велика отвѣтственность, лежащая на всѣхъ насъ, но эта отвѣтственность есть не только бремя — она должна дать намъ силу, подъемъ и радость дѣланія, радость подвига...

Николай Арсеньевъ

ПОДВИГЪ ВЛАСТИ

(Опытъ по исторіи государственныхъ идеаловъ Россіи)

I

На страницахъ древнихъ дѣписаній и иныхъ произведеній письменности стараго и новаго времени неоднократно говорилось о вѣнценосныхъ витязахъ, властодержцахъ - подвижникахъ и поборникахъ правды. Ихъ подвиги, окруженные славою, становились предметомъ любимыхъ народныхъ пѣсенъ и былинъ и краснописныхъ книжныхъ сказаній. Не только повѣствованіе о тѣхъ или иныхъ — дѣйствительныхъ или сказочныхъ — событіяхъ и фактахъ составляетъ содержаніе этихъ произведеній. Въ нихъ находятъ выраженіе нѣкоторыя общія идеи, имѣющія опредѣленное правовое и государственное значеніе. Уясненіе нѣкоторыхъ сторонъ идейнаго, государственно - правового содержанія древнихъ произведеній письменности и является темой настоящей статьи.

Существуетъ два вида подвиговъ. Одни — рождаются изъ ощущенія въ себѣ могучей природной силы. Это подвиги былинныхъ богатырей — здѣсь средствомъ является сила, все уничтожающая на своемъ пути, не знающая себѣ противниковъ и препятствій. Цѣль такихъ подвиговъ состоитъ не столько въ служеніи ближнему, сколько въ естественномъ желаніи размыкать силу богатырскую, показать удаль молодецкую. Самая сила, требующая исхода, подсказываетъ цѣль ея проявленія и ея дѣйствіе, и оно, далекое отъ подвига духа, есть лишь

броженіе безсознательной, слѣпой силы природы. Богатырскіе подвиги и самое превосходство естественной силы даютъ, конечно, ихъ обладателю и власть, и почетъ, и значеніе. Но общество, во главѣ котораго стоятъ подобные богатыри, но есть, въ сущности, государственное образованіе, а скорѣе построеніе, основанное на сочетаніи, равновѣсіи стихійныхъ силъ. Такіе подвиги нравственно и юридически безразличны.

Но мы знаемъ и другой видъ подвиговъ, цѣлью которыхъ является служеніе праву, правдѣ и справедливости. Только подвиги послѣдняго вида ведутъ къ образованію истиннаго общественнаго порядка и крѣпкихъ государственныхъ устоевъ. Высшее проявленіе такого подвига есть подвигъ любви, страданія, самопожертвованія во имя Божіе, во имя высокихъ убѣжденій, ради ближняго и отечества. Пути къ нему мы находимъ въ страданіи, очищающемъ и возрождающемъ человѣка.

Въ христіанствѣ подвигъ страданія получаетъ высочайшее религіозное освященіе: всѣмъ людямъ и подчиненнымъ и властвующимъ преподана заповѣдь послѣдованія Христу. Примѣръ Его, обязательный для каждаго христіанина, — тѣмъ болѣе обязателенъ для властодержателя. Ибо сказано въ Евангеліи: „кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій — какъ служащій. Ибо кто больше: возлежащій или служащій? не возлежащій ли? А я посреди васъ, какъ служащій".

Страдальческому подвигу Христа — Царя Царей и Господа Господствующихъ послѣдовало во времена гоненій на христіанство безчисленное, несчетное множество мучениковъ и великомучениковъ за вѣру, и въ томъ числѣ лица, облеченныя властью. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ можетъ служить гибель св. великомученика Арефы, который указалъ въ своихъ предсмертныхъ словахъ на необходимость первенства даже въ мученическомъ подвигѣ для лица, облеченнаго властью. Когда вмѣстѣ съ нимъ были приведены „на посѣченіе" и

всѣ „воины подручники его“ и каждый изъ нихъ другъ передъ другомъ спѣшили „на посѣченіе“, то Арефа запретилъ имъ, говоря: „азъ, братіе, у земного царя преже васъ и больше васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хощу видѣти Небеснаго Царя“...

Мысль о необходимости подвига власти продолжала развиваться и послѣ торжества христіанства, она прочувствовалась въ Византіи и нашла себѣ самое полное осуществленіе въ знаменитомъ подвигѣ послѣдняго Византійскаго царя Константина.

Такое обязательство лица, облеченнаго властью слѣдуетъ не только изъ смысла евангельскихъ текстовъ, но находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе и въ позднѣйшей церковно-правовой и исторической письменности. Даже въ одномъ изъ законовъ, помѣщенныхъ въ Синтагматѣ Матѳея Властаря, къ царю прямо предъявляется требованіе, чтобы онъ былъ „якоже нѣкы подвигоположникъ“.

Правда, нужно оговориться, что мысль эта получила большую остроту въ славянскомъ переводѣ. Въ греческомъ же подлинникѣ она выражена менѣе опредѣленно[1]). Но тѣмъ любопытнѣе, что именно на славянской почвѣ христіанское ученіе наиболѣе полно отражается на построеніи понятій о власти. Нѣкоторая почва для развитія представленій о подвигѣ власти существовала у южныхъ славянъ, но ихъ историческія судьбы сложились слишкомъ неблагопріятно, чтобы какое-либо ученіе могло получить достаточное завершеніе.

Особенное развитіе мысль объ обязательности для представителя власти быть „подвигоположникомъ“ получила на Руси. Святая Русь, Русь многострадальная съ особою любовію лелѣетъ думу о князѣ-подвигоположникѣ.

---

[1]) Тамъ славянскому слову „подвигоположникъ“ соотвѣтствуетъ греческое ἀγωνοθέτης. Что касается славянскаго термина „подвигоположникъ“, то оно несомнѣнно, ибо въ житіи кн. Михаила Черниговскаго Христосъ и кн. Михаилъ Черниговскій именуются подвигоположниками.

И если въ исторической дѣйствительности была не только Русь святая, но и Русь многогрѣшная — то все же среди преступленій и грѣховъ — душа народная искала подвига и воплощала свое исканіе въ идеальномъ и сверхъ-дѣйствительномъ образѣ князя-подвигоположника... Обращаясь къ историческимъ источникамъ, трудно отдѣлить въ нихъ историческую правду отъ идеализующаго домысла — правды надисторической. Но поскольку въ этихъ строкахъ мы вовсе не касаемся внѣшней исторіи — но исключительно исторіи идей—такіе домыслы никакъ не менѣе важны для насъ, чѣмъ факты внѣшнихъ событій...

Уже въ древнѣйшее время населеніе съ особенною любовью относится къ князю страдальцу за землю Русскую. Однимъ изъ первыхъ отраженій такого уклона мысли является житіе св. Бориса и Глѣба. То же міровоззрѣніе наложило свой отпечатокъ на поученіе Владиміра Мономаха.

Послѣдній подробно описываетъ, какъ онъ, не зная устали, трудился и страдалъ за свою землю. „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и зимѣ, не дая собѣ упокоя: на посадника не зря, ні на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ". Трудился онъ „не блюдя живота своего, ни щадя головы своея".

Объ изложенныхъ въ „Поученіи" достоинствахъ Мономаха говоритъ и Кіевскій Митрополитъ Никифоръ въ посланіи своемъ къ этому князю: „Что подобаетъ глаголати къ такому князю, иже болѣ на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ (избѣгаетъ ношенія свѣтлыхъ одѣяній)... и самъ убо служиши и стражеши рукама своима... княженіа ради и власти..."

Но въ дотатарское время мысль о страдальческомъ подвигѣ князя не получаетъ еще достаточнаго развитія. Наряду съ нею въ душѣ князя живетъ еще и даже преобладаетъ любовь къ подвигу богатырскому, находящему удовлетвореніе въ самомъ себѣ. Для древняго князя

война не есть страданіе по необходимости, а любимое занятіе, исканіе славы и хвалы за свою удаль и силу. Отъ исканія славы еще далеко до страдальческаго подвига. Если мы вдумаемся глубоко въ лѣтописныя повѣствованія о Кіевской Руси, то мы почувствуемъ, сколько было въ ней былиннаго, богатырскаго духа. Это время не столько князей страдальцевъ за Землю Русскую, сколько храбрыхъ и удалыхъ Мстиславовъ, совершающихъ богатырскіе подвиги ради славы свѣта сего. Однимъ изъ послѣднихъ былъ Мстиславъ Романовичъ Храбрый Кіевскій, который, когда ему сообщили о приближеніи Татаръ, чтобы показать свою удаль, съ похвальбою заявилъ: „Дондеже есмь на Кіевѣ, то по Яико и по Понтійское море и по рѣку Дунай саблѣ не махивати". Коренной переломъ наступаетъ съ появленіемъ Орды. Послѣ татарскаго разоренія подвиги князей становятся труднѣе, самоотверженнѣе. Темныя тучи злосчастія сгущаются надъ землею Русскою и настроеніе подвига и страданія тяжелымъ бременемъ ложится на душу народную и его князей. Тяжелая необходимость толкаетъ на подвиги и постепенно вырабатываетъ заповѣдную думу о князѣ-подвигоположникѣ. Въ этомъ отношеніи роковое монгольское нашествіе оказываетъ облагораживающее вліяніе на построеніе русскихъ понятій о государственной власти. Длинный рядъ княжескихъ именъ пріобщается къ лику великомучениковъ.

Князь Михаилъ Черниговскій отвергъ „вся пустошная міра сего", „богатство и славу суетную, еще есть хуждьше паучины" и рѣшился на тяжкій подвигъ страданія за вѣру Христову и за „люди Божіа", перемѣнивъ „мимотекущее" на „присносущее". Тѣло его стало „жертвой благопріятной Богу", онъ сталъ причастнымъ первыхъ святыхъ мучениковъ „ликостоянію", получилъ имя „новоявленнаго Христова великомученика". Онъ пострадалъ во имя торжества правды надъ беззаконіемъ, свѣта надъ тьмою, православія надъ басурманствомъ.

Вмѣсто княженія „дневнаго“, преходящаго и славы міра сего, обѣщанныхъ ему „дневнымъ“ царемъ за отреченіе отъ вѣры, онъ предпочелъ царство вѣчное, „иже не имать конца никогда же“. Ибо „земная ничтоже есть, но и мимо течетъ и скоро погыбаетъ и яко сонъ и яко дымъ; небесная же — благая и присносущая и бесконечная“. Но „мученикъ великоименитый“ и исповѣдникъ Михаилъ отойдя „къ подвигоположнику своему Владыцѣ Христу“, не только сталъ добропобѣднымъ наслѣдникомъ царствія небеснаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, положилъ твердое основаніе тому великому государственному идеалу власти, который далъ силы строительства народу русскому, вывелъ его изъ царства гибели и далъ ему могущество и славу. По сказанію, надъ тѣлами убіенныхъ князя Михаила и боярина его Ѳеодора явился столпъ огненный, сіяющій „пресвѣтлыми зорями“, послышалось пѣніе ангельское. Это былъ столпъ будущаго величія русскаго, пророчествовавшій о силѣ того царственнаго идеала власти, пути котораго указаны Михаиломъ и проложены послѣдующими вѣками.

За княземъ Михаиломъ Черниговскимъ слѣдуетъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, который „много пострадалъ въ Ордѣ отъ безбожныхъ татаръ за землю Русскую, многое истомленіе принялъ“. Потомство послѣдняго, образовавшее Тверскую вѣтвь княжескаго рода, особенно проникнуто настроеніемъ подвига, неуклонной борьбы и даетъ наибольшее количество князей страдальцевъ. Они не склонны итти ни на какія сдѣлки со своею совѣстью, ради улаженія трудныхъ положеній не уклоняются съ прямого пути. Въ этомъ огромное и незабываемое значеніе Твери въ развитіи русской государственности. Именно Тверскіе князья больше другихъ подняли свѣтлое знамя Михаила Черниговскаго и образовали изъ себя истинную семью князей великомучениковъ.

Въ 1318 году великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской „по Господню слову пріялъ вынужденную смерть

за христіанскій русскій народъ и за отчину свою. Сподобилъ его Богъ единаго пріять блаженную страсть за многочисленный народъ христіанскій, русскій; хотя и не ради вѣры, — говоритъ лѣтописецъ, — убитъ былъ блаженный, какъ святые мученики, но по заповѣди Спаса, приведенной въ Евангеліи: „Болше сеа заповѣди любве нѣсть, иже кто положитъ душу свою за другы своа". Сію заповѣдь Божію христолюбивый князь выполнилъ съ успѣхомъ, и неуклонно шествуя по пути страданій за порученныхъ ему Богомъ людей, и радуясь тому, онъ пришелъ, какъ вѣрный „сторитель, къ своему Владыкѣ".

Также и сынъ его Александръ и внукъ Ѳеодоръ скончался мученическою смертью въ Ордѣ, „совершили теченіе свое за христіанъ, за русскій народъ, и восприняли „добропобѣдный" вѣнецъ мученія отъ руки Вседержителя".

Постепенно мученическая кончина за землю русскую переходитъ изъ ряда дѣяній въ народный идеалъ, въ нравственное требованіе, предъявляемое къ князю. Князь уже нравственно обязывается къ совершенію подвига, къ самопожертвованію ради своего народа.

Мало того, лѣтописецъ прямо уже проповѣдуетъ князьямъ идеалъ святости, убѣждаетъ „подобитися с в я т ы м ъ и подвижно искати спасенія".

„О возлюбленніи князи Рустіи! не прелщайтеся пустошію, славою свѣта сего, еже хуждьше паучины (паутины) и яко стѣнь (тѣнь) мимо идетъ; не принесостѣ бо ни что же на свѣтъ сей, ни отнести что можете... возлюбите чистоту, да радости с в я т ы х ъ сподобитеся".

Проповѣдь эта стоитъ въ тѣсной связи съ воззрѣніемъ, ставящимъ благоденствіе или бѣдствія страны въ зависимости отъ благочестія или пороковъ князя. Уже въ Лаврентьевской лѣтописи имѣется такое разсужденіе: „Аще бо князи правьдиви бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенія земли; аще ли зли и лукави бываютъ, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то

глава есть земли". Естественно, что народъ, усваивавшій начала подобныхъ воззрѣній, начиналъ требовать отъ князя праведности не только вслѣдствіе желанія имѣть хорошаго правителя, но также изъ опасенія бѣдствій, вызванныхъ поведеніемъ злого и лукаваго князя.

Это ученіе о подвигахъ власти, какъ нѣкоторое идеальное требованіе, воспринимается затѣмъ и Московскими князьями... Нашей задачей отнюдь не является разсказъ изъ исторіи московской политики, почти всегда умной и и ловкой, временами коварной и хитрой. Для насъ существенно, что и эта весьма земная и ловкая политика временами просвѣтлялась сіяніемъ высшихъ идеаловъ и подвиговъ, никогда не упускала изъ виду конечныхъ цѣлей отстаиванія Православія и Родины. Но сколько ни было темнаго въ исторіи Москвы — наряду съ этимъ всегда существовалъ высокій государственный идеалъ, который давалъ власти силу и достоинство въ глазахъ народа и сопрягался съ исторической дѣйствительностью въ поворотные узловые моменты русской исторіи. Такими моментами были: закладываніе основъ московской государственности, какъ обще-великорусской — на полѣ Куликовомъ и выходъ Москвы на пути великодержавія — черезъ развалины Казанскаго кремля. Содержаніе идеальной государственной доктрины московской письменности, въ значительной мѣрѣ, хотя и не вполнѣ, пріурочено къ разсказу объ этихъ историческихъ событіяхъ и поясняется имъ... На этихъ событіяхъ въ ихъ идеально построяемомъ обликѣ — мы сосредоточимъ первоначально наше вниманіе, оставляя въ сторонѣ задачи объективнаго изложенія дѣйствительныхъ событій и разсматривая историческій разсказъ, прежде всего съ точки зрѣнія исторіи идей...

Передъ Куликовской битвой, Дмитрій, объѣзжая полки, говорилъ такъ: „возлюбленніи отцы и братіа, Господа ради... и своего ради спасенія подвизайтеся за православную вѣру и за братію нашу! вси бо есмы... братіа, едини внуци Адамли, родъ и племя едино, едино креще-

ніе едина вѣра христіанскаа, единаго Бога имѣемъ... Христа...; умремъ въ сій часъ за имя Его святое, и за православную вѣру, и за святыа церкви, и за братію нашу за все православное христіанство!"

И онъ не только другихъ велъ въ битву, пить страдальческія чаши, но самъ прежде всѣхъ сталъ на бой, на первомъ ступѣ, и долго бился съ татарами. Нѣсколько разъ князья и воеводы уговаривали его не биться впереди, но стать сзади или на иномъ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Но онъ отвѣчалъ имъ, говоря: „да како азъ възглаголю кому что: подвизаемся братіа, крѣпко на врагы, а самъ стоя позади и лице свое крыа (укрывая)? не могу азъ сіе сотворити, еже таити и скрывати себя, но хощу якоже словомъ, тако и дѣломъ преже всѣхъ самъ начати и преже всѣхъ главу свою положити за имя Христово... и за вѣру христіанскую и за все православное христіанство, да и прочіи, видѣвше мое дръзновеніе, и тіи такоже да сотворятъ со многымъ усердіемъ"...

Вообще вся Куликовскаая битва велась, въ противоположность битвѣ при Калкѣ, съ опредѣленнымъ сознаніемъ мученическаго подвига. Его сознавалъ не только самъ князь, но и всѣ соратующіе съ нимъ воины. Это сознаніе получило свое образное выраженіе въ видѣніи одного изъ воиновъ полка князя Владиміра Андреевича. Стоя въ дубравѣ въ засадѣ, и видя, какъ татары избиваютъ православныхъ, онъ пришелъ внезапно въ изступленіе и его очамъ представилось, какъ множество безчисленное вѣнцовъ мученическихъ сходило на головы павшихъ въ битвѣ.

Сознаніе необходимости крестнаго подвига власти жило въ душѣ даже такихъ Государей, какъ Иванъ Грозный. Уже отецъ его, Василій Ивановичъ, предъ смертью завѣщалъ ему благочестно управлять „скипетро крестоносныа хоругви всего Русскаго царствіа", и благословилъ его крестомъ животворящаго древа.

Особенно ярко проявляется это настроеніе Грознаго въ лучшіе годы его царствованія, особенно при походѣ на Казань. Повѣсть о взятіи Казани, переданная въ Царственной Книгѣ, стараясь угадать думы царскія, такъ ихъ передаетъ: „глаголетъ въ себѣ (царь) сицевая (таковыя слова): ...Боже!.. устроилъ мя земли сей православной и всѣмъ людемъ своимъ царя и пастыря, вожа и правителя (царемъ и пастыремъ, вождемъ и правителемъ), еже правити ми люди Его въ православіи непоколебимомъ быти, еже пасти ми ихъ отъ всѣхъ золъ, находящихъ на ны, и всякыя нужа ихъ исполняти... воистинну бо сей есть пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овца"... „не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему дажь славу, настави насъ, Господи, на путь спасеніа и даруй ми пострадати за имя твое святое и за порученное мнѣ христіаньство".

У самыхъ стѣнъ Казанскихъ царь обращается къ войску со слѣдующей рѣчью: „Приспѣ, князь Володимеръ Андрѣевичъ и всѣ бояре и воеводы, время нашему подвигу, еже за благочестіе поборати! потщитеся, пожалуйте, единодушно пострадати за благочестіе, за св. Церкви и за св. нашу православную вѣру христіаньскую, за единородную нашу братію православныя христіане... Воспомянемъ Христово слово: ничтоже сего болши еже душа полагати за други своя... послужите, сколько вамъ Богъ поможетъ, не пощадите головъ своихъ за благочестіе, нѣсть бо си смерть, но животъ... Азъ съ вами самъ на се пріидохъ, лутче собе избрахъ здѣ умрети, неже жити и видѣти имамъ за грѣхи своя Христа хулима и порученныя мнѣ отъ Бога христіане злѣ мучимыхъ отъ безбожныхъ казанцовъ..."

О другого рода подвигахъ мечталъ сынъ его Ѳеодоръ, котораго житіе именуетъ крестоноснымъ царемъ, царемъ праведнымъ и святымъ. Онъ не прельщался „красными вѣка сего", но „Богу повсегда умъ свой вѣпяше" и желалъ „насладитися вѣчныхъ благихъ"

и сподобиться небеснаго царствія. Его подвиги были тихіе и неслышные, но подъ его правленіемъ отдохнула и опочила земля Русская.

Ученіе о подвигѣ власти пріобрѣтаетъ въ Московской письменности законченный видъ и слагается въ опредѣленную теорію. Подробное развитіе она получаетъ на страницахъ книгъ Царственной и Степенной и въ другихъ сочиненіяхъ. Въ Царственной книгѣ очень любопытно поученіе митрополита Макарія къ Ивану Грозному. По его разсужденію, многіе древніе цари сотворили многія побѣды, были прославлены и спасены потому, что сохранили „смиренную мудрость и чистоту". Какъ первый христіанскій царь Константинъ и царь Ѳеодосій Великій и прочіе греческіе цари, сохранивши чистоту, сотворили многія побѣды и прославлены были отъ Бога, также и князь Владиміръ Святой и его сыновья, внуки и правнуки, всѣ Россійскіе князья и цари, многія побѣды сотворили „надъ погаными" и прославлены были отъ Бога.

Степенная книга ставитъ вопросъ шире. Она прямо устанавливаетъ причинную зависимость между княжескими подвигами и величіемъ Москвы. По ея теоріи, власть русскаго княжескаго рода сохранилась и могущество Россійскаго Царства расширилось, благодаря неуклонной вѣрности православію, благочестію и святости многихъ князей. Въ доказательство правильности своего положенія Степенная книга приводитъ цѣлый рядъ житій святыхъ русскихъ князей. Владиміра Святого она именуетъ „Новымъ Израилемъ", ибо потомство его за благочестіе и подвиги умножилось, какъ песокъ земной, какъ звѣзды небесныя. Это потомство въ свою очередь отличалось множествомъ подвиговъ: „Овіи же безсупружествомъ, истомою, иночествомъ, и мученіемъ за Христа, и на бранехъ храбро-

стью, и благодарнымъ терпѣніемъ восплененіихъ, въ нужахъ, и въ юзахъ, и въ темницахъ, и въ междуусобныхъ крамолахъ озлобленіемъ и лишеніемъ очію и заточеніемъ, и ини же самовольною нищетою и странствіемъ и богомудростнымъ претворенія уродствомъ, и бездомъствіемъ во отечествіихъ и въ чужеземствіихъ, и прочими добродѣтельми"... Подобными „многообразными подвигами" „Россійскіе началодержцы" не только расширили предѣлы царства Русскаго и укрѣпили власть, но также приблизились къ Богу: они „водрузили отъ корени (родового древа) и отъ вѣтвей непоколебимую лѣствицу на небо, восходящую будто златыми „степенми" и по ней утвердили себѣ и „сущимъ по нихъ" невозбраненъ восходъ къ Богу".

Такъ утвердился владѣтельный родъ „богоутвержденныхъ скиптро-держателей, просіявшихъ въ благочестіи въ Русской землѣ, скиптро-держателей, которые были отъ Бога, подобно райскимъ древесамъ, насаждены у истоковъ водныхъ и явились напояемые правовѣріемъ, взращиваемые богоразуміемъ и благодатію, осіяваемые Божественною славою, какъ садъ доброросленъ, красенъ листвіемъ и благоцвѣтущъ".

Было бы, конечно, непростительной ошибкой принять повѣствованіе письменности за историческую дѣйствительность; идеалы, высказанные въ рѣчахъ царскихъ и изложенные въ книгахъ, служили отнюдь не единственными побудителями дѣятельности нашихъ князей и царей, но идеалы всегда выше дѣйствительности и, все же, они продолжаютъ жить въ душѣ народа и въ письменности въ видѣ ли отвлеченныхъ положеній или любимыхъ образовъ лучшихъ изъ князей.

Московская государственная старина и государственные идеалы во многихъ отношеніяхъ жили очень долго. Идеалъ мученическаго подвига власти, кромѣ христіан-

скихъ ученій, поддерживался также необходимостью для всей страны вести вѣчную, почти непрестанную и очень тяжелую борьбу съ многочисленными непріятелями, нападавшими со всѣхъ сторонъ на русскія границы.

Идеалъ этотъ не исчезаетъ и послѣ паденія татарскаго ига, но постепенно видоизмѣняется; къ началу мученическаго подвига въ этомъ идеалѣ присоединятся и начинаетъ занимать преобладающее мѣсто начало подвига неустаннаго, тяжелаго труда власти, ведущей свой народъ къ благоденствію и просвѣщенію.

Въ теченіе вѣковъ несли Россійскіе властодержцы „Великое Служеніе“ своему народу, служеніе творческое, полное трудового и мученическаго подвига.

Несли это служеніе они не одни: вмѣстѣ съ ними подвигъ страданія, подвигъ служенія Царству Всероссійскому совершалъ въ теченіе вѣковъ и весь русскій народъ. Издавна русской письменности извѣстно представленіе о великихъ жертвенныхъ испытаніяхъ Святой Многострадальной Руси. Уже та же Степенная Книга говоритъ о Христовомъ жребіи русскаго народа и о крестоносной хоругви Россійскаго Царствія. И уже съ древнѣйшихъ временъ люди русскіе слагали головы свои за Святую Софію, за Спаса, за вѣру православную и за Землю Русскую. Бились они, отстаивая кровью и страданіями своими историческія основы и развитіе русской и міровой культуры. Бились противъ Басурманскаго востока и юга — половцевъ и печенѣговъ, монголовъ и татаръ, болгаръ и мордвы, бились противъ латинянъ-нѣмцевъ, ляховъ и угровъ. И впереди ихъ шли князья-подвигоположники, бились въ первыхъ рядахъ. Кровью русскою политы, костьми православными устланы безконечныя равнины Восточной Европы.

А внутри страны въ военное и мирное время ради той же вѣры православной, ради великихъ святорусскихъ идеаловъ и своего „отечествія“ тянули люди русскіе „тягло“. Тянули его князья и бояре, окольничьи и дво-

рецкіе, стольники и чашники, дворяне московскіе и жильцы, дворяне по выбору и дворяне городовые и дѣти боярскіе, гости, купцы и посадскіе, стрѣльцы, пушкари, зитинщики и воротники, крестьяне и бобыли, и всѣ служилые и жилецкіе люди и все всенародное множество всѣхъ государствъ великаго Россійскаго царствія. Тянули тягло не только потому, что того требовало правительство — царь и бояре, — но еще въ большей степени потому, что крѣпко было въ народѣ сознаніе въ необходимости тягла для спасенія русской земли, самаго ея существованія отъ тѣснящихъ ее со всѣхъ сторонъ басурманъ и латинянъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, Русь истекала кровью, защищая свои предѣлы...

И не напрасны были многовѣковыя усилія и трудъ, многовѣковыя испытанія въ тяжкихъ страданіяхъ. Пройдя подъ водительствомъ своего благочестиваго и крестоноснаго вождя долгій крестный путь, Россія достигла величія и славы. Мощная и непобѣдимая раскинулась она отъ моря Варяжскаго и горъ Угорскихъ до Каменнаго пояса и просторовъ Сибири, отъ морей Русскаго и Хвалынскаго до вѣчной ночи моря Студеннаго. Опочило на ней, единой хранительницѣ истиннаго христіанства, благословеніе Божіе и оградило ее крестное знаменіе.

II

Не только русская, но и почти всякая государственная власть созидалась и созидается самоотверженіемъ и подвигами. Въ русскомъ историческомъ прошломъ примѣчательно то, что положеніе это запечатлѣно въ немъ въ формѣ особой идеально-государственной доктрины. Доктрина эта достигла наибольшей законченности и полноты въ XVI в. Этимъ предѣломъ и ограничиваемъ мы наше изложеніе, стремясь изобразить русскую идеально-государственную доктрину именно въ томъ видѣ, въ какомъ сложилась она къ XVI вѣку.

Необходимо обратить вниманіе на то, что въ старой русской доктринѣ подвигъ власти, какъ можно усмотрѣть изъ предыдущаго, былъ не только рядомъ важныхъ дѣяній, но вмѣстѣ требованіемъ правовымъ и нравственнымъ, проявленіемъ порядка, аналогичнаго порядку естественнаго права. Я говорю аналогичнаго, — ибо представленіе о естественномъ правѣ хотя и до нѣкоторой степени существовало въ древней Руси, но оно не получило еще достаточнаго развитія и совершенно особаго мѣста въ нашемъ древнемъ міровоззрѣніи. Хотя въ одномъ изъ славянскихъ переводовъ XI столѣтія XIII словъ Григорія Назіанзина дается совѣтъ родственникамъ заботиться другъ о другѣ, „чинъми и законъмь естьственъимъ“, однако, юридическіе термины того времени не были точно установлены и, вообще, понятія тогда еще не дифференцировались: цѣлому ряду нашихъ современныхъ понятій соотвѣтствовало одно болѣе обширное понятіе древней Руси. Въ томъ числѣ, большею частью, и понятіе, аналогичное понятію естественнаго права, входило въ составъ болѣе обширныхъ понятій „закона“ и „правды“.

Представленіе о „законѣ“ совершенно не соотвѣтствовало нашему современному представленію о немъ. Оно обозначало одновременно: вѣру, вѣроисповѣданіе, законъ религіозный, нравственный и естественный и, наконецъ, законъ государственный. Его нельзя было устанавливать произвольно, — ни князь, никакая другая власть на Руси не могла издавать законовъ (князь издавалъ лишь уставы, устанавливалъ уроки). Законы были вѣчными и неизмѣнными правилами, установленными на вѣчныя времена Богомъ, православнымъ царемъ, имѣвшимъ пребываніе въ далекомъ Цареградѣ, или изначальнымъ обычаемъ.

Самый терминъ „право“ тогда еще не существовалъ. Онъ зарождается впослѣдствіи въ Западной Руси и получаетъ во всей Россіи признаніе только при Петрѣ Великомъ. А до того его замѣняетъ болѣе обширное понятіе, именуемое „правдой“. Этимъ именемъ обозначаются и

нормы справедливости и естественнаго права, и право государственное и международное, и право гражданское и уголовное. Совокупность нормъ положительнаго права, право въ объективномъ смыслѣ именуется „Правдой Русской", правдами именуются и международные и междукняжескіе договоры. Сюда же относится и право въ субъективномъ смыслѣ, напр., Новгородцы считаютъ своей правдой право свое на ненарушимость новгородскихъ государственныхъ границъ, и князья почитаютъ правдой свои субъективныя права на княжескій столъ. Такимъ образомъ, понятіе о „правдѣ" совмѣщаетъ въ себѣ множество современныхъ нашихъ понятій: сюда входятъ не только право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ слова, право положительное и идеальное, но и правда — справедливость и правда Божеская.

Но постепенно начинается расчлененіе понятій. Единая Вселенская правда, являющаяся въ разныхъ видахъ отраженіемъ вѣчной Божеской справедливости, начинаетъ распадаться на свои логическія составныя части. И процессъ этотъ обостряется послѣ Татарскаго нашествія. Самыя историческія событія подсказываютъ нашимъ древнимъ книжникамъ необходимые логическіе выводы. Монгольское нашествіе рѣзко и насильственно нарушило старую русскую правду, издавна установившійся государственный и правовый строй. Другъ противъ друга, лицомъ къ лицу стало два враждебныхъ государственныхъ порядка: порядокъ русскій, христіанскій, любимый и уважаемый князьями и народомъ, и другой — порядокъ ордынскій, ненавистный народу русскому. Первый почитается дарованнымъ милостію и благодатію Божіей за добродѣтели прежнихъ благочестивыхъ началодержцевъ русскихъ, во святыхъ своихъ прославившихъ родную землю. Въ этомъ порядкѣ воплощается истинная идеальная правда христіанская, благословенная церковью и десницею Божіею. Во главѣ его стоитъ князь-подвигоположникъ, слуга Божій, посаженный на „престолъ правды" служителями алтаря Господня.

Другой порядокъ — ордынскій, почитается ниспосланнымъ на землю Русскую „попущеніемъ“ Божіимъ за грѣхи, за гордость и похвальбу князей русскихъ и всего народа. Во главѣ его стоитъ злочестивый и беззаконный царь татарскій, Измаильтянскій и всѣ злочестивые измаильтяне. Этому злочестивому царю за грѣхи людей Богъ даровалъ попущеніемъ своимъ „царство свѣта сего“ и покорилъ подъ руку его всѣ народы. Истинный князь не долженъ дорожить „славой свѣта сего“ и властью, полученной изъ рукъ злочестиваго царя Измаильтянскаго. Князь Михаилъ Черниговскій это опредѣленно высказываетъ, когда, бросивъ „кочь“ свой (багряницу, символъ власти) къ ногамъ князей, уговаривавшихъ его подчиниться волѣ хана, воскликнулъ: „Примите славу свѣта сего, кто ея хочетъ“.

Такъ, благодаря историческимъ событіямъ, получаетъ углубленное развитіе въ древней русской письменности и народномъ міровоззрѣніи представленіе, намѣчавшееся въ ней и ранѣе подъ вліяніемъ христіанства, а, можетъ быть, отчасти и манихейства, о противоположности двухъ государственныхъ порядковъ: существующаго — злого и идеальнаго — добраго. Воплощеніемъ этого послѣдняго становится князь — подвигоположникъ, носитель идеальной правды и ея мѣрило, „Мѣрило праведное“.

Выработкѣ понятія о такомъ идеальномъ князѣ и идеальной правдѣ первоначально содѣйствовала преимущественно многострадальная Тверская династія великомучениковъ Христовыхъ, о которыхъ уже было сказано выше. Можно сказать, что эпоха князей великомучениковъ сыграла въ исторіи русскаго государства такую же роль, какъ эпоха римскихъ гоненій противъ христіанства въ исторіи христіанской церкви. Какъ Римъ, поднявши гоненіе противъ христіанъ, укрѣпилъ въ нихъ силу духа, возвеличилъ исповѣдниковъ и мучениковъ Христовыхъ и даровалъ Церкви великую побѣду надъ умами всѣхъ народовъ, такъ — гоненія татаръ противъ лучшихъ представителей княжескаго рода Рюриковичей подняли его на

недосягаемую высоту въ глазахъ народа, содѣйствовали созданію тѣхъ идеальныхъ представленій о князѣ и царѣ, которыя господствовали въ умахъ народа въ теченіе всей русской исторіи и тѣмъ укрѣпили русскую власть и государственность. И не столько въ прямыхъ заимствованіяхъ и вліяніяхъ, сколько въ этихъ гоненіяхъ почерпнуло русское единодержавіе свою главную силу.

Московская династія, какъ мы уже отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, стала въ значительной степени на путь, начертанный Тверской династіей, со времени перваго изъ крупныхъ собирателей Земли Русской. Дмитрій Донской былъ, дѣйствительно, княземъ-подвигоположникомъ, сумѣвшимъ объединить вокругъ своего подвига всю почти Великорусскую Землю.

Съ того времени, если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ идеалѣ образъ подвигоположника стоитъ передъ очами нашихъ князей, книжниковъ и народа. Идеалъ царя, не считаясь съ дѣйствительностью, становится все болѣе и болѣе возвышеннымъ. Маржерету московитяне говорили, что слово „царь“ священно, ибо написано въ Св. Писаніи. А въ „Повѣсти о честнѣмъ житіи царя и в. князя Ѳеодора Ивановича всея Руси“ дѣлается уже обобщающая канонизація всѣхъ властодержателей: „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта и долгота неосяжима и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуема, святыхъ же и крестоносныхъ, преславнѣйшихъ Россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема...“ Подобное идеализированное представленіе о царѣ господствуетъ въ письменности и народномъ міровоззрѣніи того времени. Не реальный Иванъ Васильевичъ или Ѳеодоръ Ивановичъ властвуютъ надъ Россіей того времени, а иконный ихъ ликъ, облаченный въ златотканную одежду, окруженный невидимымъ сіяніемъ народнаго властотворчества. Онъ паритъ надъ Россіей „во облацѣхъ“ въ видѣ возвышеннаго идеала, даетъ ей

силы въ борьбѣ и крѣпость въ единеніи, ведетъ ее по пути величія и славы, соприсутствуетъ дѣйствительному земному Правителю въ его правительственныхъ дѣлахъ. Россію того времени можно скорѣе назвать идеалоправствомъ, чѣмъ теократической монархіей. Это идеалоправство переживаетъ вѣка и до нѣкоторой степени продолжаетъ жить въ умѣ народа и дальше, почти до эпохи современной Великой Смуты.

Такъ одинъ изъ идеаловъ своеобразнаго русскаго „естественнаго права“ или точнѣе „правды“ въ лицѣ подвигоположника проходитъ вѣка и почти до нашихъ дней скрѣпляетъ устои русской государственности.

Вполнѣ сознавая многія непроглядныя стороны русскаго государственнаго строя, видя взяточничество и злоупотребленія воеводъ и дьяковъ, строящихъ себѣ палаты такія, „что неудобь сказаемыя“, а также — и позднѣйшаго чиновничества, видя недостатки многихъ государственныхъ установленій, народъ продолжаетъ вѣрить, что все это происходитъ потому, что правда до царя не доходитъ. Но, если бы правда до него доходила, было бы иначе, ибо „сердце царево въ рукѣ Божіей“ и въ немъ правда и истина имѣютъ свое пребываніе. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ противоположеніемъ несовершеннаго земного порядка и „правды“, творимой непосредственнымъ „подвигомъ царя“.

„Правда“, какъ своеобразная система русскаго идеальнаго права, развивавшаяся отдѣльными путями, отчасти сходными съ западно-европейскими средневѣковыми, стремится достичь усовершенствованія государственнаго строя совершенно иными средствами, нежели западно-европейское естественное право XVII-XVIII столѣтій. Послѣднее выводитъ изъ прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина цѣлый списокъ гражданскихъ свободъ и требуетъ въ ихъ пользу ограниченій правъ монарха. Такимъ образомъ, старыя права ранѣе абсолютнаго монарха и выведенныя изъ естественнаго права гражданскія свободы и права народа становятся другъ противъ друга, какъ два враждебныхъ

начала, ратоборствующихъ между собою. Борьба продолжается неустанно, не на животъ, а на смерть и рано или поздно угрожаетъ паденіемъ одному изъ противниковъ.

„Правда" древняго русскаго государственнаго идеала не создаетъ двухъ ратоборствующихъ между собою враждебныхъ становъ, не требуетъ умаленія власти и ограниченій в о и м я в р а ж д ы и н е д о в ѣ р і я. Но это не ведетъ къ требованію абсолютизма въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, ибо самодержавіе означало первоначально лишь единство власти во всѣхъ русскихъ земляхъ, а совѣщанія царя съ земскими соборами, Думой и съ иными совѣщательными и законодательными учрежденіями чрезвычайно высоко оцѣниваются народомъ и ставятся ему въ обязанность. Но эта обязанность должна исполняться не въ видѣ опредѣленнаго исходомъ борьбы ограниченія, а в о и м я взаимной христіанской л ю б в и царя и народа. Требованіе любви издавна извѣстно русскому праву. Князья, договариваясь между собою и съ иноплеменными народами, уславливаются быть между собою въ любви, правдѣ и крестномъ цѣлованіи Въ той же любви-„одиначествѣ" должны жить князья съ вѣчемъ и своими дружинниками. Во имя любви и правды совершаютъ и позднѣе князья и цари свое трудное правительственное дѣло, „чтобы", — какъ выражается Царственная книга: „была православныхъ христіанъ рука высока надъ безъсерменьскими и латыньскими", „чтобы была въ землѣ правда".

Вмѣстѣ съ тѣмъ идеалъ любви царя и народа не ограничивается требованіемъ взаимныхъ совѣщаній и совмѣстной работы, онъ требуетъ отъ обоихъ сверхдолжнаго и чрезвычайнаго — геройскихъ подвиговъ и самопожертвованія другъ ради друга: отъ князя тѣхъ мученическихъ подвиговъ, о которыхъ уже сказано выше, а отъ народа, чтобы онъ, не жалѣя живота, головы свои слагалъ за вѣру православную, за царя и отечество до послѣдней капли крови.

„За царя“ здѣсь означаетъ, конечно, не за смертнаго человѣка сейчасъ обладающаго властью, а за тотъ высокій религіозно-государственный идеалъ, который въ теченіе вѣковъ стоялъ, какъ свѣточъ передъ глазами русскаго народа и выводилъ его со славою изо всѣхъ трудностей и испытаній.

Такой идеалъ несомнѣнно шире идеала обыкновенной конституціонной монархіи, употребляетъ иныя санкціи для достиженія равновѣсія между двумя главными элементами верховной власти; онъ въ еще большей степени шире идеала просвѣщеннаго абсолютизма и гораздо возвышеннѣе ихъ обоихъ, ибо слово „совершенствованіе“ употребительное въ доктринѣ нѣкоторыхъ представителей естественноправового ученія и теоретиковъ полицейскаго государства, — слишкомъ блѣдно для характеристики дѣятельности той власти, которая ищетъ подвига и самопожертвованія.

Если совершеніе подвига власти является требованіемъ идеальнаго русскаго права, именуемаго правдой, то цѣлью его ставится общественное благо. Въ русской исторической литературѣ совершенно напрасно высказывалось мнѣніе о томъ, будто бы въ допетровской Россіи неизвѣстно понятіе общественнаго блага. Оно не только извѣстно, но является весьма развитымъ понятіемъ. Князю вмѣняется цѣлый рядъ обязанностей въ области военнаго дѣла, суда, управленія и даже — множество нравственныхъ обязанностей, ибо по воззрѣніямъ того времени отъ праведности князя зависило благосостояніе страны. Иванъ Грозный опредѣленно заявляетъ, что цѣлью его царствованія является общественное благо. Въ „Грамотѣ утвержденной о бѣломъ клобукѣ митрополичѣ“ 1564 года онъ говоритъ: „...пріяхомъ скипетри Россійскаго царства мы, в. государь, царь и в. князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, въ обдержаніе и во осмотреніе всѣхъ б л а г ы х ъ благочестиваго Россійскаго Царствія...“

Какъ мы видѣли выше, забота эта объ общественномъ благѣ не ограничивается исполненіемъ обыкновенныхъ обязанностей положительнаго права, но простирается до исполненія обязанностей права идеальнаго, до подвига и самопожертвованія.

Но благо это понималось иначе, нежели оно понимается въ современномъ внѣрелигіозномъ государственномъ правѣ. Это благо заключалось отнюдь не въ первую очередь въ обезпеченіи экономическаго, матеріальнаго благосостоянія гражданъ. Въ этомъ противоположность крайняя, непроходимая противоположность двухъ міровоззрѣній. Для современности главное, срединное благо — это благо хозяйственное, матеріальное. Вся жизнь вращается вокругъ него, оно — альфа и омега современнаго человѣчества. Тѣмъ самымъ человѣчество возвращается къ дохристіанскому своему состоянію и сквозь вѣка христіанства протягиваетъ руку вѣкамъ языческимъ. Вѣра въ Бога, идеалы, справедливость, добро и красота для него лишь надстройка надъ монолитнымъ зданіемъ экономическаго быта.

Въ эпоху созданія русской государственности общественное благо видѣли не столько въ обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія, сколько въ духовномъ спасеніи народа, и правильно думали, что послѣднее естественно ведетъ къ первому. Поэтому государство ставило себѣ три главныхъ задачи: блюстительство православія, водвореніе правды на землѣ и защиту лишь въ общихъ чертахъ физическаго существованія народа.

Изъ означенныхъ цѣлей съ юридической точки зрѣнія наиболѣе важной цѣлью княжескаго подвига является водвореніе „п р а в д ы“ на землѣ. По воззрѣніямъ лѣтописей уже первые князья-варяги призывались для того, чтобы возстановить ту правду, которой не было во враждовавшихъ между собою родахъ. И во все послѣдующее время правда является цѣлью княжеской дѣятельности. Между прочимъ, это опредѣленно высказы-

ваетъ Изяславъ Мстиславовичъ въ своей рѣчи къ пріѣхавшему къ нему Ростиславу Юрьевичу. Положеніе это не измѣняется и позднѣе, когда оно получаетъ законодательное признаніе въ Псковской Судной Грамотѣ и болѣе романтическій характеръ въ Московской Руси.

Во время вѣнчанія царя Ивана Грознаго на царство въ 1547 году митрополитъ возноситъ Господу молитву, чтобы „Онъ посадилъ царя на престолѣ правды... да судитъ люди твоя правдою". Также и отецъ Грознаго в. князь Василій Ивановичъ, будучи при смерти, обращается къ братіи своей и къ боярамъ своимъ со словами: „стойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ Государь и чтобы была въ землѣ правда".

Но эта правда земная, правда свѣта сего не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Какъ князь и царь является лишь вершителемъ Божьей воли на землѣ, такъ и правда земная имѣетъ служебное значеніе въ отношеніи къ правдѣ небесной, есть только ея отблескъ, слабое отраженіе. Въ этомъ смыслѣ говоритъ митрополитъ Макарій въ своемъ посланіи къ царю Ивану Васильевичу и его соратникамъ, идущимъ на Казань, повторяя евангельскія слова: „ищите преже царьствіа небеснаго и правды его, потомъ вся приложатца вамъ..."

Изложенный разборъ правового обоснованія и правовыхъ цѣлей подвига власти приводитъ насъ къ заключенію въ необходимости построенія новаго вида государства, наряду съ правовымъ, именно „государства правды". Только въ немъ можетъ имѣть свое мѣсто подвигъ власти, и сущность его не исчерпывается правовой стороной. Напрасно было бы думать, что „государство правды" отличается отъ правового государства только юридической формой государственнаго устройства. Какъ разъ это послѣднее различіе сравнительно менѣе велико. Но государство правды и правовое государство—это два совершенно различныхъ міровоззрѣнія.

На сторонѣ послѣдняго, большею частію, матеріалистическія стремленія, дѣятельность ради маленькаго ежедневнаго счастія людей, ежедневной суеты земной. На сторонѣ государства правды — красота религіознаго пафоса, неустанный трудъ государственнаго строительства, культъ сильной и яркой личности, умноженіе накопленныхъ предками богатствъ и мистика мученическаго подвига ради вышняго идеала. Правовое государство — правленіе сѣрыхъ, будничныхъ людей; государство правды — правленіе героя, подвижника, великомученика. Гдѣ нѣтъ героя на престолѣ, хотя бы въ представленіи народа, тамъ нѣтъ и правды, а только ея поддѣлка.

Поэтому исконнымъ началомъ русскаго идеальнаго права является не наслѣдованіе престола старшимъ сыномъ, а наслѣдованіе лучшаго изъ династіи! Любимый герой древности Владиміръ Мономахъ, будучи младше Святославичей по родовымъ счетамъ, все таки, по убѣжденію народному, былъ законнымъ наслѣдникомъ золотого стола Кіевскаго. Степенная книга объясняетъ возвышеніе молодой, въ отношеніи родового старшинства, Московской династіи особыми заслугами ея представителей. И въ новое время не старшій возрастомъ Іоаннъ Алексѣевичъ, а геніальный Петръ создалъ величіе Россіи и сталъ идеаломъ ея правящихъ круговъ. Такъ идеальное право русское, хотя расходилось нерѣдко, какъ всякій идеалъ, съ правомъ положительнымъ, является однако не менѣе существеннымъ, съ точки зрѣнія общаго построенія его системы.

Наша позднѣйшая интеллигенція мечтала безъ подвиговъ и безъ труда устроить государство, мечтала о власти учрежденій, гдѣ бы по западно-европейскому образцу съ наихудшими людьми было бы обезпечено наилучшее управленіе. Забыли, что русская культура, вмѣщая въ себя европейскую, шире ея и ею не исчерпывается. И русскій политическій идеалъ — шире европейскаго. Вмѣщая въ себя идеалъ власти-учрежденія, онъ на этомъ не останавливается.

Правовое государство слишкомъ узко для широкихъ просторовъ Руси, для широкаго размаха ея генія. Русская политическая мысль привноситъ въ построеніе государственнаго идеала нѣчто новое, ей по преимуществу свойственное. Не довольствуясь установленіемъ правового государства и власти-учрежденія, русскій народъ въ теченіе вѣковъ требовалъ отъ власти гораздо большаго и юридически сверхдолжнаго, онъ требовалъ подвига, самопожертвованія, творческаго страданія.

Подвигъ власти, подвигъ страданія является крайнимъ проявленіемъ стремленія ея къ самосовершенствованію. Онъ возможенъ только тамъ, гдѣ власть имѣетъ дѣйствительное побужденіе къ такому совершенствованію и стремится по пути къ нему вести за собой и весь народъ. Онъ возможенъ только тамъ, гдѣ государство не строится на основахъ неустанной борьбы классовъ и подогрѣваемой революціонной идеологіей взаимной кровавой ненависти народа и правительства, а на основахъ любви и правды, доброжелательнаго сотрудничества всѣхъ элементовъ государства. Онъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ властодержатель не является тѣнью, лишенной возможности управлять, а личностью яркой и сильной духовно, лучшей личностью среди народа, способной вести за собой весь народъ по пути строительства правды государственной. Подвигъ власти требуетъ самоутвержденія геніальной, выдающейся личности...

Въ XVI вѣкѣ закончилось развитіе идеала подвигоположничества и „государства правды“. Въ послѣдующіе вѣка идеалы эти то оживали въ умахъ и дѣлахъ, то исчезали съ поверхности жизни, оттѣсняемые иными идеями и устремленіями. Задачи усовершенствованія бюрократическаго аппарата и развитіе началъ „правового государства“ отодвинули въ тѣнь образъ властодержца-подвигоположника, заставили забыть о государствѣ правды... Въ нынѣшній моментъ величайшаго кризиса и паденія идеи и факта власти — въ задачахъ возстановленія ея

надлежитъ, быть можетъ, обращаться не только къ примѣрамъ и ученіямъ недавняго времени, но также къ образамъ и ученіямъ болѣе отдаленнаго прошлаго — по новому и съ творческой силой воскресающихъ для насъ — въ ихъ „логической самоцѣнности“...

Мстиславъ Шахматовъ

Прага—Чешская
Іюль 1923 г.

ИНОБЫТІЕ РУССКОЙ РЕЛИГІОЗНОСТИ

Кризисъ русской Церкви, обозначившійся въ процессѣ революціи и тѣсно связанный съ нею, является, по всей вѣроятности, существеннѣйшимъ фактомъ въ судьбѣ всей русской православной религіозности и послѣдствія его конечно будутъ сказываться еще долго послѣ окончанія революціонной эпохи. Можетъ быть, именно въ послѣдствіяхъ этого кризиса только и раскроется истинный смыслъ и значеніе всего происходящаго нынѣ въ лонѣ православія, ибо роковая обусловленность церковной смуты общимъ революціоннымъ помраченіемъ крайне затемняетъ истинное положеніе вещей и не даетъ возможности отнестись къ процессамъ религіознымъ, внѣ зависимости отъ политическаго положенія Россіи. Однако, и теперь можно установить, что процессы религіознаго возбужденія такъ или иначе захватили все бытіе русскаго народа и какъ-то по новому устанавливаютъ его религіозное сознаніе, сообщаютъ ему существенно новыя формы исповѣдничества, наконецъ переводятъ средоточіе религіозности изъ одного народно-общественнаго плана—въ другой. Можетъ быть нѣкоторые видятъ въ этомъ процессѣ исполненіе многолѣтнихъ мечтаній и положительно учитываютъ „эмансипацію“ православія. Для тѣхъ же, кто смотритъ на происходящее съ тревогой — надлежитъ прежде всего ясно осознать самый характеръ и смыслъ нынѣшнихъ судебъ русской Церкви и вообще русской религіозности...

Если смотрѣть въ будущее оптимистически и вѣрить въ возстановленіе Россіи, то все таки нужно твердо понимать, что не все возстановимо. Есть формы и стороны русской жизни, которыя революція разрушила навсегда. Прежде всего, по всей вѣроятности, не возстановимъ русскій дореволюціонный бытъ, разумѣя въ данномъ случаѣ не внѣшнія проявленія прошлаго государственно-соціальнаго строя, а образъ и существо стихійно-народной жизни, тотъ укладъ и ритуалъ жизни, въ которыхъ бытовое и религіозное сочетается въ нераздѣлимомъ единствѣ. Между тѣмъ, безъ нарочитой идеализаціи и аффектаціи нужно признать, что русскій народный бытъ — былъ дѣйствительно религіозенъ. Россія жила бытовымъ исповѣдничествомъ своей вѣры; бытъ — являлся формой русской религіозности, „истиннымъ смотрѣніемъ Божіемъ“ и церковь на него опиралась.

Самые прославленные и чтимые русскіе святители и подвижники не были догматическими учителями и духовными законодателями Церкви; они, прежде всего, просіяли въ быту, какъ предѣльное раскрытіе мірского добра, какъ дѣлатели и герои жизни.

Русская религіозная стихія цѣликомъ переводилась, претворялась и воплощалась въ матеріальную образность и форму быта. Въ то же время религіозный интеллектъ пребывалъ въ духовно-тѣлесномъ существѣ Россіи инертнымъ и недифференцированнымъ. И, видимо, Русская Церковь вполнѣ удовлетворялась сакрализаціей быта и не искала дѣйственно-историческихъ путей, не домогалась догматическаго самосознанія и творчества.

Бытовое исповѣдничество русскаго народа господствовало за счетъ сознательно-догматическаго.

Принявъ изъ Византіи уже готовую догматическую форму вѣры, Россія, прежде всего, органически претворила ее въ конкретную образность быта, погрузила ее въ плерому эмпирическаго своего бытія, дала ей живую, выразительно-чуткую плоть.

Домостроительство Божіе было воспринято русской стихіей, какъ благословенное бытостроительство, и религіозный геній Россіи въ этомъ отношеніи достигъ великихъ и еще неоцѣненныхъ образовъ и формъ. Слѣдуетъ именно теперь, съ особенной ясностью понимать, что русская православная теократія и цезарепапизмъ были, прежде всего, вершиной мощнаго строительства быта. Въ ихъ созиданіи моментъ идеологическій значительно отступалъ передъ эмпирическимъ самовыявленіемъ національно-религіознаго творчества быта. Грандіозныхъ утопій средневѣковой теократіи, абстрактныхъ идеологій и схоластическихъ построеній русское религіозно-державное сознаніе не знало. Вѣра въ Третій Римъ органически вырастала на исторической почвѣ объемлющаго бытостроительства, и не была діалектическимъ построеніемъ. Православно-русская догматическая терпимость и широта ярко свидѣтельствуютъ и доказываютъ, что не въ экзотерическомъ императивѣ идей и не въ схоластической интеллектуализаціи заключался основной пафосъ русскаго исповѣдничества, а въ эзотерической глубинѣ символики быта. Въ таинственномъ и внѣшне незримомъ процессѣ происходило перерожденіе основополагающаго религіознаго субстрата русскаго генія въ многообразіе бытового культа.

Но вѣрила въ русскій бытъ, какъ въ подлинную религіозную цѣнность, одна лишь Церковь; вѣру, однако, свою сумѣла внушить и преподать не всѣмъ. — Въ средѣ общества и правительства, — одни уличали русскій бытъ въ невѣжествѣ и издѣвались надъ нимъ, другіе дѣлали его оплотомъ дурной реакціи, третьи мечтательно идеализовали. Но поставить русскій бытъ религіозно-эмпирическимъ устоемъ подлиннаго творчества и развитія Россіи — никто не захотѣлъ. Его попросту проглядѣли. Камень, могущій лечь въ основу угла, былъ строителями отвергнутъ. Теперь, спохватившись, заговорили о религіозной культурѣ, о томъ, чтобы секуляризованный бытъ интеллигенціи, ея

идеалы, вѣру, понятія о правѣ и законности, вернуть въ единую плерому религіознаго бытія. Говорятъ объ этомъ, какъ о несбыточномъ и давно-прошедшемъ, упуская изъ памяти, что всего нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, въ сопряженіи русскаго быта и православія наличествовали безусловные элементы столь чаемой нынѣ религіозной культуры.

Прежде всего слѣдуетъ внутренно осознать понятія быта и культуры, ихъ взаимоотношенія и установить возможность насажденія религіозной культуры въ современныхъ историческихъ условіяхъ.

Въ сложномъ процессѣ исторіи можно обнаружить непрестанное внутреннее бореніе между двумя основополагающими его началами: началомъ движущихъ силъ, съ ихъ интенціей на поступательность, и началомъ образно-вещественнаго запечатлѣнія исторической энергіи въ строительствѣ и храненіи культуры. Эти оба начала, внутренно-сопряженные, въ то же время противостоятъ другъ другу. Силы исторической поступательности дѣйствуютъ инициативно и самопроизвольно, имѣя лишь слѣпое притяженіе въ безконечность, и поэтому стремятся преодолѣть инертность историческихъ образовъ и конкретность всѣхъ преходящихъ своихъ этаповъ, періодовъ и эпохъ. Воля къ культурѣ, обратно, творчески косна, интенсивно-пассивна, потенціальна и консервативна и ипостазируетъ текучіе образы исторіи въ непреходящія цѣнности абсолютнаго смысла, ищетъ въ исторической преемственности жизни и быта — символъ вѣчности [1]). Давно пора избавиться отъ горделиво-заносчиваго пониманія быта, какъ завѣдомой пошлости, засасывающей рутины, которые слѣ-

[1]) Христіанская исторія знаетъ органическій синтезъ этихъ двухъ началъ въ цѣлостномъ религіозно-эмпирическомъ самовыявленіи нѣкоторыхъ своихъ эпохъ (культура Византіи, образъ ранняго средневѣковья, византійскаго возрожденія, нѣкоторыя формы итальянскаго возрожденія). Однако, средневѣковая слитность историко-культурнаго бытія европейскаго Запада быстро разлагается, при чемъ историческая устремленность поглощаетъ волю къ культурѣ. Россія до послѣдняго времени еще удерживала въ своемъ

дуетъ преодолѣвать во имя свободной, „творческой“ импровизаціи жизни. Нужно понять, что всякій истовый бытъ, поскольку онъ дѣйствительно выявляется, имѣетъ образъ, форму и систему жизни и отстаиваетъ ихъ — является безусловно-творческой, духовно-эмпирической категоріей и долженъ считаться основаніемъ строительства культуры. Эсотерическій бытовой кругъ жизни, бытовая повторяемость, системность, традиціонность и цикличность —воздвигаютъ форму и устанавливаютъ ритмъ всей внѣшней культуры. Человѣкъ, лишенный бытового воображенія, бытового творчества, не могущій избрать и установить для себя самостоятельныя формы, стиль и систему жизненной выразительности — безсиленъ и въ строительствѣ религіозномъ, государственно-общественномъ и художественномъ [1]). Гдѣ нѣтъ быта — нѣтъ и культуры. Въ правильной оцѣнкѣ значенія быта — содержится и вѣрное опредѣленіе культуры. Всякая культура есть духовно-эмпирическое, образно-матеріальное запечатлѣніе исторической воли, созна-

бытіи нѣкоторое равновѣсіе этихъ двухъ началъ и только теперь видимо переходитъ къ преодолѣнію культурной воли и самоотданію исторической поступательности. Мусульманскій и буддистскій Востокъ, во многихъ своихъ проявленіяхъ, до сихъ поръ живетъ въ синтетическомъ историческомъ бытіи, при которомъ исторія и культура сливаются воедино.

[1]) Конечно, въ данномъ случаѣ подразумѣвается личность, какъ основа общественности и государственности, ибо на извѣстныхъ ступеняхъ аскетически-духовнаго восхожденія и развитія — всѣ внѣшне-матеріальныя и національныя формы жизни, д. б. преодолѣваемы какъ соблазнъ, отягощающій жизнь духовную. Впрочемъ, сверхнаціональныя черты православнаго святительства многихъ русскихъ святыхъ (напр. Преп.-Серафима Саровскаго) — неотдѣлимы отъ ихъ русскаго бытового облика.

Обывателемъ, въ презрительномъ смыслѣ слова, можно назвать именно того, кто не сумѣлъ или не захотѣлъ укоренить свою жизнь въ бытовой почвѣ и не смогъ создать для себя стабилизующей и насыщающей образности жизни, того, кто не видитъ и не цѣнитъ все значеніе процесса быта и подлинной его сути (тайну, праведность и чудесность быта геніально раскрылъ Лѣсковъ), считая ихъ пошлостью и рутиной; того, кто не имѣя упора въ конкретно-настоящемъ, болѣзненно и ревниво влечется къ чужому и призрачному. Бродняжническая и безпочвенная русская интеллигенція, не имѣя бытовыхъ корней, потому именно и обличала и профанировала эмпирическую самобытность русской культуры, что состояла изъ обывателей, въ этомъ смыслѣ.

нія и памяти. Въ культурѣ историческая воля стабилизуется, удерживается и трансформируется въ образы, вещество и матеріалъ конкретнаго бытія и быта. Культура, расширяя бытъ и въ то же время догматизуя его распорядокъ и образъ, утверждается въ паѳосѣ настоящаго, въ противоположность эволюціонной цивилизаціи, которая всегда въ устремленіи къ будущему. Въ культурѣ историческая воля уводится съ арены исторической дѣйственности и обращается, мобилизуется на внутреннее и образное строительство жизни. Поэтому внутренно-живая культура должна имѣть достаточно силъ и убѣдительности, чтобы удовлетворять своими незыблемо установившимися нормами, образами и символами — жизненные запросы ея носителей. Съ точки зрѣнія того, кто слѣпо поклоняется исторической процессульности и поступательности (прогрессиста обычнаго типа), бытіе въ культурѣ учитывается, какъ инертность жизненной воли и иниціативы. Культура, какъ и религіозный бытъ дѣйственно реализуется и образно выражается по внутренно-религіознымъ законамъ повторяемости, аналогіи и цикличности [1]).

Этой закономѣрностью бытъ и культура борятся съ утекающей стихіей времени и съ тлѣномъ матеріи, отмѣчаютъ этапы и звенья человѣческаго бытія, составляютъ кругъ религіозно-соціальной жизни, имѣющій аналогію съ кругомъ и послѣдовательностью жизни органической и біологической. Безъ этихъ законовъ нѣтъ обряда культа, какъ нѣтъ и обряда культуры, ибо выразительность и „косность“ культуры обусловлены трансцендентной категоричностью образа

[1]) Есть таинственная закономѣрность и предустановленная формальность во внѣшнихъ проявленіяхъ религіозной сущности, въ символикѣ религіозныхъ воплощеній, согласно которымъ устанавливается связь между числами, повтореніями — и смысломъ выражаемаго ими откровенія. По конструктивному принципу повтореній и аналогій — строится Евангельское повѣствованіе, литургическое чинопослѣдованіе и молитвословіе. Этотъ же принципъ даетъ основную форму и формулы — мистическимъ заговорамъ и заклинаніямъ, а также различнымъ видамъ религіознаго искусства.

вѣры и незыблемостью установки религіознаго сознанія. Этотъ упоръ въ вѣру и есть духовный стимулъ культуры; именно онъ и дѣлаетъ всякую культуру религіозной. (Въ этомъ смыслѣ современный прогрессивно-соціалистическій рядовой романо-германецъ или коммунистическій „совѣтчикъ“ не являются вовсе людьми культуры).

Вотъ почему, коль скоро вѣра замѣняется спекулятивнымъ идеализмомъ, или имманентизмомъ и „пустой“ идеей прогресса, не имѣющей стабилизаціи, — специфическій даръ охраненія образности и формы культуры, способность понимать преемственность культурныхъ традицій и умѣніе ихъ продолжать — постепенно начинаютъ разлагаться и подъ конецъ вовсе утрачиваются [1]).

---

[1]) Духовно-идеологическія вѣрованія и эмпирическое существо каждой эпохи, конечно, взаимно обусловлены. Въ частности, внѣшній бытъ, самый процессъ жизни европейской современности и господствующее нынѣ міросозерцаніе — находятся въ глубочайшемъ сопряженіи. Если начать вглядываться въ историческое теченіе нашего времени, то бросается въ глаза несоотвѣтствіе устремленности жизненнаго процесса съ конкретной образностью и выразительностью самихъ событій и фактовъ. Жизнь мучительно ускоряется и въ то же время рѣшительно теряетъ свои очертанія и формы и становится изъ процесса дѣйственно реальнаго, процессомъ ирреально-призрачнымъ. Въ силу напора поступательнаго устремленія — бытъ плавится, развеществляется и гибнетъ. Машинное производство и фабричная выдѣлка, механически преодолѣвая и преобразуя матеріалы — вовсе лишаютъ трудъ образной конкретности, дѣлая его абстрактно-автоматическимъ. Техническіе пути сообщенія и средства связи, преодолѣвая пространство и время, помимо личнаго участія человѣка, функціонируютъ съ такой быстротой, что пространственная образность исчезаетъ и время уже не переводится въ преемственно-образную категорію, доступную сознанію. (Интересно также понять и популярность кинематографіи, являющейся искусствомъ имматеріальнаго динамизма, зрѣлищемъ безплотныхъ, развѣществленныхъ тѣней, въ связи съ общей призрачностью всей современной эпохи)... Но, кромѣ того, такіе феномены, какъ современная власть, международное взаимоотношеніе народовъ и государствъ, являясь перемѣнно слагающимися выводами общественно-государственныхъ сопряженій, становленій и дѣйствованій разнородныхъ силъ и причинъ, неподдающихся реальному воспріятію, — также теряютъ свой конкретный образъ внѣшней выразительности. Современное кредитное капиталистическое хозяйство можетъ быть также опредѣлено, какъ абстрактно-практическое оперированіе съ ирраціональными числами и понятіями...

Поскольку христіанство, утверждая незыблемый и трансцендентный образъ своего откровенія, въ то же время, таинственно-антиномично, раскрываетъ передъ сознаніемъ человѣческимъ дали временъ и историческіе горизонты, притягивающіе къ себѣ и динамизирующіе сознаніе—встаетъ роковой вопросъ: возможна ли вообще христіанская культура?..

Для христіанскаго домостроительства — нужна историческая плотъ быта, реальное поле исповѣдничества; но религіозное сознаніе не воспринимаетъ и не считаетъ ихъ достаточной и полной формой религіозной дѣйственности и вѣры и не видитъ въ нихъ предѣльнаго смысла бытія. Когда же религіозное сознаніе, автономно-діалектически обращается къ восполненію недостаточности бытовой вѣры, то фатально вовсе выходитъ изъ религіозной эмпиріи и попадаетъ въ сферу метафизической схоластики и мнимаго творчества.

Такова судьба римскаго католицизма. Она являетъ собой угрожающій примѣръ, до какой органической деформаціи христіанства можетъ дойти теологическая спекуляція, утративъ связь съ творческой стихіей быта, не имѣя въ немъ живой базы творчества и инспираціи. Догматическое творчество и теократическая схоластика католицизма, притязающія на продолженіе традицій великихъ вѣковъ первохристіанства, на принудительное осуществленіе Божьяго закона на землѣ, охваченныя при томъ замысломъ навязать исторіи свой ирреальный планъ и свои мессіанскія цѣли — меньше всего рождались и продолжаютъ рождаться въ массивѣ быта, въ соборномъ сознаніи религіозныхъ массъ. Католическій бытъ, расколовшійся въ эпоху реформаціи, отчасти секуляризовался, отчасти же омертвѣлъ и сталъ покорно принимать, въ качествѣ пасомаго стада, — императивныя декларацiи церковнаго интеллекта, бдительно охраняющаго логику и діалектику своего историческаго бытія [1]).

[1]) Конечно, имѣется и органическій католическій бытъ, но сплошь и рядомъ римская церковь насильственно дедуцируетъ

Христіанство, какъ религія богочеловѣчества, съ исключительнымъ паѳосомъ раскрываетъ свою дуалистическую основу[1]) въ ученіи о соборной Церкви, въ которомъ начало творческаго апперцептивнаго богосознанія и плоть вѣры, — творчески-исповѣдующая масса — нераздѣлимы, но въ то же время равнозначно слиты. Именно это ученіе подмѣнивается въ католицизмѣ своего рода м е т а ф и з и ч е с к и м ъ м о н и з м о м ъ, путемъ сознательной сакрализаціи церковно-правящей иниціативы іерархіи, что совершается за счетъ умаленія религіозно-творческихъ правъ бытовой массы, являющейся плотью Христовой Церкви.

Нельзя видѣть въ судьбѣ католицизма лишь рокового или сознательнаго заблужденія одной лишь западной церкви, удѣла, или грѣха одного латинства.

Католицизмъ ушелъ изъ быта, отгородился отъ міра и замкнулся въ псевдо-сакральную монаду своей іерократіи уже давно и подъ вліяніемъ разнородныхъ, внутренно-сложныхъ причинъ. Но если бы этого не случилось, то въ настоящее время, изъ за всей совокупности историческихъ процессовъ современной Европы, западная Церковь была бы вынуждена все равно стать на путь полнаго разрыва съ дѣйствительностью и жизнью, ибо вслѣдствіе интенсификаціи исторической поступательности, культура западнаго быта разлагается съ необычайной быстротой, теряетъ свою матеріальную плотность, устойчивость и образность, а вмѣстѣ съ этимъ обозначается и полное ослабленіе религіозно-бытового творчества. Эта же опасность встала и стоитъ и передъ русскимъ православіемъ. Исторія, правда, знаетъ примѣръ Византіи, гдѣ религіозное сознаніе и бытъ творчески сопрягались, гдѣ догматиче-

образъ религіознаго быта изъ всего механизма эмоціольно-раціоналистической своей схоластики.

[1]) Этотъ терминъ употребляется здѣсь не въ специфическомъ смыслѣ новой философіи, или манихейства, а въ смыслѣ утвержденія полнаго равновѣсія божескаго и человѣческаго, какъ оно дано въ основномъ догматѣ Богочеловѣчества, равно охраняемомъ церковью отъ уклоновъ, какъ въ сторону аріанства, такъ и въ сторону монофизитства.

ская діалектика возбужденно и остро оформлялась непосредственно въ жизни, гдѣ интенсивность государственная и религіозно-церковная взаимно другъ друга строили. Но ранняя и средневѣковая Византія, черпавшая свои бытовыя силы въ первично-стихійномъ скрещеніи разнородныхъ культуръ Запада и Азіи, а вдохновеніе духа, черпавшая отъ непосредственной близости къ историческому факту откровенія и раскрывавшая его въ процессѣ усвоенія Христіанства въ діалектическомъ опытѣ греческой философіи — по всей вѣроятности, неповторима.

Современная эпоха и уже обозначившіеся факты русской дѣйствительности наводятъ на тревожную мысль, что русской религіозности можетъ угрожать именно судьба католицизма, которая опредѣлилась, какъ распаденіе Западной церкви на правящую іерархію, утратившую живую сопряженность съ бытомъ и руководящуюся принципомъ имманентной цѣлесообразности, на инертно-пасомыхъ и на рѣшительно отпавшихъ отъ вѣры, исповѣдничества и церковности.

До сихъ поръ Россія жила на периферіи исторической арены Европы. Русскій народный массивъ можно было сопричислить къ инертнымъ и гетерономнымъ по отношенію къ Европѣ, азійскимъ этническимъ массамъ. Въ ближайшую эпоху намѣчается выходъ Россіи изъ этого положенія; встаетъ, какъ реальная возможность, для болѣе отдаленнаго будущаго — россійско-центрическое международное сложеніе Европы и Азіи. Вмѣстѣ съ этимъ историческая интенсивность всего русскаго бытія уже теперь, на глазахъ современниковъ революціи, становится иной. Къ политической и экономической жизни вызваны новые, доселѣ нетронутые народные пласты. Учащенный темпъ и напряженность жизни сообщаются все дальше вглубь. Въ этомъ пріобщеніи глубинъ бытового массива къ внѣшней дѣйственности обще-историческаго процесса и таится роковая опасность для бытовой религіозности Россіи. Русскій бытъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ

съ исключительной быстротой секуляризуется, и уже теперь можно обнаружить зачатокъ, глубокаго по значенію и послѣдствіямъ, процесса, который опредѣлимъ, какъ выходъ православія изъ быта. Религіозность какъ будто выжимается изъ народно-бытовой почвы и переходитъ и укореняется въ иные общественные слои. Самый процессъ развертывается въ глубинѣ и не поддается массовому осознанію, ибо, по словамъ Симеона Новаго Богослова,... „благодать отходитъ сокровенно, какъ сокровенная по естеству и таинственная; потому отходя не даетъ чувствовать отступленія своего, и не сразу узнать объ отступленіи ея", но нѣкоторые внѣшніе симптомы обличаютъ происходящее въ народной толщѣ. Давнишнее обличительство интеллигенціи наконецъ дало свои плоды. Уродство и трагичность нынѣшняго религіознаго процесса Россіи заключается въ томъ, что народъ — хотя бы въ нѣкоторой своей части — началъ предавать и выдавать на поруганіе свои святыни, началъ со стыдомъ и отвращеніемъ разрушать и профанировать свой бытовой религіозный укладъ именно тогда, когда революція раскрыла глаза сознательной части Россіи и интеллигенція потянулась къ исповѣдничеству, именно къ тому, что еще такъ недавно подрывала. Есть въ нынѣшнемъ русскомъ самопоруганіи и въ поруганіи Православія злая страсть ложнаго стыда за свое прошлое, за прошлое открытое пріятіе вѣры, за обрядность прошлой жизни, которые внезапно предстали въ сознаніи народа, какъ постыдное варварство и темное рабство. Конечно, этотъ процессъ не означаетъ гибели русской религіозности и русской православной церкви. Но нельзя безъ остраго вниманія пройти мимо него, не пытаясь осознать его значеніе и слѣдствій. Коренившееся до сихъ поръ, исключительно въ исповѣдничествѣ бытовомъ, русское православіе отнынѣ будетъ въ какой-то части нестись исповѣдничествомъ сознательной интеллигенціи. Инобытіе будущей русской религіозности будетъ заключаться въ томъ, что изъ состоянія

интенсивно-пассивнаго она сразу должна перейти, освободившись отъ громоздкаго быта, къ экстенсивно-идеологической и активной реализаціи своего опыта, накопленнаго въ долгомъ „косномъ“ прбываніи. Можетъ зародиться стремленіе, послѣ долгаго и устойчиваго слѣдованія византійско-греческимъ догмамъ и канонамъ, восполнить ихъ самостоятельно-русскимъ догматическимъ творчествомъ, явится потребность въ осознаніи православно-русской теодицеи, народится, можетъ быть, апологетика новой православной русской теократіи. Словомъ, передъ православной русской религіозностью раскроется столь желанный для нѣкоторой части русскихъ богослововъ, обличавшихъ православіе въ косности и инертности, путь догматической діалектики, теологической схоластики и можетъ быть искусственно - дедуцируемой теократіи. Но путь этотъ раскроется и, быть можетъ, уже раскрылся за счетъ умирающаго религіознаго быта. Это нужно понять со всею отвѣтственностью. Можетъ быть православное творческое вдохновенье по новому и обратитъ народныя массы, откроетъ имъ новое сознаніе вѣры, но возврата къ цѣлостному бытовому исповѣдничеству все таки не будетъ. Если такая постановка вопроса можетъ показаться слишкомъ категорической, то, хотя бы и не произошло полнаго сбыванія намѣченной метаморфозы русскаго православія, — именно возлѣ подобныхъ сомнѣній и мыслей выростаютъ въ настоящее время тревога и опасенія. Имѣя историческій примѣръ католицизма, страшно подумать, что православію могутъ грозить тѣ же роковыя судьбы. Жажда религіозной культуры, стремленіе поставить церковь и вѣру въ основаніе будущей Россіи, мало сопрягаются въ сознаніи нынѣшней интеллигенціи съ угрозой выпаденія современнаго русскаго быта изъ плеромы религіи. Лучше (м. б. и ошибаясь) говорить въ наши дни объ опасностяхъ, и съ полнымъ сознаніемъ попытаться найти дѣйствительное заданіе для воли и творчества, нежели, закрывая глаза

на правду, мечтать и ждать несбыточнаго и тѣмъ самымъ просто снимать дѣйствительно нужную проблему русскаго будущаго, которая встаетъ, какъ непреложное изысканіе новыхъ путей сближенія вспыхнувшей вѣры съ меркнущимъ бытомъ. Пока что, русская дѣйствительность въ этомъ отношеніи вызываетъ одни только опасенія.

Въ двухъ направленіяхъ идетъ религіозное разложеніе Россіи: въ направленіи, усваивающемъ примитивный воинствующій атеизмъ и нигилизмъ и въ направленіи церковно-реформистскомъ. Характерно, что носители и проповѣдники церковной революціонной реформаціи, не являясь по существу атеистами, прикрѣпляются къ совѣтской власти, явно богоборческой и кощунственной, и въ то же время большевики, со своей стороны, идутъ на компромисъ и, какъ никакъ, содѣйствуютъ христіанской православной (пусть канонически отлученной) „живой церкви [1]). Этотъ фактъ нельзя разсматривать только примитивно, исключительно, какъ угодничество со стороны церковныхъ революціонеровъ передъ властью и какъ большевистскую тактику, направленную на сѣяніе раскола и смуты. Въ этомъ „союзѣ“ есть нѣкая сложная и запутанная причинность. Кромѣ основной цѣли разрушенія идеи о Богѣ, у большевиковъ есть заданіе первѣй и неотложнѣй, и которое легче осуществить. Заключается оно въ томъ, чтобы убить и разрушить образъ Божій въ жизни, уничтожить преемственное религіозно-самобытное строительство быта, стоящее на пути осуществленія интернаціонала. Идею Бога — разрушить трудно, м. б. невозможно; но уничтожить исконное матеріально-конкретное выраженіе вѣры, убить память и памятники традиціи быта — гораздо легче. Въ эту сторону и обращены усилія совѣтской власти. И

[1]) Подъ „живой церковью“ подразумѣвается здѣсь и въ послѣдующемъ вся совокупность церковныхъ новообразованій, отколовшихся отъ Патріаршей церкви.

вотъ „живая церковь“ въ этомъ отношеніи стала на сторону гонителей православнаго быта. Объявляя новыя формы церковнаго бытія, уличая прошлый религіозно-церковный укладъ въ буржуазности, называя его „классовымъ“, и видя въ немъ элементы обще-соціальной структуры „стараго режима“, самодержавія и пр., церковные революціонеры со всей страстью стремятся вообще выйти изъ быта и пытаются схоластически и отвлеченно построить новые идеалы русскаго православія. Насколько уродлива вся революціонная дѣйствительность, настолько же ложно-затемненны и идеологическіе манифесты „живой церкви“. Но самый смыслъ и существо этихъ декларацій весьма симптоматичны. Вотъ открывки изъ резолюцій помѣстнаго собора „живой церкви“ по отношенію къ соціальной революціи: капитализмъ объявляется „смертнымъ грѣхомъ“, а борьбу съ нимъ — „священной для христіанина“... „Въ совѣтской власти соборъ видитъ мірового вождя за братство, равенство и миръ народовъ“. „Соборъ зоветъ каждаго честнаго гражданина Россіи единымъ фронтомъ, подъ водительствомъ совѣтскаго правительства, выйти на борьбу съ міровымъ зломъ соціальной неправды“. И что примѣчательнѣе всего, — „Соборъ обращаетъ вниманіе, что совѣтская власть государственными методами одна во всемъ мірѣ имѣетъ осуществить идеалы Царствія Божія“... „Поэтому каждый вѣрующій церковникъ долженъ быть не только честнымъ гражданиномъ, но и всемѣрно бороться вмѣстѣ съ совѣтской властью за осуществленіе на землѣ идеаловъ Царствія Божія“... Это ли не новая и въ то-же время старая теократическая схоластика и ирреальный раціоналистичный мессіанизмъ!

И наряду съ этими чужими, мертвыми и чуждыми для русской церкви прописными деклараціями, соборъ отмѣняетъ всю священно-іерархическую структуру, весь ритуалъ религіозно-церковнаго бытія и быта русскаго право-

славія и признаетъ возстановленіе патріаршества 1918 г. „актомъ опредѣленно политическимъ“ и „контръ-революціоннымъ“. Этимъ самымъ „живая церковь“ навсегда порываетъ съ бытомъ, съ преемственнымъ строемъ духовно-эмпирическаго бытія церкви и отдается сферѣ лжеспекуляціи, сомнительнаго умозрѣнія и абстрактной утопіи. „Живая церковь“ увидѣла въ іерархической традиціи Патріаршества соціальный пережитокъ прошлаго. Однако, отказываясь отъ свободнаго духовно-церковнаго авторитета, отъ прерогативъ независимой церковной власти и „обобществляя“ управленіе церковью — церковная революція въ то же время, внутренно провозглашаетъ принципъ утопическаго теократизма, съ небывалой для русскаго религіознаго сознанія, силой. Но реальнымъ носителемъ власти и воплотителемъ этого принципа, имѣющимъ ключи отъ царства Божія на землѣ, непогрѣшимымъ Папой „живой церкви“ — объявляется совѣтская власть! Въ этомъ фактѣ съ поразительной ясностью раскрывается вся сложная, путанная, противорѣчивая и соблазненная установка сознанія новаго революціоннаго православія: съ одной стороны разрушительный фанатизмъ, стремящійся разложить и уничтожить внѣшній образъ церкви, строй и формы бытового культа и съ другой — псевдорелигіозный, слѣпой и раціоналистическій утопизмъ, начертывающій себѣ ложные идеалы владычества, и готовый силой и насиліемъ осуществлять ихъ. Несмотря на полное сходство этой вѣры и тактики съ идеалами и методами большевизма, все таки въ фактѣ церковной революціи и въ формахъ ея проявленія есть нѣкая самостоятельная характерность и симптоматичность.

Возможно, что на путь интелектуально-догматическаго эволюціонизма „живая церковь“ была поставлена, безсознательно, конечно, нѣкоторыми реальными обстоятельствами нынѣшней русской дѣйствительности. Правда, революція, придавъ этому движенію всѣ свои органическія черты уродливости и низости, этимъ самымъ крайне за-

трудняетъ дѣйствительную оцѣнку всего происходящаго въ лонѣ русской церкви. Морально-этическій аспектъ дѣятельности „живой церкви“ не позволяетъ разглядѣть и безпристрастно уяснить себѣ — дѣйствительно духовную сущность ея, ибо, несмотря на все, какая то вѣра и хотя бы память о православной церкви у дѣятелей церковной революціи все таки есть. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать значительность самого движенія. „Живая церковь“ не есть движеніе народное, но въ то же время не только революціонно-интеллигентское. Скорѣе было бы правильнымъ оцѣнить современную религіозную смуту Россіи, какъ опороченное революціей выявленіе нѣкоторыхъ попытокъ русскаго религіознаго сознанія, утратившаго духовно-эмпирическій образъ вѣры и церкви, найти упоръ въ абстрактной религіозной идеѣ. Это слѣдуетъ понять не для того, чтобы оправдать „живую церковь“, а какъ разъ обратно, чтобы, осознавъ внутренній безсознательный стимулъ всего движенія — его-то именно и уличить и опровергнуть, ибо въ немъ кроется больше, чѣмъ моральное малодушіе и предательство; въ немъ заключена возможность ниспроверженія основного и самобытнаго устоя православія; устоя вѣры въ синтезѣ духа и быта. Не слѣдуетъ бояться углубленія проблемы „живой церкви“ изъ опасенія, что благодаря нахожденію нѣкоторыхъ внутреннихъ основаній, отчасти, оправдывается моральная сторона всего движенія. Церковная революція и какъ таковая (революція въ церкви неустранимо грѣховна), и своей связью съ коммунистическимъ правительствомъ — заклеймила сама себя и ничего кромѣ суда, осужденія и обличенія не заслуживаетъ. Но сквозь революціонно-преходящій аспектъ нынѣшнихъ церковныхъ процессовъ, обстоятельствъ и событій, проступаютъ черты, могущія впослѣдствіи глубоко запечатлѣться на ликѣ русскаго православія и исказить его.

Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы ставить точный діагнозъ настоящему и будущему; важны симптомы. Правда, въ

послѣднее время передъ ожившимъ авторитетомъ канонической іерархіи, всѣ толки реформистскаго православія рѣшительно теряютъ свое значеніе. Однако, невозможно предвидѣть какой именно слѣдъ въ будущемъ оставитъ фактъ проникновенія въ русскую церковь элемента соціалистическаго мессіанства, который, пусть въ ограниченныхъ размѣрахъ, всетаки произошелъ. Если же имѣть въ виду, съ одной стороны процессъ секуляризаціи народнаго быта и формированія новой, пока еще загадочной, но скорѣй всего атеистической русской буржуазіи и съ другой стороны, учитывать религіозно-встревоженное сознаніе современной интеллигенціи, стремящейся не столько къ исповѣдничеству, сколько къ лихорадочному и мало обоснованному, часто безопытному оживленію православной догматики и каноники, то уяснится, что въ перспективѣ на будущее, опасность есть.

Обстоятельства таковы: не имѣя достаточной базы въ быту, православію дѣйствительно придется когда нибудь раскинуть страшныя крылья догматическаго гнозиса для того, чтобы въ будущемъ держаться м. б. исключительно на нихъ, безъ адэкватнаго претворенія и выраженія религізнаго интеллекта въ образѣ быта. А это всегда влечетъ за собой соблазны утопій, внутренно искажающихъ христіанское откровеніе и переставляющихъ центры устоя и притяженія изъ реальной дѣйствительности въ призрачную безконечность. Этимъ самымъ уничтожается и истовое исповѣдничество, ибо исповѣдывать значитъ вѣдать и видѣть реальную божественность въ каждомъ образѣ и фактѣ жизни.

Христіанству не нужна исторія, какъ процессъ, какъ слѣдованіе временъ, черезъ которое должно преемственно пройти человѣчество, чтобы на путяхъ совершенствованія придти къ послѣднему историческому предѣлу.

Христіанская исторія не созрѣваетъ, не имѣетъ возрастовъ и этаповъ совершенствованія (они являются исключительнымъ достояніемъ христіанской личности); первые вѣка христіанства были самыми мудрыми;

человѣчество, получивъ откровеніе и усвоивъ его духовно-опытно и въ нормахъ философской діалектики — сразу выросло до какихъ-то положенныхъ ему предѣловъ и какъ бы мгновенно созрѣло. Можно сказать, что въ каждый данный срокъ христіанское человѣчество одновременно находится на всѣхъ доступныхъ ему ступеняхъ христіанскаго постиженія и совершенствованія.

Христіанская исторіософія не подводитъ историческій процессъ непосредственно къ эсхатологіи. Согласно Евангелію, эсхатологія начинается не послѣ синтетическаго завершенія всѣхъ возможностей исторіи, а наступаетъ неожиданно. Сроки не указаны; даны лишь катастрофическіе признаки приближенія, свидѣтельствующіе не о благомъ совершенствованіи историческаго процесса, а о какой то трагической дегенераціи его. Подобно тому, какъ воплощеніе не имѣло никакихъ видимыхъ историческихъ пріуготовленій и явилось, какъ таинственное исполненіе сроковъ, точно также и предѣлъ историческаго существованія означенъ будетъ не исчерпаніемъ или завершеніемъ всѣхъ данныхъ, заложенныхъ въ исторіи, а встанетъ неожиданно, во второмъ исполненіи временъ. Поэтому произволъ надуманнаго эсхатологическаго антропоморфизма и всѣ мечты о принудительномъ достиженіи Царства Божія на землѣ, какими бы то ни было человѣческими средствами, которыя всегда сводятся къ фанатической тираніи и насилію, являются соблазнами, посягающими на само внутреннее существо христіанской благодати и свободы [1]).

[1]) Въ глубоко-значительномъ сопряженіи находятся слова II-го посланія къ Ѳессалоникійцамъ о „неправѣдномъ обольщеніи“ о „вѣрѣ въ ложь по дѣйствію заблужденія“, которымъ предастся міръ, когда придетъ „отступленіе“ и „откроется сынъ погибели“ — съ таинственнымъ раскрытіемъ, что „тайна беззаконія уже въ дѣйствіи“. Въ послѣднихъ словахъ выражено, что конечное искушеніе человѣчества передъ наступленіемъ „Дня Христова“ зрѣетъ и становится въ нѣкоемъ процессѣ внутри міра. Такъ какъ „беззаконникъ, противящійся и превозносящійся выше всего“ будетъ явно посягать на мѣсто Божіе во Храмѣ и творить чудеса, то онъ, слѣдовательно, будетъ ложно-духовенъ, будетъ лже-духомъ. Поэтому, въ противо-

Опасность подобныхъ соблазновъ, которая уже заложена въ церковномъ коммунизмѣ „живой церкви“ — нужно напряженно и отвѣтственно понять, для того, чтобы духовно-волевымъ дѣйствованіемъ ее обличать и разрушать. Иначе вѣра въ красную теократію въ будущемъ обернется и станетъ вѣрой въ бѣлую теократію, а въ этомъ случаѣ внутренніе соблазны католицизма станутъ для православія реальной угрозой.

Въ фактѣ, что для русской церкви католическая опасность, въ глубинномъ существѣ, скрыто содержится въ наши дни въ соціалистическихъ соблазнахъ, можно усмотрѣть новое подтвержденіе давно отмѣченной близости между самоволіемъ и иллюзіонизмомъ Римской теократіи и соціалистическаго мессіанства.

Для того, чтобы еще съ большей силой понять всю опасность, въ которой находится современная русская церковь, слѣдуетъ также не упускать изъ виду тотъ тягостный процессъ утрачиванія церковнаго стиля, помраченія подлинной онтологической образности и выразительности въ религіозномъ культѣ и сознаніи, который нынѣ охватываетъ, какъ среду, даже расположенныхъ къ церкви мірянъ, такъ и значительную часть духовенства. Можно легко прослѣдить, какъ за послѣдніе два вѣка въ русскомъ православіи постепенно тускнѣла религіозно-образная память, притуплялось непосредственное чутье стиля, забывались смыслъ и символичность непреходящихъ формъ религіозной выразительности. (Это одинаково относится, какъ къ области искусства, будь то живо-

положность Христу-Слову, Духу Святу и Сыну Человѣческому, воплотившемуся въ міръ ради его спасенія, — сыну погибели, надлежитъ какъ бы воодуховится изъ грѣховной плоти и матеріи въ длительномъ процессѣ ея пневматизаціи.

Не вдаваясь въ эсхатологическія предчувствія и толкованія, можно однако установить обозначающуюся связь между постепенной потерей образности и веществennаго самоутвержденія современной культуры и усиленіемъ вѣры во лже-утопіи и новое мессіанство. Въ знаменательномъ сопряженіи находятся: процессъ развеществленія образно-эмпирическаго бытія нашей эпохи и современный пафосъ матеріалистической метафизики, которая, приписывая матеріи несвойственныя ей функціи—сознательно ее дематеріализуетъ и какъ-бы пневматизуетъ.

пись, пѣснопѣніе, или зодчество, къ догматической гносеологіи и діалектикѣ, къ религіозному идеологизму и быту). Между тѣмъ, конечно, въ религіозно-каноническомъ творчествѣ только опредѣленныя формы и средства выраженія адекватны его сути; нельзя самочинно нарушить догматику внѣшнихъ подходовъ, возможностей и пріемовъ выявленія и закрѣпленія—безъ того, чтобы не нанести существеннаго ущерба и вреда самимъ глубиннымъ основамъ боговидѣнія; и неразборчивое пренебреженіе къ этой догматикѣ безусловно свидѣтельствуетъ о расшатанной установкѣ религіознаго сознанія. Лишь незыблемый эсотерическій центръ богосозерцанія можетъ вѣрно строить всю внѣшнюю периферію міросозерцанія и можетъ наводить, какъ прожекторъ, лучи своего видѣнія на все эмпирическое окруженіе, освѣщая его и придавая ему опредѣленныя очертанія и рельефъ.

Каждое сознаніе, утвердившееся въ личномъ боговидѣніи само создаетъ для себя свой религіозный аспектъ міровидѣнія и жизневидѣнія, причемъ аспектъ этотъ всегда оказывается онтологически-объективнымъ. Но преемственная память, наслѣдственная традиція и слѣпое чутье не рѣдко замѣняютъ личный духовный искусъ и опытъ, позволяя различать, квалифицировать и понимать эмпирическія явленія жизни и вѣры, помимо духовнаго видѣнія и откровенія. Истовость и вѣрность религіозно-творческаго стиля, большею частью, оберегаются и блюдутся, именно этой памятью и чутьемъ. Утрата чуткости къ религіозной эмпиріи, конечно, сказывается и на распознаваніи духовномъ. Если бы русское духовенство и вѣрующіе міряне, въ цѣломъ, имѣли бы, какъ встарь острый глазъ и вѣрный слухъ къ своему религіозному ритуалу и эмпирическому образу своей вѣры, то, можетъ быть, они скорѣе распознали-бы, какую духовную, религіозную и идеологическую ложь имъ внушаютъ подъ видомъ коммунистическаго утопизма, а также иной разъ подъ видомъ проповѣди объ „оживленіи“ духа и традицій

церкви; тогда были бы немыслимы и столь частые въ настоящее время соблазны чужого, чаще всего католическаго ритуала, которые ведутъ, сплошь и рядомъ, къ переходу православныхъ въ католичество. Ибо въ здоровомъ религіозномъ сознаніи духовная сущность вѣры и ея внѣшняя образная выразительность — нерасторжимы и другъ друга взаимно провѣряютъ и опредѣляютъ...

Какъ будетъ возстанавливаться будущая Россія — предвидѣть трудно. Порой кажется, что это произойдетъ въ процессѣ стихійнаго, державно-національнаго самосознанія и самоутвержденія. Тутъ соблазны для церкви велики, и православіе должно найти творческія формы духовно-эмпирическаго возрожденія, не впадая въ соблазнъ воинствующаго католицизма. Возможность благого, самобытно-русскаго возрожденія православія въ силѣ и славѣ зависитъ ближайшимъ образомъ отъ того, окончательно ли погибъ, вмѣстѣ съ былымъ бытомъ и русскій даръ стихійнаго претворенія религіознаго — въ конкретно-бытовое, или же этотъ даръ только померкъ въ общемъ помраченіи русскаго духа и въ будущемъ на-ново развернется его творчество. Если новый бытъ, послѣ того какъ уляжется революціонное безуміе, вспомнитъ прошлое и найдетъ въ себѣ духовныя силы и волю для стройки благодатной преемственности образа жизни, тогда все будущее русской религіозности и православной церкви, конечно, встанетъ въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Тогда, дѣйствительно, передъ Россіей должно стать заданіе — строить подлинную религіозную культуру, какъ творческій синтезъ освященнаго быта и сознанія вѣры.

Сама исторія ставитъ нынѣ передъ русскимъ православіемъ реальную возможность — утвердить новый центръ экспансіи, стать средоточіемъ историческаго дѣйствованія и религіознаго авторитета, взамѣнъ умирающаго центра западно-католическаго, ибо эмпирическая и идеологическая спиритуализація Западной Европы какъ-бы выпариваетъ христіанство изъ со-

временнаго сознанія и жизненнаго строя, а это, рано или поздно, должно привести къ движенію христіанства на востокъ, гдѣ жизнь сохранила еще эмпирію и образность культуры. Дѣйствительно-активное вовлеченіе внѣ-христіанскаго Востока въ историческія судьбы Россіи и Европы можетъ несомнѣнно опредѣлить его христіанизацію, но для этого русское православіе должно сохранить свой восточный аспектъ бытового исповѣдничества.

Если же этого не будетъ, то придется сказать, что религіозная культура въ Россіи была, такъ какъ можно скорѣе подвести подъ понятіе религіозной культуры — слѣпой, себя не сознающій религіозный бытъ, нежели отъединенно спекулирующій религіозный интеллектъ церковныхъ верховъ, не имѣющій выраженія въ жизненномъ строѣ всего народа.

Неизвѣстно также, какъ ликвидируется и церковная смута. Быть можетъ передъ русской церковью стоитъ испытаніе новаго раскола, при чемъ нынѣ господствующее православіе будетъ отстаивать себя въ священно-обрядности культа и быта, какъ поступили старообрядцы, въ противоположность „живоцерковному“ (живецкому) толку, въ которомъ вѣра станетъ формально-сознательной функціей, не имѣющей обратимости въ реальную образность и символику жизни.

Пока что, пристально наблюдая русскіе процессы и съ тревогой замѣчая нѣкоторыя ихъ черты, слѣдуетъ, уклоняясь отъ всѣхъ искусственно-спекулятивныхъ идеологій, тѣмъ напряженнѣй создавать цѣлительное и цѣлостное міровоззрѣніе, прежде всего органически православно-русское, въ коемъ образъ вѣры отражался бы въ образности жизни; нужно ясно понимать, что въ нашъ вѣкъ, когда дѣятельность эмпирическая и реальная становится во многихъ случаяхъ безóбразной и ирреально-призрачной функціей мірового капиталистическаго и экономическаго строя, — жизнь духовная должна сугубо воплощаться въ конкретныя формы исповѣдниче-

ства, должна стать реальнымъ религіознымъ „дѣланіемъ“.

Восточничество, становящееся для Россіи единственно-плодотворной духовно-эмпирическй установкой и будучи для нея прежде всего установкой на себя, въ области религіозной — должно явиться побудителемъ къ возвращенію утрачиваемаго теозиса, того вида боговѣдѣнія, въ которомъ освящается вся эмпирія и всѣ становленія жизни.

Именно съ этой стороны, по сравненію съ тѣми формами, какія принимаетъ въ современной дѣйствительности, европейское христіанство, — теистическій и языческій Востокъ (гдѣ религіи, не имѣя полноты откровенія, дефективно ограничиваются строительствомъ культуры, но гдѣ, вслѣдствіе этого культура является въ полномъ смыслѣ слова культомъ), выступаетъ нынѣ съ особенной отчетливостью, какъ міръ религіозно-устойчивый и крѣпкій. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ сознанія, что гипертрофія матеріально-эмпирической выразительности нехристіанскихъ религій [1]), есть прежде всего слѣдствіе ихъ глубинной деффективности. Только христіанство даетъ благодать сокровеннаго и невидимаго духовнаго предстоянія и раскрываетъ даръ внутренняго покаянія и свободнаго постиженія подлинной сущности вѣры. Но въ нашу эпоху, когда враги христіанства стали слишкомъ открыто и внѣшне борствовать съ нимъ, христіанство должно изъ сферы преимущественно личнаго сокровеннаго исповѣдничества, выйти въ исповѣдничество коллективное и волевое. Однако, для того, чтобы не стать на роковые пути прошлаго, нужно, (особенно русскимъ православнымъ) реализовать свою вѣру не попытками возсозданія теократическихъ идеаловъ государства-церкви и не проповѣдью самодовлѣющей организаціи русской церков-

[1]) Даже индуизмъ ирреальный по своему философскому замыслу, породилъ самый грубый и обильный видъ религіознаго фетишизма.

ности, по чуждымъ ей католическимъ образцамъ, а прежде всего бытовымъ „восточнымъ“ исповѣдничествомъ, обрѣтеніемъ духовной потребности религіозно осознавать и запечатлѣвать всю совокупность жизненныхъ явленій и личныхъ дѣйствованій. Ибо только постоянная, упорная и навычная память о Богѣ — наводитъ сознаніе на вѣрное пониманіе богозаконности міра и всего жизненнаго процесса.

Это не проповѣдь „опрощенія“ и не зовъ къ „смиренному хожденію въ народъ“. Но, послѣ того, какъ обманули всѣ гуманитарно-абстрактные идеалы и идеи прогресса и соціально-государственнаго строительства, къ которымъ такъ страстно рвались поколѣнія той эпохи, которая нынѣ, на нашихъ глазахъ такъ трагично оборвалась,— когда-же, какъ не теперь, нужно наново обрѣсти ту вѣрную установку видѣнія, при которой современное, искаженно-тенденціозное понятіе культуры, раскроется совсѣмъ въ иномъ планѣ? Не будутъ-ли поняты — органическая ритуальность жизни и религіозное бытостроительство, какъ чеканныя образцы жизненной правды, мудрости и утонченности, могущіе, при условіи широкаго подъема религіозно-конкретнаго творчества, и въ наши дни строить, не только частную судьбу личности, но, какъ нѣкогда, и бытіе общественно-государственное?

Въ частности Россія, передъ которой стоитъ ближайшая перспектива всесторонняго возстановленія, сможетъ утвердить свои соціально-государственныя формы подлинно самобытно, только проникшись первосущностью своихъ бытовыхъ историческихъ нормъ — вѣры, права, власти и общественности. Современный европейскій націонализмъ долженъ для Россіи быть явленіемъ предостерегающимъ: считая себя антиподомъ соціалъ-интернаціонализма онъ, въ то же время, подобно своему противнику, также безпочвенъ и космополитиченъ. Національную роль, которую играютъ теперь нѣкоторыя государства Европы, опредѣляется не столько фактомъ ихъ творческаго, народно-

культурнаго расцвѣта, сколько независимымъ отъ подобнаго расцвѣта, средоточіемъ тѣхъ или иныхъ военныхъ и экономическихъ силъ. Отсюда фактъ національнаго якобы преуспѣванія нѣкоторыхъ государствъ, являющійся фактомъ международно-политическимъ, въ планѣ культурно-духовномъ — значенія не имѣетъ. Конечно, не такую роль нужно приготовлять для Россіи и не на такую судьбу даетъ ей право опытъ революціи и большевизма.

Такъ случилось, что передъ Россіей стоитъ конкретная возможность религіозно вознести и идеологически возглавить ту „революціонную реакцію" будущаго, проблески которой уже прорываются въ разныхъ странахъ Европы, но пока выше плана политическаго безсильны подняться. Но для этого нужно преодолѣть коммунизмъ не только экономически, проповѣдуя приматъ собственности, и не только политически, а прежде всего въ планѣ духовномъ и религіозномъ. Чего стоитъ современная Европа, правда отстаивающая пока свои собственническія и буржуазныя принципы передъ коммунизмомъ, но неимѣющая больше религіозной и церковной жизни, ибо всѣ силы отданы на служеніе страсти вульгарнаго имущественнаго эгоизма?..

При созерцаніи и чувствованіи судорогъ и мукъ русской революціи часто думается, что безъ вины, ни за-что, цѣлый народъ такъ страдать не можетъ. Должна быть въ прошломъ у Россіи какая-то страшная вина, грѣхъ, которые она искупаетъ. Много грѣховъ у Россіи, но м. б. самый великій грѣхъ ея въ томъ, что она сама просмотрѣла сокровища своего религіознаго быта, на основѣ котораго русская церковь и государство могли создать свою самобытную судьбу, отличную отъ судьбы Европы; — это конечно вина всенародная. Пускай русскій бытъ во многихъ отношеніяхъ былъ слѣпымъ и темнымъ, но онъ заслуживалъ вниманія и любви, потому что въ немъ раскрывался даръ русскаго б о г о в и д ѣ н і я. Это поняли большевики, когда свое б о г о б о р ч е с т в о начали осуществлять путемъ б ы т о-

борчества. Это должны осознать и всѣ намѣревающіеся строить новую Россію.

Если мыслима сама возможность воздѣйствія на стихійные сдвиги и процессы духа, если можно ставить въ этомъ отношеніи цѣли и пытаться дѣйственно повліять на судьбу народнаго сознанія и религіозной совѣсти, то передъ „обращенной" частью русской интеллигенціи, на которой нынѣ основывается православіе, должно встать реальное заданіе: за счетъ своего возбужденнаго религіознаго умозрѣнія и воображенія — пытаться возсоздать померкшее конкретно-народное исповѣдничество, искать обратныхъ путей для претворенія ожившей вѣры и религіознаго сознанія въ глубины народнаго быта. Иначе бездна между интеллигенціей и народомъ послѣ революціи останется прежней, съ тою только разницей, что въ отношеніи вѣры и безбожія положеніе обѣихъ сторонъ перемѣнится на обратное. Если будущему русскому возрожденію не удастся сомкнуть возродившееся религіозное сознаніе съ пробудившеюся жизнедѣятельностью всего народа, то послѣ-революціонная Россія окажется снова въ болѣзненномъ процессѣ раздвоенія: на этотъ разъ буржуазно-матеріалистическія массы будутъ противостоять волевой церкви и религіозности культурныхъ верховъ, а въ этомъ залогъ новаго взаимнаго непониманія и новыхъ историческихъ катастрофъ.

П. Сувчинскій

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ И СМѢШЕНІЕ ЯЗЫКОВЪ

Кромѣ наказанія за первое грѣхопаденіе человѣчества въ лицѣ Адама и Евы, Священное Писаніе упоминаетъ еще второе наказаніе за коллективное грѣхопаденіе всего человѣчества, именно — смѣшеніе языковъ, послѣдовавшее въ видѣ кары за вавилонское столпотвореніе.

„Смѣшеніе языковъ", т. е. установленіе множественности языковъ и культуръ, рисуется въ Священномъ Писаніи именно какъ кара, какъ проклятіе Божіе, аналогичное проклятію „труда въ потѣ лица", наложенному въ свое время на человѣчество въ лицѣ Адама. И то и другое проклятіе выражается въ установленіи естественнаго закона, противъ котораго человѣчество безсильно. Физіологическая природа человѣка и всего окружающаго міра устроена такъ, что добыча пропитанія связана съ затратой физическаго труда. Законы эволюціи народовъ устроены такъ, что неминуемо влекутъ за собой возникновеніе и сохраненіе національныхъ отличій въ области языка и культуры. Сколько бы человѣкъ ни изобрѣталъ машинъ, чтобы уменьшить примѣненіе своего физическаго труда, совсѣмъ упразднить этотъ трудъ никогда не удастся. И сколько бы люди ни стремились противоборствовать факту множественности національныхъ различій, эти раз-

личія всегда будутъ существовать. Но, мало того, физическій трудъ настолько связанъ съ нормальнымъ функціонированіемъ человѣческаго организма, что полное его отсутствіе вредно для здоровія, и что люди, не обязанные физически трудиться для добыванія хлѣба насущнаго, принуждены искусственно замѣнять цѣлесообразный ручной трудъ гимнастикой, спортомъ, моціономъ для поддержанія здоровья. Точно также, діалектическое дробленіе языка и культуры настолько органически связано съ самой сущностью соціальнаго организма, что попытка уничтожить національное многообразіе привела бы къ культурному оскудѣнію и гибели.

Самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ, трудъ никогда не бываетъ пріятенъ. Пріятными бываютъ только сопутствующіе труду чувства и настроенія, сознаніе своей силы и ловкости, интересъ къ непосредственному результату работы, чувство соревнованія, предвкушеніе отдыха и т. д. Чѣмъ меньше этихъ привходящихъ чувствъ и настроеній, тѣмъ яснѣе выступаетъ подлинная природа труда, какъ страданія. Извѣстно, что тамъ, гдѣ трудъ надо превратить въ наказаніе, его стараются прежде всего лишить всего, что могло бы его скрасить и скрыть отъ трудящагося подлинную природу труда, — каторга есть трудъ въ чистомъ видѣ. Въ видѣ особой милости Богъ даруетъ отдѣльнымъ людямъ физическую силу или преуспѣваніе въ работѣ. Но и эти Божіе дары скрашиваютъ трудъ лишь въ томъ случаѣ, если трудящійся сознаетъ ихъ какъ дары и радуется имъ, самый же трудъ остается трудомъ, т. е. страданіемъ.

Итакъ трудъ самъ по себѣ есть всегда страданіе, и законъ необходимости труда остается какъ вѣчное проклятіе, кара Божія за грѣхопаденіе человѣка. Наоборотъ законъ діалектическаго дробленія и неизбѣжной множественности національныхъ культуръ самъ по себѣ ни съ какимъ страданіемъ не связанъ. Этотъ законъ служитъ препятствіемъ для осуществленія многихъ человѣческихъ на-

мѣреній и „идеаловъ", влечетъ за собой часто войны, національную вражду, притѣсненія однихъ народовъ другими, но самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ не связанъ съ страданіемъ. И это отличіе закона дробленія и множественности національныхъ культуръ отъ закона обязательности физическаго труда стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ то время какъ послѣдній есть просто кара, наложенная на человѣчество за его первое грѣхопаденіе, законъ дробленія по Библіи есть не столько кара, сколько отвѣтъ Бога на столпотвореніе вавилонское, божественное установленіе, имѣющее цѣль предотвратить и въ будущемъ попытки, аналогичныя постройкѣ вавилонской башни.

Совершенно отвлекаясь отъ вопроса объ исторической подкладкѣ библейскаго повѣствованія о вавилонскомъ столпотвореніи, слѣдуетъ признать за этимъ повѣствованіемъ глубокій внутренній смыслъ. Въ этомъ повѣствованіи Священное Писаніе рисуетъ намъ человѣчество, говорящее на одномъ языкѣ, т. е. лингвистически и культурно вполнѣ однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловѣческая, лишенная всякаго индивидуальнаго, національнаго признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадномъ развитіи науки и техники (на что указываетъ самая возможность замысла стройки!) полная духовная безсодержательность и нравственное одичаніе. А вслѣдствіе этихъ свойствъ культуры — непомѣрное развитіе самодовольства и гордыни, воплощеніемъ чего является безбожный и въ то же время безсмысленный замыселъ постройки вавилонской башни. Вавилонская башня — чудо техники, но не только безъ религіознаго содержанія, а съ прямымъ антирелигіознымъ, кощунственнымъ назначеніемъ. И Богъ, желая воспрепятствовать осуществленію этого замысла и положить предѣлъ кощунственному самопревознесенію человѣчества, смѣшиваетъ языки, т. е. устанавливаетъ на вѣчныя времена законъ національнаго дробленія и множественности національныхъ языковъ и культуръ. Въ этомъ актѣ боже-

ственнаго Промысла заключается съ одной стороны признаніе того, что безбожная самопревозносящаяся техника, ярко выразившаяся въ замыслѣ постройки вавилонской башни, есть не случайное, а неизбѣжное и естественное слѣдствіе самаго факта единообразной, національно-недифференцированной общечеловѣческой культуры, съ другой стороны — указаніе на то, что только національно ограниченныя культуры могутъ быть свободными отъ духа пустой человѣческой гордыни и вести человѣчество по путямъ угоднымъ Богу.

Внутренняя связь между столпотворенчествомъ и понятіемъ однородной общечеловѣческой культуры ясна. Всякая культура есть исторически непрерывно мѣняющійся продуктъ коллективнаго творчества прошлыхъ и современныхъ поколѣній данной соціальной среды, при чемъ каждая отдѣльная культурная цѣнность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе опредѣленныхъ (матеріальныхъ или духовныхъ) потребностей всего даннаго соціальнаго цѣлаго или входящихъ въ его составъ индивидовъ. Поэтому всякая культура производитъ въ предѣлахъ даннаго соціальнаго цѣлаго нивеллировку индивидульныхъ различій его членовъ. Въ культурныхъ цѣнностяхъ, получающихъ признаніе, стушевываются отпечатки слишкомъ индивидуальныхъ чертъ ихъ творцовъ и слишкомъ индивидуальный тонъ потребностей и вкусовъ отдѣльныхъ членовъ даннаго соціально-культурнаго организма. Происходитъ это естественнымъ образомъ, въ силу взаимной нейтрализаціи полярныхъ, т. е. максимально противуположныхъ индивидуальныхъ различій. Въ результатѣ, на всей культурѣ лежитъ отпечатокъ нѣкотораго средняго для членовъ данной соціальной среды психическаго типа. Чѣмъ больше индивидуальныя различія членовъ соціально-культурнаго цѣлаго, тѣмъ расплывчатѣй и неопредѣленнѣе, „безличнѣе“ средній типъ, воплощающійся въ культурѣ. Если представить себѣ культуру, творцомъ и носителемъ которой является все человѣчество, то ясно, что безличность и

расплывчатость въ такой культурѣ должны быть максимальны. Въ этой культурѣ должны воплощаться лишь тѣ психическіе элементы, которые общи всѣмъ людямъ. Вкусы и убѣжденія у всѣхъ людей различны, индивидуальныя колебанія въ этой области чрезвычайно сильны, — но логика у всѣхъ одна и матеріальныя потребности въ питаніи, экономіи труда и т. д. тоже у всѣхъ болѣе или менѣе одинаковы. Поэтому ясно, что въ однородной общечеловѣческой культурѣ логика, раціоналистическая наука и матеріальная техника всегда будутъ преобладать надъ религіей, этикой и эстетикой, что въ этой культурѣ интенсивное научно-техническое развитіе неизбѣжно будетъ связано съ духовно-нравственнымъ одичаніемъ. Необлагороженная духовнымъ углубленіемъ логика и матеріальная техника, „высушивая“ духовно-одичавшаго человѣка, въ то же время не только не облегчаютъ, но затрудняютъ ему путь къ истинному самопознанію и укрѣпляютъ въ немъ гордыню. И такимъ образомъ однородная общечеловѣческая культура неизбѣжно становится безбожной, богоборческой, столпотворенческой.

Напротивъ, въ культурѣ національно-ограниченной всему тому, въ чемъ проявляются интимныя духовныя потребности и предрасположенія, эстетическіе вкусы, нравственныя стремленія, словомъ весь своеобразный моральный и духовный обликъ даннаго народа, отводится почетное мѣсто. Вся духовная часть такой культуры, проникнутая своеобразной національной психикой интимно и органически близка ея носителямъ. Воплощеніе въ культурѣ духовнаго облика и духовнаго опыта похожихъ и родственныхъ натуръ облегчаетъ отдѣльнымъ членамъ даннаго національнаго организма работу личнаго самопознанія [1]). И поэтому именно только въ предѣлахъ такой культуры могутъ возникать морально-положительныя, духовно-возвышающія человѣка цѣнности.

[1]) См. нашу статью „Объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ“ въ сборникѣ „Исходъ къ Востоку“.

Понимая положительныя стороны національной культуры, слѣдуетъ, однако, отнестись отрицательно къ національному дробленію, переходящему за извѣстный органическій предѣлъ. Нужно всячески подчеркнуть, что національное дробленіе отнюдь не равнозначно анархическому распыленію національно-культурныхъ силъ, что дробленіе, въ данномъ случаѣ, не есть безпредѣльное измельчаніе. Что это именно такъ, особенно живо чувствуется, при разсмотрѣніи тѣневыхъ сторонъ національнаго дробленія.

Законъ многообразія національныхъ культуръ ограничиваетъ человѣка: человѣческое мышленіе оказывается ограниченнымъ не только особой природой самого мышленія, неспособностью выхода изъ пространства, времени и „категорій", неспособностью преодолѣть вполнѣ шоры чувственнаго опыта, но и тѣмъ, что всякій человѣкъ способенъ вполнѣ воспринять только созданія той культуры, къ которой самъ принадлежитъ, или культуръ ближайшихъ къ этой культурѣ (что сказывается съ особою силой, когда дробленіе культуръ перерождается въ измельчаніе ихъ). Благодаря закону многообразія національныхъ культуръ, общенія между представителями разныхъ народовъ затрудняется, а при извѣстной степени различія между культурами даже становится совсѣмъ невозможнымъ. Но наряду съ этими отрицательными послѣдствіями законъ многообразія національныхъ культуръ — поскольку національно-культурное дробленіе не переходитъ извѣстнаго органически-необходимаго предѣла — имѣетъ для человѣчества и благотворныя, положительныя послѣдствія, ибо, какъ явствуетъ изъ предидущаго, только благодаря ему становится возможнымъ возникновеніе у разныхъ народовъ культурныхъ цѣнностей морально-положительныхъ и духовно-возвышающихъ человѣка. Сознавая это, люди должны мириться съ отрицательными послѣдствіями этого закона и безропотно и сознательно переносить свою національную ограниченность.

Если стремленіе людей облегчить себѣ физическій трудъ и уменьшить примѣненіе человѣческаго труда не заключаетъ въ себѣ ничего по существу грѣховнаго и является вполнѣ естественнымъ, то стремленіе къ уничтоженію многообразія національныхъ культуръ, къ созданію единой общечеловѣческой культуры практически всегда грѣховно. Оно ведетъ къ установленію того состоянія человѣчества, которое Священное Писаніе изображаетъ какъ непосредственно предшествовавшее вавилонскому столпотворенію, и это состояніе неминуемо должно привести лишь къ новой попыткѣ постройки вавилонской башни. Всякій интернаціоналъ не случайно, а по существу безбоженъ, антирелигіозенъ и полонъ духомъ человѣческой гордыни.

Въ этомъ главный и основной грѣхъ современной европейской цивилизаціи. Она стремится во всемъ мірѣ нивеллировать и упразднить всѣ индивидуальныя національныя различія, ввести повсюду единообразныя формы быта, общественно-государственнаго устройства и одинаковыя понятія. Ломая своеобразные духовные устои жизни и культуры каждаго отдѣльнаго народа, она не замѣняетъ и не можетъ замѣнить ихъ никакими другими духовными устоями и насаждаетъ только внѣшнія формы быта, покоящіяся лишь на матеріально-утилитарныхъ или раціоналистическихъ основаніяхъ. Благодаря этому, европейская цивилизація производитъ небывалое опустошеніе въ душахъ европеизированныхъ народовъ, дѣлая ихъ въ отношеніи духовнаго творчества безплодными, въ отношеніи нравственномъ—безразличными или одичавшими. Въ то же время, непомѣрное пробужденіе жадности къ земнымъ благамъ и грѣховной гордыни являются вѣрными спутниками этой цивилизаціи. Она съ неминуемой послѣдовательностью идетъ къ новому вавилонскому столпотворенію. Съ того момента, какъ романогерманская культура начала стремиться стать общечеловѣческой цивилизаціей, матеріальная техника, чисто-раціоналистическая наука и

эгоистически-утилитарное міровоззрѣніе получили въ ней рѣшительный перевѣсъ надъ всѣмъ остальнымъ, и такое соотношеніе элементовъ культуры съ теченіемъ времени только увеличивается. Да ничего другого и не можетъ быть: японецъ и нѣмецъ могутъ сойтись только на логикѣ, техникѣ и матеріальномъ интересѣ, а благодаря этому всѣ прочіе элементы и движущія пружины культуры постепенно должны атрофироваться. Но ошибочно думать будто благодаря этой нивеллизаціи культуръ, достигаемой простымъ упраздненіемъ духовной стороны ихъ, упраздняются перегородки и облегчается общеніе между людьми. „Братство народовъ", купленное цѣной духовнаго обезличенія всѣхъ народовъ — гнусный подлогъ. Никакое братство и не осуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистическіе матеріальные интересы, когда техника сама собой вноситъ мотивъ международной конкуренціи и милитаризма, а самая идея интернаціональной цивилизаціи, порождаетъ замыслы имперіализма и мірового господства. Упраздненіе или низведеніе на второстепенное мѣсто духовной стороны культуры ведетъ только къ моральному одичанію людей и развитію личныхъ эгоизмовъ, что не только не упраздняетъ, но наоборотъ увеличиваетъ трудности общенія между людьми и углубляетъ вражду между отдѣльными соціальными группами, даже въ предѣлахъ одного и того же народа. Все это — неизбѣжныя слѣдствія стремленія къ интернаціональной, общечеловѣческой цивилизаціи, и эти слѣдствія явно доказываютъ, что само стремленіе это богопротивно и грѣховно.

Многообразіе національныхъ культуръ и языковъ есть слѣдствіе закона дробленія. Дѣйствіе этого закона яснѣе всего выступаетъ въ области языка. Каждый языкъ распадается на нарѣчія, нарѣчія — на говоры, говоры — на подговоры и т. д... При этомъ каждый говоръ, кромѣ чертъ, свойственныхъ ему одному, имѣетъ нѣкоторыя черты, общихъ всѣмъ говорамъ того же нарѣчія и кромѣ чертъ, объединяющія его съ однимъ изъ сосѣднихъ

говоровъ, другія черты, общія съ другимъ сосѣднимъ говоромъ и т. д... Между сосѣдними нарѣчіями имѣются переходные говоры, соединяющіе въ себѣ черты того и другого нарѣчія. Такимъ образомъ, языкъ есть непрерывная цѣпь говоровъ, постепенно и незамѣтно переходящихъ одинъ въ другой. Языки въ свою очередь объединяются другъ съ другомъ въ „семейства", внутри которыхъ можно различать „вѣтви", „подвѣтви" и т. д... Въ предѣлахъ каждой такой единицы дѣленія, отдѣльные языки располагаются такъ же какъ говоры въ предѣлахъ языка, т. е. каждый языкъ данной вѣтви, кромѣ чертъ характерныхъ для него одного и чертъ характерныхъ для всей вѣтви, имѣетъ и черты, сближающія его спеціально съ однимъ изъ другихъ языковъ этой вѣтви, другія черты, сближающія его съ другимъ языкомъ той же вѣтви и т. д., при чемъ очень часто между родственными языками существуютъ переходные говоры. Такъ же, какъ языки въ предѣлахъ вѣтви, относятся другъ къ другу и отдѣльныя вѣтви въ предѣлахъ семейства. Между понятіями „вѣтвь", „языкъ", „нарѣчіе", „говоръ" принципіальнаго различія не существуетъ. Когда всѣ единицы дѣленія даннаго языковаго цѣлаго настолько близки другъ къ другу, что носители ихъ понимаютъ другъ друга свободно, не прибѣгая къ помощи переводчика, эти единицы называютъ говорами, ихъ группы — нарѣчіями и самое языковое цѣлое (т. е. ихъ совокупность) — языкомъ. Но когда представители отдѣльныхъ говоровъ перестаютъ свободно понимать другъ друга, говоры переименовываются въ языки, ихъ группы становятся вѣтвями, а совокупность вѣтвей — семействомъ. Поэтому, часто возможны споры о томъ, является ли данная единица дѣленія языкомъ или нарѣчіемъ, а такъ же споры о томъ, къ какому изъ двухъ сосѣднихъ родственныхъ языковъ относится данная группа пограничныхъ, переходныхъ говоровъ, при чемъ одними средствами лингвистической науки эти споры, большею частью, разрѣшены быть не могутъ. — Такъ складыва-

ются отношенія языковыхъ единицъ, объединяющихся генетически, т. е. восходящихъ исторически къ діалектамъ нѣкогда единаго „праязыка“ данной генетической группы (семейства, вѣтви, подвѣтви и т. д.). Но кромѣ такой генетической группировки, географически сосѣдящіе другъ съ другомъ языки часто группируются и независимо отъ своего происхожденія. Случается, что нѣсколько языковъ одной и той же географической и культурноисторической области обнаруживаютъ черты спеціальнаго сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общимъ происхожденіемъ, а только продолжительнымъ сосѣдствомъ и параллельнымъ развитіемъ. Для такихъ группъ, основанныхъ не на генетическомъ принципѣ, мы предлагаемъ названіе „языковыхъ союзовъ“ [1]). Такіе „языковые союзы“ существуютъ не только между отдѣльными языками, но и между языковыми семействами, т. е. случается, что нѣсколько семействъ генетически другъ съ другомъ не родственныхъ, но распространенныхъ въ одной географической и культурноисторической зонѣ, цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ объединяются въ „союзъ языковыхъ семействъ“. Такъ, семейства угрофиннско-самоѣдское (иначе „уральское“), тюркское, монгольское и манджурское цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ объединяются въ одинъ „союзъ урало-алтайскихъ языковыхъ семействъ“, несмотря на то, что генетическое родство между всѣми этими семействами современная наука отрицаетъ. Дѣленіе существительныхъ на грамматическіе роды и способность корня при образованіи формъ измѣнять, вставлять и выбрасывать корневую гласную (соберу—собрать—собирать—соборъ) объединяютъ семейства индоевропейское, семитическое, хамитиче-

[1]) Яркимъ примѣромъ „языковаго союза“ въ Европѣ являются балканскіе языки, — болгарскій, румынскій, албанскій и новогреческій: принадлежа къ совершенно разнымъ вѣтвямъ индоевропейской семьи, они, тѣмъ не менѣе, объединяются другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ общихъ чертъ и детальныхъ совпаденій въ области грамматическаго строенія.

ское и сѣверокавказское въ „союзъ средеземноморскихъ языковыхъ семействъ", къ которому, вѣроятно, принадлежали и нѣкоторые вымершіе языки бассейна Средиземнаго моря. Такіе „союзы" генетически повидимому другъ съ другомъ неродственныхъ лингвистическихъ семействъ имѣются по всему земному шару. При этомъ часто бываетъ, что одно и то же семейство или одиноко стоящій языкъ принадлежитъ сразу къ двумъ союзамъ или колеблется между двумя сосѣдними союзами, играя, такимъ образомъ, ту же роль. что переходные говоры въ генетической классификаціи [1]). — Такимъ образомъ, принимая во вниманіе объ возможныя группировки языковъ, генетическую (по семействамъ) и негенетическую (по союзамъ), можно сказать, что всѣ языки земного шара представляютъ нѣкоторую непрерывную сѣть взаимно переходящихъ другъ въ друга звеньевъ, какъ бы радужную. И именно въ силу непрерывности этой языковой радужной сѣти и въ силу постепенности переходовъ отъ одного ея сегмента къ другому, общая система языковъ земного шара при всемъ своемъ пестромъ многообразіи представляетъ все же нѣкоторое, правда только умопостигаемое, единое цѣлое. Такимъ образомъ, въ области языка дѣйствіе закона дробленія приводитъ не къ анархическому распыленію, а къ стройной гармоничной системѣ, въ которой всякая часть, вплоть до мельчайшихъ, сохраняетъ свою яркую неповторяемую индивидуальность, и единство цѣлаго достигается не обезличеніемъ частей, а непрерывностью самой радужной языковой сѣти.

---

[1]) Такъ, индоевропейское семейство, принадлежа вобщемъ къ союзу средиземноморскому, въ нѣкоторыхъ пунктахъ (напр. въ отсутствіи префиксовъ) сближается съ союзомъ уралоалтайскимъ и, въ частности, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ представляетъ разительное сходство съ языками уральскими (угрофиннско-самоѣдскими). Одиноко стоящіе языки восточной Сибири (енисейскоостяцкій, гиляцкій, юкагирскій и т. наз. камчатскіе, т. е. камчадальскій, чукоцкій и коряцкій), являются какъ бы переходнымъ звеномъ между уралоалтайскимъ и сѣвероамериканскимъ (эскимосскоалеутскимъ) союзами и т. д.

Распредѣленіе и взаимное соотношеніе культуръ не совпадаетъ съ группировкой языковъ. Носители языковъ не только одного и того же семейства, но одной и той же вѣтви могутъ принадлежать къ разнымъ типамъ культуръ: примѣромъ, иллюстрирующимъ это положеніе, является народъ венгерскій (или мадярскій); ближайшими родичами мадярскаго языка являются языки вогульскій и остяцкій (въ сѣверозападной Сибири), между тѣмъ культура венгровъ и культура вогульско-остяцкая не имѣютъ между собой рѣшительно ничего общаго. — И все же распредѣленіе и взаимныя соотношенія культуръ основаны вобщемъ на тѣхъ же принципахъ, что и соотношенія языковъ, съ тою лишь разницей, что то, что въ культурѣ соотвѣтствуетъ „семействамъ", имѣетъ гораздо меньше значенія, чѣмъ то, что соотвѣтствуетъ „союзамъ". Культуры отдѣльныхъ сосѣднихъ другъ съ другомъ народовъ представляютъ всегда цѣлый рядъ чертъ сходныхъ между собой. Благодаря этому среди этихъ культуръ обозначаются извѣстныя культурноисторическія „зоны", напр. въ Азіи зона мусульманской, индостанской, китайской, тихоокеанской, степной, арктической и т. д. культуръ. Границы всѣхъ этихъ зонъ взаимно перекрещиваются, такъ что образуются культуры смѣшаннаго или переходнаго типа. Отдѣльные народы и части народовъ спеціализируютъ данный культурный типъ, внося въ него свои специфическія индивидуальныя особенности. Въ результатѣ получается та же радужная сѣть, единая и гармоничная въ силу своей непрерывности и въ то же время безконечно-многообразная въ силу своей дифференцированности.

Таковы результаты дѣйствія закона дробленія. При кажущейся анархической пестротѣ отдѣльныя національныя культуры, сохраняя каждая свое неповторяемое индивидуальное своеобразіе, представляютъ въ своей совокупности нѣкоторое непрерывное гармоническое единство цѣлаго. Ихъ нельзя синтезировать, отвлекаясь отъ ихъ

индивидуальнаго своеобразія, ибо именно въ сосуществованіи этихъ ярко-индивидуальныхъ культурноисторическихъ единицъ и заключается основаніе единства цѣлаго. Какъ все естественное, природное, вытекающее изъ Богомъ установленныхъ законовъ жизни и развитія, эта картина величественна въ своей непостижимой и необъятной сложности и вмѣстѣ съ тѣмъ сложной гармоничности. И попытка человѣческими руками разрушить ее, замѣнить естественное органическое единство живыхъ ярко-индивидуальныхъ культуръ механическимъ единствомъ безличной общечеловѣческой культуры, не оставляющей мѣста проявленіямъ индивидуальности и убогой въ своей абстрактной отвлеченности, — явно противуестественна, богопротивна и кощунственна.

Противъ такого рѣзкаго и безусловнаго осужденія попытокъ культурнаго объединенія человѣчества и созданія однородной общечеловѣческой культуры, какъ попытокъ богопротивныхъ, какъ будто говоритъ фактъ общечеловѣческой значимости христіанства.

Для тѣхъ, кто въ христіанствѣ видитъ лишь одну изъ многихъ религій земного шара, продуктъ опредѣленныхъ историкокультурныхъ условій, проблема эта, конечно, вовсе и не ставится. При такомъ взглядѣ христіанство какъ продуктъ опредѣленной культуры, тѣмъ самымъ ставится на одну доску съ другими продуктами опредѣленныхъ культуръ и вводится какъ элементъ въ общую схему многообразныхъ культурныхъ проявленій человѣчества. Никакой общечеловѣческой значительности за нимъ, въ такомъ случаѣ, признавать нельзя.

Но для тѣхъ, кто въ Христѣ признаетъ пришедшаго во плоти Сына Божія и въ христіанствѣ единственную истинную религію, слова Христа „шедше научите вся языки, крестяще я во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19) являются какъ бы опроверженіемъ того положенія, будто культурное объединеніе человѣчества есть дѣло богопротивное. Однако, противорѣчіе здѣсь

на самомъ дѣлѣ мнимое. Вѣдь признавая христіанство абсолютной истиной, покоющейся на божественномъ откровеніи и преподанной людямъ при помощи непосредственнаго вмѣшательства Бога въ историческій процесъ, мы тѣмъ самымъ уже отказываемся отъ взгляда на христіанство какъ на продуктъ и какъ на элементъ опредѣленной культуры. Проповѣдь христіанства не есть введеніе въ культуру какого то новаго элемента культуры. Въ противуположность юдаизму, связанному съ опредѣленной расой, мусульманству, связанному съ опредѣленной культурой, и буддизму, въ принципѣ враждебному, всякому культурному дѣланью, — христіанство выше расъ и культуръ, но не упраздняетъ ни многообразія ни своеобразія расъ и культуръ. Принятіе христіанства влечетъ за собой отказъ отъ цѣлаго ряда элементовъ національной языческой культуры и преобразованіе этой послѣдней. Но конкретныя формы этого преобразованія могутъ быть очень различны въ зависимости отъ той культурноисторической почвы, на которую христіанство попадаетъ, и единообразіе въ этой области не только не обязательно, но и невозможно. Христіанство есть „закваска", которая можетъ быть положена въ самые различные виды тѣста, и результатъ „броженія" будетъ совершенно различенъ въ зависимости отъ состава тѣста. А потому, та радужно-многообразная сѣть неповторяемо-индивидуальныхъ національныхъ культуръ земного шара, о которой мы говорили выше, должна была бы сохранить свою конструкцію даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ народы міра восприняли христіанство.

Никакой нивеллировки національно-культурныхъ различій, никакого созданія однородной общечеловѣческой культуры христіанство не требуетъ. Христіанство, какъ установленіе божественное, неизмѣнно. Въ историческомъ процессѣ христіанскіе догматы не измѣняются, а только раскрываются. Культура же есть по существу дѣло рукъ человѣческихъ. Она подлежитъ историческимъ измѣне-

ніямъ, законамъ эволюціи и прежде всего закону дробленія. Единая христіанская культура есть contradictio in adjecto. Христіанскихъ культуръ не только можетъ но и должно быть нѣсколько. Каждый народъ, воспринявшій христіанство долженъ преобразовать с в о ю культуру такъ, чтобы ея элементы не противорѣчили христіанству и такъ, чтобы въ этой культурѣ вѣялъ не одинъ національный, но и христіанскій духъ. И, такимъ образомъ, христіанство не упраздняетъ своеобразнаго національнаго культурнаго творчества, а, наоборотъ, стимулируетъ это творчество, давая ему новыя заданія. Всѣмъ христіанскимъ народамъ дано заданіе согласовать культуру съ догматами, этикой и канонами истинной Христовой Церкви, создать храмы, формы богослуженія и принадлежности его, способныя вызывать въ молящихся представителяхъ даннаго народа опредѣленныя христіанскія настроенія, — и каждый народъ не только можетъ, но и долженъ разрѣшать эти заданія по своему, для того чтобы христіанство оказалось воспринятымъ органически и интимно слилось съ данной національной психикой.

Разумѣется, это нисколько не исключаетъ вліянія одной христіанской культуры на другую. Такія вліянія наблюдаются и между культурами нехристіанскими; вліянія эти связаны съ самымъ существомъ развитія культуръ и при естественномъ ходѣ этого развитія нисколько не ведутъ къ нивеллировкѣ національныхъ различій. Важно только, чтобы вліяніе одной культуры на другую не было подавляющимъ, чтобы культурныя заимствованія органически перерабатывались, и чтобы изъ своихъ и чужихъ элементовъ создавалось новое единое цѣлое, плотно пригнанное къ своеобразной національной психикѣ даннаго народа. Церковь Христова едина. Единство ея предполагаетъ живое общеніе между отдѣльными помѣстными церквами. Но это общеніе возможно и безъ культурнаго единства. Единство Церкви выражается въ общности Священнаго Писанія, Священнаго Преданія, догматовъ и каноновъ, но

вовсе не въ тѣхъ конкретныхъ бытовыхъ, художественныхъ и правовыхъ формахъ, которыми догматы, каноны, преданія и писанія приспособляются къ жизни каждаго даннаго народа. Попытки зафиксировать эти формы, и уничтожить въ этой области различія между народами, принадлежащими къ одной Церкви, но не совсѣмъ къ одной и той же культурѣ, основаны на суевѣріи и обрядовѣріи и не ведутъ къ добру. Мы, русскіе, жестоко пострадали отъ подобной попытки, предпринятой при патріархѣ Никонѣ и приведшей въ области церковной — къ расколу, а въ области житейской — къ тому ослабленію сопротивляемости русскаго культурно-національнаго организма, которое подготовило петровскій разгромъ.

Итакъ, для христіанина христіанство не связано съ какой нибудь одной опредѣленной культурой, Оно не есть элементъ опредѣленной культуры, а ферментъ, привносимый въ самыя разнообразныя культуры. Культура Абессиніи и культура средневѣковой Европы совершенно непохожи другъ на друга, несмотря на то, что обѣ онѣ христіанскія.

Если мы всмотримся въ исторію распространенія христіанства, то убѣдимся въ томъ, что распространеніе это шло успѣшно именно тамъ, гдѣ христіанство воспринималось какъ ферментъ, а не какъ элементъ, уже готовой иностранной культуры. Органически и плодотворно воспринятымъ, привившимся оказывалось христіанство лишь тамъ, гдѣ оно переработало національную культуру не упразднивъ ея своеобразія. И наоборотъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ распространенія христіанства всегда было ошибочное отожествленіе христіанства съ какой нибудь опредѣленной, для даннаго народа иностранной культурой.

Если во многихъ случаяхъ непріятіе даннымъ народомъ христіанства имѣло и имѣетъ свои глубокія, быть можетъ мистически-провиденціальныя причины, то въ цѣломъ рядѣ случаевъ, быть можетъ даже въ большинствѣ,

причина лежитъ въ томъ, что миссіонеры распространяли не христіанство какъ таковое, а опредѣленную христіанскую культуру. Этимъ грѣшили и православные миссіонеры: ни для кого не тайна, что зачастую миссіонерство внутри Россіи было орудіемъ руссификаціи, а за предѣлами Россіи — орудіемъ распространенія русскаго политическаго вліянія. Но въ еще большей мѣрѣ это относится къ миссіонерству неправославному, — католическому, протестантскому, англиканскому. Романогерманскіе миссіонеры сами на себя смотрятъ прежде всего какъ на культуртрегеровъ. Вся ихъ миссіонерская дѣятельность связана съ „сферами вліянія", съ колонизаціей, европеизаціей, цивилизаціей, съ концессіями, факторіями, плантаціями и т. п. Миссіонеры являются не посланными отъ Бога проповѣдниками богооткровенныхъ истинъ, а агентами колоніальной политики или представителями „интересовъ" той или иной державы. Проповѣдуя не христіанство, а католичество, протестантизмъ или англиканство, т. е. тѣ виды уклоненія отъ христіанства, которые укоренились въ условіяхъ романогерманской культуры и тѣсно связаны съ ней, миссіонеры фактически, проповѣдуютъ просто саму эту культуру. Успѣхъ ихъ проповѣди естественно ставится въ зависимость отъ степени способности даннаго народа „пріобщиться къ европейской цивилизаціи". А такъ какъ въ этой цивилизаціи христіанство давно уже отодвинуто на задній планъ и заглушено столпотворенческими тенденціями, то естественно, что новообращенные „туземцы", воспринимающіе христіанство въ перспективѣ европейской цивилизаціи и какъ элементъ при томъ, совсѣмъ не самый важный этой цивилизаціи, оказываются очень плохими и, во всякомъ случаѣ, творчески совершенно безплодными христіанами. При такомъ способѣ миссіонерства обращаются въ христіанство не цѣлые народы, способные органически переработать свою національную культуру въ христіанскомъ духѣ, а лишь отдѣльные индивидуумы, которые самимъ фактомъ своего

обращенія отсѣкаются отъ родного національно-культурнаго ствола и становятся агентами-сотрудниками при проведеніи экономическихъ и политическихъ замысловъ иностранной державы.

Такимъ образомъ, заповѣдь Христа научить всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святого Духа по существу остается невыполненной. И невыполнена она въ значительной мѣрѣ именно потому, что миссіонерство было обращено въ орудіе европеизаціи, въ средство къ установленію однородной общечеловѣческой культуры, богопротивную сущность котораго мы постарались раскрыть въ предшествующемъ изложеніи.

Стремленіе къ нивеллировкѣ національныхъ различій не можетъ оправдываться ссылками на необходимость христіанскаго миссіонерства, ибо, какъ разъ наоборотъ, это миссіонерство оказывается безплоднымъ и неудачнымъ именно благодаря своему союзу съ нивеллирующимъ культуртрегерствомъ, по существу анти-христіанскимъ.

кн. Н. С. Трубецкой

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ РОССІИ

Боязливость есть удѣлъ слабыхъ. Хозяйственную Россію, въ осуществленномъ ею въ теченіе вѣковъ и продолжающемся донынѣ величайшемъ, въ человѣческихъ масштабахъ, колонизаціонно-сельскохозяйственномъ дѣлѣ заселенія и освоенія восточно-европейскихъ и азіатскихъ пространствъ, но также и въ ея промышленныхъ достиженіяхъ: Россіи XVIII-го вѣка и послѣднихъ предвоенныхъ десятилѣтій, — эту Россію, хозяйственную Россію мы, евразійцы, *слабой* признать не можемъ. Въ своемъ историческомъ существованіи Россія, давняя и недавняя, Русь малая и великая, въ каждую эпоху и въ каждомъ мѣстѣ по своему — проявляла, въ области хозяйственной, творчество и мощь. Утвержденіе это не устраняетъ признанія, что все таки хозяйственная дѣйствительность Россіи не сояла и не стоитъ на уровнѣ естественныхъ ея рессурсовъ — шестой части земной суши; это положеніе въ особенности правильно въ отношеніи къ настоящему времени, въ обстановкѣ *коммунистическаго* разоренія Россіи. И вотъ, въ обдумываніи возможныхъ путей и средствъ къ преодолѣнію этого раззоренія и къ хозяйственному подъему Россіи, пониманіе историческихъ судебъ и хозяйственной природы Россіи указываетъ — не бояться участія въ этомъ преодолѣніи и подъемѣ

иностранныхъ хозяйственныхъ силъ. Нужно всячески подчеркнуть, что частично-хозяйственная „европеизація“ или „американизація“ Россіи (поскольку таковая соотвѣтствуетъ складу ея естественныхъ возможностей и данныхъ) отнюдь не означала бы духовной „романо-германизаціи“ Россіи. Наоборотъ, развитіе производительныхъ силъ способствовало бы, нужно думать, укрѣпленію и усиленію самоначально — евразійскаго русскаго духовнаго дѣланья [1]): всякое духовное дѣланье нуждается въ извѣстныхъ матеріальныхъ предусловіяхъ; поэтому умноженіе „безличныхъ“, по существу, хозяйственныхъ цѣнностей, какимъ бы способомъ оно ни происходило, можетъ содѣйствовать усиленію національнаго и въ высокой мѣрѣ личнаго духовнаго творчества. Чтобы это было такъ, необходимо только, чтобы въ жизни народа цѣненіе матеріальныхъ благъ было іерархически подчинено цѣненію благъ не-матеріальныхъ, чтобы область экономики въ жизни и духовномъ сознаніи народа ощущалась, какъ область — хотя и весьма важная, но подчиненная. И если Россіи, въ ея духовной жизни, удастся установить такое соотношеніе, приливъ въ ея предѣлы хозяйственныхъ силъ, происходящихъ хотя бы изъ существенно иной культурной среды, съ другой духовной установкой — не теряя своей непосредственной

[1]) Слово „евразійскій“ мы примѣняемъ здѣсь къ русской культурной средѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ слово „европейскій“ прилагается нерѣдко къ культурнымъ средамъ отдѣльныхъ романо-германскихъ народовъ. Указаніе на то, что скажемъ, французское культурное творчество протекало и протекаетъ въ рамкахъ и духѣ „европейской“ культуры вполнѣ совмѣстимы съ признаніемъ національно-французскаго характера этого творчества. Такъ и обозначеніе самоначально-русскаго культурнаго творчества, какъ „евразійскаго“, указывая на существеннѣйшія культурно-историческія черты той обстановки, въ которой это творчество протекаетъ, не только совмѣстимо съ признаньемъ, но предназначено содѣйствовать уясненью національно-русскаго качества этого творчества; — чему отнюдь не противорѣчитъ то обстоятельство, что Россія въ мірѣ евразійскомъ призвана, повидимому, къ большей роли, чѣмъ игралъ и играетъ какой бы то ни было отдѣльный романо-германскій народъ въ мірѣ европейскомъ.

хозяйственной полезности, будетъ лишенъ духовной вредоносности. Русская культура, въ размахахъ и потенціяхъ, опредѣлившихся къ настоящей эпохѣ, — обладаетъ достаточной силой притяженія и овладѣнія, чтобы подчинить своему строю притекающіе въ ея среду чужеродные элементы. Также въ отношеніи государственно-политическомъ русскій народно-державный массивъ имѣетъ всѣ данныя оказаться достаточно цѣлостнымъ и связнымъ, чтобы входящія въ него чуждыя людскія струи не расчленили его, но безболѣзненно умѣстились въ немъ...

Если романогерманской Европѣ, въ силу нарушенія въ ея существованіи должной іерархіи между основоположными и подчиненными отраслями бытія, предстоятъ катастрофическія потрясенія, то представляется естественнымъ, въ смыслѣ нѣкоторой исторической необходимости, чтобы опредѣленная часть ея хозяйственно-людскихъ и хозяйственно-матеріальныхъ силъ перешла въ Россію, которая свое потрясенье и потемнѣнье переживаетъ сейчасъ и которая, нужно думать, въ недалекомъ уже будущемъ вступитъ на пути укрѣпленья и просвѣтленья...

Тѣмъ болѣе желательно привлечь къ дѣлу русскаго возстановленья и развитья хозяйственныя силы странъ, не принадлежащихъ, въ точномъ смыслѣ, къ романогерманской Европѣ, но усвоившихъ навыки западноевропейскаго хозяйствованья. Въ этой связи поставляется проблема участія польскихъ и чешскихъ элементовъ въ хозяйственномъ внутри-русскомъ дѣланьи. Привлеченье къ такому дѣланью именно чешскихъ (чехословацкихъ) силъ не имѣетъ и тѣхъ тѣневыхъ сторонъ, которыми, въ силу историческихъ соотношеній Россіи и Польши, отмѣчено соотвѣтствующее польское вхожденье. — Этими обстоятельствами объясняется появленіе на предраскрытыхъ страницахъ доклада о русскихъ „производительныхъ силахъ“, произнесеннаго предъ ч е ш с к и м и слушателями (2/15 января 1923 г. въ помѣщеніи Пражской Торговой Палаты, по приглашенію Промышленнаго Института этой

Палаты и Экономическаго Союза для Славянскаго Востока). — Судьбу чешскаго народа живо чувствовали и думали о ней славянофилы. Не слѣдуетъ преувеличивать близости духовныхъ установокъ нашего и чешскаго сознанья: различіе исторической судьбы сказывается въ различіи сознанія. Но преодолѣвая это различіе силою ряда обстоятельствъ (въ томъ числѣ языковой близости), русская культура уже и сейчасъ въ такой мѣрѣ входитъ въ жизнь чехословацкаго, какъ и другихъ славянскихъ народовъ, въ какой не входитъ и, можетъ быть, никогда не войдетъ въ бытіе народовъ романогерманскихъ; уже и сейчасъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, служитъ непосредственной базой мѣстнаго (славянскихъ народовъ) національнаго творчества. — Обращаясь къ области государственно-политической, необходимо подчеркнуть, что русское патріотическое сознанье глубинно соучаствуетъ въ радости произошедшаго національно-государственнаго возрожденія чехословацкаго народа. Между Россіей и Чехословакіей нѣтъ и, нужно надѣяться, не можетъ быть противоположности государственно-политическихъ интересовъ; и наоборотъ, многія цѣли являются общими. Этимъ должна опредѣлиться плодотворность также хозяйственнаго сотрудничества...

Что касается до предлагаемаго обзора русскихъ производительныхъ силъ, то онъ въ силу своей краткости, намѣчаетъ только общій контуръ и нѣсколько отдѣльныхъ чертъ хозяйственно-географическаго облика Росссіи. Для русскаго читателя онъ долженъ служить введеніемъ къ послѣдующему, болѣе подробному раскрытію хозяйственно-географическаго образа Россіи.

* *
*

М. Г.

Моей задачей является: предложить вамъ въ кратчайшемъ обзорѣ очеркъ естественныхъ производительныхъ силъ Россіи. Характеризуя природно-географическую обстановку, среди которой существуетъ хозяйство россійское, — я постараюсь затронуть также нѣкоторые вопросы, которые способны, быть можетъ, ближайшимъ образомъ васъ заинтересовать; я обрисую рядъ отраслей русской экономической жизни, которыя могли бы, въ условіяхъ водворенія въ Россіи обезпеченнаго хозяйственно-правового строя, представить поприще для приложенія чехословацкаго капитала, и, въ особенности, личныхъ силъ квалифицированныхъ работниковъ и дѣятелей хозяйства Чехословакіи...

Болѣе чѣмъ какая-либо другая страна міра, Россія, даже въ предѣлахъ нынѣшняго „Союза совѣтскихъ республикъ“ — будемъ надѣяться, что не долго она будетъ именоваться такъ! — можетъ быть разсматриваема, какъ довлѣющее себѣ хозяйственное цѣлое; довлѣющее себѣ въ томъ смыслѣ, что благодаря огромнымъ размѣрамъ и разнообразію хозяйственнаго одаренія составляющихъ ее областей, въ хозяйствѣ Россіи проблема „внутренняго рынка“ положительно преобладаетъ надъ проблемою рынка „внѣшняго“; преобладаетъ даже сейчасъ въ обстановкѣ величайшаго раззоренія и обнищанія Россіи. Эта черта хозяйства россійскаго не означаетъ, чтобы въ перспективѣ на будущее были малы въ абсолютныхъ цифрахъ вывозныя возможности Россіи или ограничена емкость ея рынка, какъ покупщика иностранныхъ товаровъ. Но это значитъ, что въ отношеніи къ общимъ масштабамъ пространства и населенія, величины вывоза и ввоза Россіи

неизбѣжно представятъ, какъ онѣ представляли и раньше, относительно скромную величину, ибо хозяйственно Россія жила, живетъ и будетъ жить главнымъ образомъ, внутреннимъ оборотомъ. Внѣшняя торговля Россіи есть какъ бы придаточная отрасль русской хозяйственной жизни; она дополняетъ основные для хозяйственной жизни процессы обмѣна продуктовъ промышленныхъ на сельскохозяйственные; но не осуществляетъ этого обмѣна въ его важнѣйшихъ проявленіяхъ, какъ это происходило и происходитъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ странахъ. Относительное значеніе внѣшней торговли въ русской экономической жизни вырисовывается изъ слѣдующаго сопоставленія: къ началу войны, при ежегодномъ національномъ доходѣ приблизительно въ 15 милліардовъ золотыхъ рублей, внѣшняя торговля Россіи измѣрялась нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 3 милліарда золотыхъ рублей; въ Германіи же, которую я беру, какъ характерную въ экономическомъ отношеніи западно-европейскую страну, при 20 милліардахъ золотыхъ рублей ежегоднаго національнаго дохода оборотъ внѣшней торговли достигалъ приблизительно 10 милліардовъ рублей. Иначе говоря — обратите вниманіе на это показательное соотношеніе! — сумма оборота внѣшней торговли составляла въ Россіи менѣе одной пятой, а въ Германіи около половины суммы національнаго дохода. — Я полагаю, что цифровое сопоставленіе это лучше словъ уяснитъ вамъ дѣйствительное мѣсто внѣшней торговли въ экономическомъ существованіи Россіи...[1]). Прежде чѣмъ перейти къ

---

[1]) Приведенное въ текстѣ сопоставленіе можно дополнить слѣдующимъ: въ послѣдніе довоенные годы сумма государственныхъ и общественныхъ (органовъ самоуправленія) бюджетовъ соотвѣтственно Россіи и Германіи была приблизительно равна, а именно тамъ и тамъ выражалась величиною, близкою къ 3,5 милліардамъ рублей ежегодно; и это при условіи, что оборотъ внѣшней торговли Германіи почти въ три съ половиною раза превосходилъ оборотъ русской внѣшней торговли. Совершенно очевидно, что равенство суммъ государственныхъ и общественныхъ бюджетовъ, — рессурсы которыхъ черпаются вѣдь изъ всего народохозяйственнаго

дальнѣйшему, уже здѣсь я хочу отмѣтить одно существенное обстоятельство: указанная отличительная черта хозяйства Россійскаго отнюдь не является препятствіемъ для возникновенія напряженнаго экономическаго взаимодѣйствія между Чехословакіей и Россіей. Имѣя свою долю въ русскомъ ввозѣ и вывозѣ, Чехословакія въ то же самое время можетъ войти какъ бы внутрь основного, если можно такъ выразиться, „самодовлѣющаго“ ядра русскаго хозяйства—войти капиталомъ и трудомъ своихъ работниковъ и дѣятелей. И съ русской точки зрѣнія такое вхожденіе безусловно желательно. Между тѣмъ, такое же вхожденіе представителей другихъ народовъ желательно далеко не всегда и далеко не повсюду. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой обстоятельство величайшаго значенія. Русско-чешское культурное единеніе и отсутствіе противоположности политическихъ интересовъ между Россіей и Чехословакіей пріобрѣтаетъ напряженный, жизненно-жгучій смыслъ...

Не предполагайте, чтобы говоря о хозяйственномъ „самодовленіи“ Россіи, я не представлялъ себѣ мѣры нынѣшняго хозяйственнаго ея оскудѣнія. Оскудѣніе это ставитъ для ближайшаго времени задачи особаго рода. Но говоря о естественныхъ производительныхъ силахъ, я призванъ выяснить именно тѣ черты хозяйственнаго образа Россіи, которыя соотвѣтствуютъ неизмѣннымъ особенно-

---

организма, — было бы, въ отношеніи этихъ странъ, совершенно невозможнымъ, если Россія, въ большей степени, чѣмъ Германія, не питалась бы обращеніемъ внутреннихъ хозяйственныхъ соковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые авторы, русскіе и нѣмецкіе, назову А. А. Кауфмана и В. Э. Дэна изъ числа первыхъ и Павла Аридта изъ числа вторыхъ, пытаются судить о „ступеняхъ развитія народнаго хозяйства“, соотвѣтственно Россіи и Германіи, а наряду съ тѣмъ и такихъ странъ, какъ Бельгія и Голландія, по абсолютнымъ и въ расчетѣ на душу населенія цифрамъ ввоза и вывоза. Съ точки зрѣнія существеннѣйшаго различія хозяйственно-географической природы Россіи, съ одной стороны, и прочихъ названныхъ странъ, съ другой, подобный пріемъ разсмотрѣнія является образчикомъ якобы научнаго, а въ существѣ превратнаго толкованія фактовъ.

стямъ ея географическаго и естественно-историческаго склада. И складъ этотъ съ непреложностью указуетъ, что Россія имѣетъ быть, какъ и была раньше, одновременно сельскохозяйственной и торгово-промышленной страной. Вѣдь въ довоенные годы почти половина русскаго національнаго дохода приходилась на долю промышленности и торговли. Нѣмецкіе авторы, считающіе возможнымъ въ настоящій моментъ говорить о Россіи, какъ о „чисто-аграрномъ государствѣ“, — это дѣлаютъ, напр., нѣкоторые авторы изданій Бреславскаго Института Восточной Европы [1]) — тѣмъ самымъ обнаруживаютъ коренное непониманіе того, чѣмъ въ дѣйствительности была и, я не сомнѣваюсь, будетъ въ хозяйственномъ отношеніи Россія...

Обратимся же къ обозрѣнію того круга земель, который составляетъ родную намъ и, вѣрю, не чуждую вамъ Россію. Я хотѣлъ бы дать вамъ краткій каталогъ, перечислить основной, какъ иногда говорятъ по русски, „желѣзный“ инвентарь природно-хозяйственнаго одаренія Россіи; для этого прежде всего я долженъ былъ бы остановиться на описаніи поверхности во всемъ разнообразіи ея почвенныхъ свойствъ и въ сочетаніи съ характеромъ господствующихъ на ней климатовъ — и наряду съ тѣмъ, обрисовать содержимое россійскихъ нѣдръ, поскольку оно установлено т. н. „геологической статистикой“ и можетъ интересовать насъ при современномъ состояніи техники. Но даже при условіи величайшей сжатости эта задача не осуществима; въ частности въ предѣлахъ имѣющагося у меня времени совершенно невозможно дать хотя бы приблизительный „каталогъ“ выясненнаго доселѣ и могущаго имѣть хозяйственное значеніе содержанія россійскихъ нѣдръ; въ отношеніи Россіи перечисленіе это нужно было бы произвести чуть ли не по всѣмъ 60 химическимъ эле-

[1]) Напр.: Flegel въ книгѣ: Die wirtschaftliche Bedeutung der Montanindustrie Russlands und Polens. 1920.

ментамъ, хозяйственно используемымъ къ настоящему времени человѣкомъ; ибо, по слову академика В. И. Вернадскаго (Очерки и рѣчи, Петроградъ 1922, стр. 64) „съ точки зрѣнія минеральнаго царства... сплошное протяженіе территоріи Россіи... дѣлаетъ чрезвычайно мало вѣроятнымъ, чтобы въ предѣлахъ сплошного куска земной коры, составляющаго около одной шестой всей суши земного шара, отсутствовали тѣ или иные химическіе элементы въ необходимыхъ для перевода въ полезную энергію концентраціяхъ“ — т. е. съ теоретической точки зрѣнія, представляется весьма вѣроятнымъ, что въ россійскихъ нѣдрахъ заключаются въ хозяйственно достаточныхъ количествахъ всѣ имѣющіе значеніе для человѣческаго хозяйства продукты минеральнаго царства.

Подобное положеніе обуславливаетъ трудность моей задачи; и чтобы преодолѣть эту трудность, въ своемъ перечисленіи содержимаго россійскихъ нѣдръ я становлюсь исключительно на одномъ — правда, важнѣйшемъ химическомъ элементѣ — на углеродѣ — „С“, поскольку онъ представленъ каменнымъ углемъ и торфомъ. Этотъ выборъ опредѣляется тѣмъ, что топливные рессурсы страны представляютъ собой какъ бы ressource-mère ея промышленности... Но и при этомъ я оставлю въ сторонѣ нефть — не потому, чтобы вопросъ нефти былъ малозначителенъ, но именно потому, что онъ въ высшей степени значителенъ, настолько, что не можетъ умѣститься въ рамкахъ сегодняшняго изложенія... Обращаясь къ земельному „инвентарю“ Россіи, я пытаюсь охватить его въ слѣдующей, весьма схематической и приблизительной табличкѣ — (всячески хотѣлъ бы подчеркнуть ея схематичность и приблизительность!..):

I. Основная, полевая и луговая, сельско-хозяйственная площадь	ок.	400	мил. гект.
II. Лѣса среди основной сельско-хозяйственной площади	ок.	100	„ „
III. Лѣса въ сплошныхъ массивахъ на сѣверѣ	ок.	600	„ „
IV. Тундры и горныя пространства на сѣверѣ . .	ок.	550	„ „
V. Полупустынныя пастбища	ок.	200	„ „
VI. Пустыни и горныя пространства на югѣ	ок.	150	„ „

Всего ок. 2000 мил. гект.
(два милліарда гектаровъ).

Табличка эта не притязаетъ на точность: вы видите я не прибѣгалъ къ болѣе дробнымъ подраздѣленіямъ, чѣмъ подраздѣленія въ 50 милліоновъ гектаровъ. При этомъ условіи наличіе въ цифрахъ таблички отклоненій отъ истинныхъ значеній въ десятки милліоновъ гектаровъ дано самимъ характеромъ таблички. Въ оцѣнкѣ возможной неточности — и, въ то же время въ оцѣнкѣ величинъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, примите во вниманіе, что общая площадь Чехословакіи измѣряется приблизительно 14 милліонами гектаровъ... Статья первая учитываетъ не только земли, дѣйствительно бывшія въ распашкѣ (таковыхъ и въ предвоенные годы считалось въ Россіи не болѣе 150—170 милл. гект.), и не только земли, дѣйствительно используемыя, какъ луга, но и земли, не состоявшія и не состоящія въ такой эксплоатаціи, но могущія со временемъ быть использованы въ качествѣ полей и луговъ; такихъ земель въ особенности много въ Азіатской Россіи, какъ въ степныхъ областяхъ, напр., въ сѣверной части киргизской степи и пр., такъ и въ лѣсныхъ районахъ западной, средней, восточной Сибири

и Дальняго Востока, въ видѣ участковъ, доступныхъ расчисткѣ и раскорчевкѣ... Слѣдуетъ понимать, насколько приблизительна всякая подобная прикидка. Нужно учесть также трудность провести точную границу между „пустынней“ и „полупустыннымъ пастбищемъ“, между „лѣсами въ сплошныхъ массивахъ на сѣверѣ“ и „тундрой“ (куда, напр., отнести низкорослые лѣса на сѣверной окраинѣ тайги?) — особенно при недостаткѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ районовъ, географически-изслѣдовательскихъ данныхъ... Предлагаемая табличка есть не болѣе, какъ с х е м а, призванная помочь живому видѣнію тѣхъ хозяйственно-географическихъ полосъ, изъ которыхъ составлена Россія (пустыня, пастбища, пахоть и луга, лѣса, тундра!) и дать п р и м ѣ р н у ю п р и к и д к у пространственнаго протяженія этихъ полосъ...

Въ отношеніи каждой изъ статей предложенной таблички возникаетъ рядъ проблемъ. Пространствамъ, обозначеннымъ въ статьѣ „первой“ принадлежитъ опредѣляющая роль въ сельско-хозяйственной жизни страны: они охватываютъ лучшее земельное достояніе Россіи. Относительно этихъ пространствъ хотѣлъ бы отмѣтить слѣдующее: основная сельско-хозяйственная площадь Россіи (помимо совсѣмъ небольшой площади поливныхъ земель), принадлежитъ къ составу двухъ различающихся другъ отъ друга географическихъ зонъ; чтобы не затруднять вашего вниманія подробностями, эти зоны я обозначилъ бы условно, какъ зону „лѣсную“ и „степную“, т. наз. „лѣсо-степная“ переходная зона отошла бы въ этомъ случаѣ къ составу „лѣсной“, это различеніе географическихъ поясовъ знаменуетъ собой необходимое и существенное различіе пріемовъ земледѣлія — во всякомъ случаѣ, поскольку мы представляемъ себѣ послѣдніе, какъ нѣчто сознательное и раціональное, ибо европейскіе пріемы улучшеннаго земледѣлія годятся только для „лѣсной“ полосы сельско-хозяйственной Россіи; степная же полоса, гдѣ весьма затруднено произрастаніе корнеплодовъ и нѣкоторыхъ

другихъ растеній, занимающихъ видное мѣсто въ нынѣшнемъ „европейскомъ“ земледѣліи, — нуждается въ выработкѣ особыхъ пріемовъ улучшеннаго хозяйствованья. Русская агрономическая наука работала и работаетъ надъ созданіемъ этихъ пріемовъ. О томъ, что сдѣлано и что предстоитъ сдѣлать въ этомъ вопросѣ, могутъ разсказать вамъ другіе, въ этой области несравненно болѣе компетентныя лица. Я же хотѣлъ бы только, чтобы вы сохранили въ памяти эти два важнѣйшихъ образа русской сельско-хозяйственной жизни: образъ лѣсного земледѣлія, по своимъ возможностямъ приближающагося къ западно-европейскому, и своеобычный, въ силу окружающей обстановки, образъ земледѣлія „степного“[1]). Къ условіямъ сельско-хозяйственнаго производства въ „европейскихъ“ по природѣ областяхъ русскаго земледѣлія, можетъ быть, въ общемъ отнесено важнѣйшее изъ того, что вы знаете объ условіяхъ земледѣлія въ вашей собственной странѣ. Степное же земледѣліе предназначено, повидимому, представлять особый видъ болѣе экстенсивнаго и притомъ вѣроятнѣй всего въ области земледѣльческой, по прежнему, существенно зернового хозяйства. Проблемы развитія степного земледѣлія заслуживаютъ, мнѣ кажется, вашего вниманія. Въ русской степи и въ предвоенные годы существовалъ нѣкоторый земельный просторъ. За время существованія совѣтскаго строя, благодаря бѣгству и вымиранію населенія, просторъ этотъ, къ сожалѣнію, не уменьшился, но увеличился. Возникаетъ заданье возстановить хозяйство въ степи. Степное земледѣліе въ его возможномъ въ современности развитіи, не требуетъ значительныхъ капитальныхъ затратъ: посѣвы производятся безъ удобренія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ внесеніе удобренія, по особенностямъ степной природы, было бы

[1]) Съ подраздѣленіемъ русскихъ земледѣльческихъ областей на зону „европейскаго“ и „степного“ земледѣлія читатели евразійскихъ сборниковъ знакомы по статьѣ: „Степь и осѣдлость“, „На путяхъ“, стр. 341—356.

прямо вредно для урожая. Хозяйственный успѣхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ раціональнаго примѣненія содѣйствующихъ сбереженію влаги пріемовъ механической обработки почвы. Въ этой обстановкѣ чехо-словацкіе капиталисты и предприниматели, при извѣстныхъ условіяхъ, нашли бы, быть можетъ, выгодное помѣщеніе своимъ средствамъ въ русскомъ степномъ земледѣліи — не столько въ видѣ непосредственнаго основанія „зерновыхъ фабрикъ", для чего требуется тонкое знаніе мѣстной обстановки, сколько въ формѣ кредитованія, съ издольнымъ участіемъ въ результатахъ дѣла, хозяйственно годныхъ русскихъ предпринимателей.

Для русскаго хозяйства имѣетъ основное значенье подраздѣленье черноземной и нечерноземной полосы. Подраздѣленіе это нѣсколько аналогично различенію зонъ земледѣлія „степного" и „европейскаго". Но зона „европейскаго" земледѣлія не ограничивается предѣлами нечерноземнаго пояса, но переходитъ на черноземъ. Такъ какъ возможность практиковать „европейское" земледѣліе связано съ выпаденіемъ достаточнаго количества осадковъ, это означаетъ, что въ предѣлахъ Россіи имѣется полоса хорошо орошеннаго чернозема. Эта полоса и есть лѣсостепной поясъ. На одну изъ проблемъ, касающихся этой полосы, я и позволю себѣ обратить нынѣ ваше вниманіе. — Высокое развитіе въ Чехословакіи свекловичной промышленности и возможный интересъ вашъ къ этой послѣдней побуждаетъ меня остановиться на вопросѣ о предѣлахъ распространенія въ Россіи свекловичной культуры. Относительно требовательная къ почвѣ, количеству осадковъ и продолжительности вегетаціоннаго періода сахарная свекла воздѣлывается и можетъ воздѣлываться въ Россіи, при современной экономической и технической обстановкѣ, какъ извѣстно, далеко не повсюду. Культура сахарной свеклы является въ Россіи принадлежностью зоны „европейскаго" земледѣлія, но и то далеко не всей. Сахарная свекла не произростаетъ въ

степи, гдѣ для нея недостаточно влаги; и въ общемъ сѣверная граница степи является крайнимъ южнымъ предѣломъ распространенія свекловичной культуры. Въ то же время воздѣлываніе свеклы не является экономически раціональнымъ внѣ полосы черноземовъ; и потому сѣверная граница послѣднихъ совпадаетъ съ сѣверной границей воздѣлыванія свеклы. Предѣлъ распространенія свекловичной культуры на востокъ, т. е. отъ губерній Курской и Харьковской къ Волгѣ ставитъ падающая продолжительность вегетаціоннаго періода; этимъ паденіемъ обуславливается уменьшеніе урожайности и невыгодность культуры. Въ общемъ русскій свекло-сахарный районъ оказывается ограниченнымъ предѣлами ряда сѣверо-черноземныхъ губерній по правому и лѣвому берегу Днѣпра. Какъ извѣстно, районъ этотъ въ послѣднее передъ войной время и былъ покрытъ довольно густою сѣтью заводовъ, общее производство которыхъ въ 1913—14 годамъ доходило до 2 милліоновъ тоннъ; но этимъ райономъ не ограничиваются возможности свекло-сахарнаго производства въ Россіи. Независимо отъ возможностей Туркестана и Закавказья, гдѣ условія для свекловичной культуры вполнѣ благопріятны, но гдѣ она едва ли можетъ явиться выгодной, въ виду конкуренціи другихъ, еще болѣе цѣнныхъ культуръ, естественными районами свеклосахарнаго производства представляются намъ предгорья Кавказскаго хребта на сѣверномъ Кавказѣ и предгорья Тянь-Шаня, въ Семирѣченской области. (Въ своей климатической природѣ близкіе къ европейско-русской „лѣсо-степи"). Въ первой изъ этихъ областей свекло-сахарное производство обрѣтается въ зачаткахъ, въ отношеніи второй изъ нихъ вопросъ объ организаціи свекло-сахарнаго производства пока что и не ставится серьезно (Семирѣченская ж. д. не закончена, использованіе хозяйственныхъ возможностей Семирѣчья, въ соотвѣтствіи съ его естественными данными, во многихъ существенныхъ чертахъ еще не начато вовсе). — Первая

изъ этихъ областей, т. е. сѣверо-кавказская, представляетъ, повидимому, болѣе широкія возможности для развитія свекло-сахарнаго производства, чѣмъ вторая. Въ предгорьяхъ сѣвернаго Кавказа, при современномъ состояніи свекло-сахарной промышленности, могли бы, пожалуй, размѣститься 20—30—40 заводовъ и дать столько же милліоновъ пудовъ сахару, т. е. около полъ милліона тоннъ или нѣсколько болѣе. Весьма вѣроятно, что именно здѣсь, благодаря наибольшей, въ сферѣ области русской „лѣсо-степи", продолжительности вегетаціоннаго періода, достижима наивысшая въ Россіи урожайность свеклы. — Возможностей Семирѣченской области нельзя подсчитать даже приблизительно... Строго говоря, культура свекловицы была бы возможна и въ хорошо орошенныхъ частяхъ Сибири. Но если не будетъ внесено въ эту культуру какихъ либо новыхъ, еще неизвѣстныхъ намъ пріемовъ обработки, то урожайность свеклы въ этихъ областяхъ окажется настолько низкою, что развитіе здѣсь свекло-сахарной промышленности станетъ возможнымъ только при наличіи какихъ-либо совершенно исключительныхъ условій... На сѣверномъ же Кавказѣ и въ Семирѣчьи открываются просторы для творческой хозяйственной энергіи. — Нужно помнить, что оба района находятся въ географическомъ сближеніи съ емкими — и въ то же время удаленными отъ другихъ центровъ производства — рынками для сахара: сѣверо-кавказскій районъ — съ юго-восточными „степными" губерніями Европейской Россіи и Закавказьемъ, Семирѣченскій — съ Туркестаномъ и Западной Сибирью... На ряду съ помощью въ возстановленіи свекло-сахарной промышленности центральнаго и западнаго района, Чехословакія, своими хозяйственными силами и съ выгодою для себя, могла бы оказать Россіи помощь также и въ разрѣшеніи только что упомянутыхъ творческихъ хозяйственныхъ задачъ.

Относительно пунктовъ „II"-го и особенно „III"-го моей таблички я хочу отмѣтить совершенно особое и

единственное, въ предѣлахъ мірового хозяйства, значеніе русскихъ лѣсныхъ рессурсовъ. Площадь русскихъ лѣсовъ превосходитъ лѣсную площадь С. Ш. С. А. и Канады, вмѣстѣ взятыхъ. Лѣса же субтропическаго и тропическаго пояса въ виду низкихъ качествъ древесины, вообще не входятъ въ расчетъ въ качествѣ поставщика массовыхъ строительныхъ матеріаловъ. — Въ условіяхъ дѣйственнаго хозяйственнаго развитія, Россія могла бы явиться законодательницей мірового лѣсного рынка... Въ установленіи этого обстоятельства заключена постановка широчайшихъ задачъ по организаціи лѣсного хозяйства — главнымъ образомъ, на далекомъ европейскомъ и азіатскомъ сѣверѣ Россіи, и по организаціи распилки и обработки дерева. И надо желать, чтобы каждый гражданинъ Чехословакіи, имѣющій знанія по лѣсному хозяйству или интересующійся имъ — былъ освѣдомленъ о существованіи названныхъ задачъ. Изъ этого знанія, въ нѣкоторый моментъ будущаго, можетъ проистечь благо и для него лично и для Россіи...

Полупустынныя пастбища служатъ для организаціи скотоводческаго хозяйства. Въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ областей Россіи, т. е. главнымъ образомъ калмыцкихъ, киргизскихъ и туркестанскихъ степей, такое хозяйство доселѣ вели и ведутъ туземцы-кочевники. Наряду съ ихъ хозяйствомъ было бы желательно создать скотоводческія хозяйства капиталистическаго типа — на манеръ существующихъ въ южной Африкѣ или Австраліи. Какъ и тамъ, здѣсь возможно поставить производство мяса (главнымъ образомъ, съ расчетомъ на перевозку въ мороженномъ видѣ, т. е. по русскимъ условіямъ — въ вагонахъ ледникахъ) и затѣмъ шерсти; съ тѣмъ только отличіемъ, что въ виду суровости зимъ — производимая шерсть была бы преимущественно грубыхъ сортовъ...

Въ отношеніи широкаго хозяйственнаго использованія тундры можно придаваться только игрѣ воображенія. Въ нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, тундра и пустыня

суть „мертвыя пространства“ хозяйства Россійскаго; и притомъ пространства, которыя самимъ обстоятельствомъ, что они существуютъ, служатъ нѣкоторымъ препятствіемъ къ развитію хозяйственнаго оборота въ россійскихъ областяхъ. Тундра отдѣляетъ отъ моря области русскаго сѣвера и дѣлаетъ ихъ трудно доступными или вовсе недоступными со стороны моря. Пустыня же создаетъ затрудненія для хозяйственнаго оборота между умѣренными, по климату, областями собственно Россіи и областями субтропическаго земледѣлія средне-азіатскихъ оазисовъ... Среди пустынь и горныхъ пространствъ русскаго юга эти оазисы и хорошо орошенныя части центральнаго и западнаго Закавказья представляютъ подлинную жемчужину. Я не буду останавливаться на возможномъ экономическомъ развитіи этихъ областей, культурная площадь которыхъ измѣряется нынѣ всего лишь нѣсколькими милліонами десятинъ. Остановлюсь только на вопросѣ хлопка. И въ послѣдніе довоенные годы необычайно быстро возроставшаго хлопковаго производства Туркестана и Закавказья не хватало для покрытія нуждъ русской промышленности. При потребленіи хлопка приблизительно въ полъ-милліона тоннъ ежегодно, около половины этого количества ввозилось изъ за границы... Трудно сказать, какъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе. Но одно несомнѣнно: въ предѣлахъ областей русскаго юга имѣются просторы для расширенія хлопковой культуры. Послѣднее связано: 1) съ расширеніемъ площади орошаемыхъ земель, что само по себѣ составляетъ огромную и плодотворную задачу; при затратѣ не болѣе полу-милліарда золотыхъ рублей можно удвоить орошаемую площадь русскаго Туркестана (2 милліона десятинъ). Десятина — гектаръ наилучшей сельско-хозяйственной площади — въ нашихъ широтахъ вообще не имѣется столь цѣнныхъ, на единицу пространства, сельско-хозяйственныхъ угодій, каковыми являются орошаемыя пространства Туркестана! — обошлась бы приблизительно въ 200-250 золотыхъ рублей;

2) вовлеченіе въ сферу русскаго хлопковаго хозяйства Персіи, Авганскаго и Китайскаго Туркестана; эти области имѣютъ значительныя пространства годныхъ къ орошенію и культурѣ хлопка земель; но въ силу своей удаленности отъ мірового рынка, области эти могутъ найти сбытъ для своего хлопка и вообще своихъ произведеній только въ предѣлахъ или при посредствѣ россійскаго хозяйства. Если этимъ областямъ предстоитъ развиваться экономически, можетъ быть, и средне-европейскіе потребители хлопка почувствуютъ когда-либо, какъ живую реальность, хлопковое хозяйство Персіи или Авганскаго Туркестана, — между тѣмъ, какъ сейчасъ, даже названія этихъ странъ, вѣроятно, звучатъ для васъ чѣмъ то экзотическимъ.

Перехожу къ обзору рессурсовъ россійскаго хозяйства въ каменномъ углѣ и торфѣ. Изученіе россійскихъ пространствъ въ отношеніи этихъ рессурсовъ отнюдь нельзя считать законченнымъ. Наоборотъ есть полное основаніе полагать, что мы знаемъ только относительно небольшую часть этихъ рессурсовъ. Чтобы дать масштабъ для оцѣнки каменноугольныхъ мѣсторожденій Россіи, напомню, что общая сумма исчисленныхъ доселѣ каменноугольныхъ запасовъ міра, находящихся на глубинѣ, не превышающей 1.800 метровъ, опредѣляется приблизительно въ десятокъ тысячъ милліардовъ тоннъ — иначе говоря въ десятокъ билліоновъ тоннъ; изъ нихъ больше половины (болѣе 5 билліоновъ тоннъ) приходится на долю Сѣверной Америки; относительно незначительная доля Азіи (нѣсколько болѣе билліона тоннъ), вѣроятно, главнымъ образомъ зависитъ отъ малой ея обслѣдованности. На долю Западной Европы приходится менѣе билліона тоннъ (784 мд.): изъ нихъ на Германію, въ ея довоенныхъ границахъ, приходилось болѣе 400 мд. тоннъ, на Англію, — около 200 мд. тоннъ, на бывшую Австрію, въ ея цѣломъ, — около 50 мд. тоннъ и на Францію не болѣе 18 мд. тоннъ... Исчисленіе русскихъ запасовъ зависѣло до сихъ поръ не столько отъ дѣйствительнаго со-

держанія мѣсторожденія, сколько отъ состоянія нашихъ знаній. Это съ ясностью можно усмотрѣть изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ табличекъ:

Запасы каменнаго угля въ милліардахъ тоннъ,

	какъ они исчислялись въ 1917 г.	какъ они исчислялись въ 1920 г.
Подмосковный бассейнъ . . .	2	12
Донецкій „	56	60
Кузнецкій „	14	250
Иркутскій районъ	150	150
	222	472

Кромѣ того,

Илійскій бассейнъ не менѣе 18
Тунгузскій „ можетъ быть, нѣсколько сотъ милліардовъ тоннъ.

Еще въ 1916 году, въ рядѣ газетныхъ статей покойный профессоръ М. И. Туганъ-Барановскій въ оцѣнкѣ промышленныхъ возможностей Россіи исходилъ изъ предположенія, что каменноугольные запасы Россіи измѣряются 60 мд. тоннъ. Вы видите, насколько подвинулось на короткій срокъ изученіе каменноугольныхъ запасовъ Россіи... Думаю, что не ошибусь, выразивъ увѣренность, что при условіи продолженія изысканій исчисленные каменноугольные запасы Россіи за короткій срокъ снова возрастутъ въ нѣсколько разъ. Но какія бы цифры ни обѣщали дать каменноугольные бассейны, въ родѣ Илійскаго Семирѣченской области или Тунгузскаго на далекомъ сѣверѣ, въ области средняго и нижняго Енисея, а также прочіе многочисленные бассейны Азіатской Россіи, — одно обстоятельство можно считать вѣроятнымъ: какихъ либо значительныхъ „открытій“ по части каменноугольныхъ рессурсовъ въ Европейской Россіи не произойдетъ. — Цифры залежей подмосковнаго бассейна кажутся болѣе внушительными, чѣмъ это соотвѣтствовало

бы дѣйствительному хозяйственному положенію. Ибо подмосковный уголь, несмотря на почтенный геологическій возрастъ, по своей хозяйственной годности, приближается къ типу бурыхъ углей, не коксуется и потому не отвѣчаетъ требованіямъ металлургической промышленности; его теплопроизводительная способность вдвое меньше теплопроизводительной способности, напр., донецкаго угля. — Изъ наблюденій надъ расположеніемъ каменноугольныхъ залежей на территоріи Россіи выясняются два существенныхъ обстоятельства: 1) важнѣйшіе каменноугольные бассейны Россіи расположены въ Азіи и притомъ въ самой глубинѣ континента; если вдуматься въ значеніе этого обстоятельства для промышленнаго развитія Россіи, то для насъ уяснится положеніе, имѣющее существенность не только для даннаго частнаго вопроса; а именно, что Россія, какъ хозяйственное цѣлое, въ самомъ объемлющемъ и основоположномъ смыслѣ, должна быть воспринимаема, какъ сочетаніе европейскихъ и азіатскихъ областей. Въ Россіи не существуетъ столь рѣзкаго противоположенія между промышленной „европейской“ метрополіей и „используемыми“ сельско-хозяйственными внѣ-европейскими колоніями, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ колоніальныхъ державахъ современности; къ развитію нѣкоторыхъ промышленныхъ отраслей, въ предѣлахъ русскаго народнаго хозяйства, въ наибольшей степени предопредѣлены, повидимому, какъ разъ нѣкоторыя „внѣ-европейскія“, азіатскія области: въ экономическомъ отношеніи Россія есть грандіозное и всецѣлое евразійское единство... Я думаю, что эта точка зрѣнія не покажется неожиданной для тѣхъ изъ васъ, кто слыхалъ разсказы родственниковъ и друзей или своими глазами видѣлъ Дальній Востокъ, Сибирь и Туркестанъ... 2) Европейская Россія относительно бѣдна каменнымъ углемъ; въ ней имѣется только одинъ первоклассный бассейнъ, а именно Донецкій; правда, въ извѣстномъ смыслѣ расположеніе этого бассейна можно назвать „удач-

нымъ"; ибо бассейнъ этотъ расположенъ въ центрѣ безлѣснаго степного района, который, при отсутствіи угля, былъ бы вообще лишенъ какихъ бы то ни было серьезныхъ топливныхъ рессурсовъ; на сѣверѣ такимъ рессурсомъ являются дрова, здѣсь же нѣтъ и дровъ. Иначе говоря, зеленое топливо сѣвера и черное топливо юга въ Европейской Россіи какъ бы дополняютъ другъ друга. Но въ такомъ расположеніи Донецкаго бассейна есть и своя неблагопріятная сторона: ибо при данномъ распредѣленіи рессурсовъ оказываются лишенными годнаго мѣстнаго угля (и прибавимъ, также и хорошей желѣзной руды!) области, являвшіяся и являющіяся историческими центрами и очагами русскаго промышленнаго развитія, а именно Московская область и Петроградскій районъ. Эти мѣстности, благодаря обширности лѣсной площади, находились въ выгодномъ положеніи пока основнымъ топливомъ промышленности также и на Западѣ являлись дрова. Изъ сочетанія названнаго обстоятельства съ фактами историческаго развитія этихъ областей проистекло несомнѣнное, по масштабамъ времени, промышленное ихъ „цвѣтеніе" въ XVIII и началѣ XIX в., въ особенности это утвержденіе относится къ центральному Московскому району. О промышленномъ „цвѣтеніи" Россіи XVIII вѣка также забываютъ тѣ, которые говорятъ о Россіи, какъ о „чисто аграрномъ государствѣ"... Съ измѣненіемъ техники и наступленіемъ въ промышленности „каменноугольной эпохи", промышленность этихъ областей, продолжая развиваться въ абсолютныхъ цифрахъ, захирѣла и „отстала" по сравненію съ промышленностью западныхъ странъ. И наряду съ причинами соціально-историческими, однимъ изъ обстоятельствъ, опредѣлившихъ эту „отсталость", несомнѣнно являлась невыгодность древеснаго топлива по сравненію съ топливомъ ископаемымъ; вѣдь первое приходится собирать на обширныхъ пространствахъ, второе же — тамъ, гдѣ природой оно дано человѣку — дано ему въ собранныхъ на небольшомъ пространствѣ

значительныхъ накопленіяхъ; находится „подъ рукой“ въ количествахъ, практически безграничныхъ... Но замѣтьте: развитіе техники, которое въ свое время причинило ущербъ промышленности центральнаго района, въ своемъ дальнѣйшемъ продолженіи можетъ открыть ей новые пути. Проблема электрификаціи, какъ проблема изысканія пріемовъ къ сбереженію топлива, къ созданію возможности работать на малоцѣнныхъ и не выдерживающихъ перевозки его сортахъ, наконецъ (въ Петроградскомъ районѣ), какъ проблема замѣны горючаго водною силою, есть несомнѣнно реальная м ѣ с т н а я проблема Московскаго и Петроградскаго района; проблема, которая проистекаетъ прежде всего изъ отсутствія въ нѣдрахъ этихъ областей хорошаго каменнаго угля. Въ каждомъ изъ двухъ районовъ проблема эта ставится по своему. Въ Московскомъ районѣ она сводится, главнымъ образомъ, къ вопросу раціональнаго использованія низкаго по качеству мѣстнаго угля и въ еще большей степени торфа. Дѣло въ томъ, что Сѣверная Европейская Россія, т. е. какъ разъ та часть ея, которая лишена высокосортнаго каменнаго угля, обладаетъ огромными залежами торфа. Опредѣлено, что „въ Европейской Россіи торфянники занимаютъ площадь въ 60 милліоновъ десятинъ (т. е., прибавлю, болѣе, чѣмъ четырехкратное общее пространство Чехословакіи). Изъ этого количества 20 мил. дес. лежатъ южнѣе 60° сѣверной широты (т. е. широты Петрограда)... Запасы торфа на этой площади опредѣляются въ полторы тысячи милліардовъ пудовъ въ переводѣ на условное топливо, т. е, донецкій уголь“. Это составляетъ запасъ нѣсколько превышающій, по своей теплопроизводительной способности, совокупныя каменноугольныя залежи Франціи. Но торфъ не можетъ быть использованъ такъ, какъ используется каменный уголь. Онъ не выдерживаетъ перевозокъ на сколько либо дальнія разстоянія. Въ дѣлѣ раціональной утилизаціи торфа возникаетъ вопросъ о постройкѣ вблизи торфянниковъ элек-

трическихъ станцій, которыя работали бы на торфѣ и подавали энергію въ мѣста, гдѣ она требуется, въ видѣ электрическаго тока. Такой же вопросъ ставится въ отношеніи использованія подмосковнаго угля... Въ Петроградскомъ же районѣ, наряду съ задачей использованія мѣстныхъ торфянниковъ (можетъ быть также ямбургскихъ горючихъ сланцевъ и боровичскаго угля), возникаетъ вопросъ о переходѣ на бѣлый уголь. Ибо Петроградъ, въ противоположность Москвѣ, не располагающей сколько-либо значительными источниками водной силы, со всѣхъ сторонъ окруженъ пунктами, гдѣ возможно устройство электрическихъ установокъ, использующихъ силу падающей воды. Таковы: Нарвскій водопадъ на юго-западъ отъ Петрограда, пороги на Волховѣ — къ юго-востоку отъ него, пороги на Свири въ 230—260-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Петрограда, и водопадъ Иматра и другія стремнины на Вуоксѣ, въ предѣлахъ Финляндіи къ сѣверу отъ него. Особо важны два послѣдніе пункта; возможная мощность установокъ на Свири — до 280 тысячъ лошадиныхъ силъ; на Вуоксѣ — до 600 тысячъ... Какъ бы ни складывались отношенія Финляндіи къ Россіи, я увѣренъ, что въ условіяхъ мирнаго хозяйственнаго развитія бѣлый уголь Вуоксы будетъ примѣненъ для нуждъ исторически сложившейся и пріобрѣвшей міровые масштабы промышленности Петрограда. Ибо такое примѣненіе соотвѣтствовало бы началамъ хозяйственной раціональности...

Я могъ бы продолжать обзоръ производительныхъ силъ Россіи; коснуться важнѣйшаго вопроса о залежахъ желѣзной руды и географическомъ размѣщеніи ихъ въ отношеніи къ мѣсторожденіямъ коксующагося угля; продолжить обозрѣніе источниковъ водной энергіи; разсказать о водопадахъ Олонецкаго и Архангельскаго края, о Днѣпровскихъ порогахъ, о бѣломъ углѣ Кавказа, Туркестана, Сибири, Урала; говорить о нефти, значеніе которой, вѣроятно, ясно каждому изъ васъ. Но я не буду

дѣлать этого. Я думаю, что и сказаннаго достаточно въ качествѣ образчика и примѣра. А большаго я и не притязаю дать... Естественныя производительныя силы Россіи велики. Не нужно ихъ преувеличивать, но нужно ясно понимать ихъ значеніе; и знать, что экономическое одареніе Россіи есть одареніе многостороннее — предопредѣляющее одновременно сельско-хозяйственное и промышленное развитіе страны. Если судитъ Господь, естественныя производительныя силы Россіи найдутъ себѣ примѣненіе; я думаю, это принесло бы весьма реальныя блага не только Россіи но и вамъ. Но для возможности такого использованія необходимо, чтобы у насъ, но также и у васъ здоровая и творческая хозяйская воля устояла и одолѣла бы въ борьбѣ съ силами разрушенія, нынѣ возставшими на нее.

Петръ Савицкій

Прага, 2/15 I 1923

ОППОНЕНТАМЪ ЕВРАЗІЙСТВА

(Письмо въ редакцію Я. Д. Садовскаго)

М. Г.

Разрѣшите обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ. Я евразіецъ и душой и тѣломъ. Поэтому нападки на евразійцевъ и евразійство волнуютъ меня, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ авторовъ „Исхода къ Востоку", „На путяхъ" и „Россіи и Латинства". Нападки эти меня удивляютъ тѣмъ, что въ нихъ объединились представители разныхъ лагерей, начиная съ 3-го Интернаціонала и кончая русскими національно-монархическими кругами. Несомнѣнно, что здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе и чья то брань является незаслуженной евразійцами. Мнѣ кажется, причина этого недоразумѣнія кроется въ недоговоренности у евразійцевъ (въ ихъ сборникахъ), именно, въ отсутствіи прямыхъ и ясныхъ отвѣтовъ на многіе жгучіе вопросы. Не могу ли я хотя бы частично помочь выясненію этого недоразумѣнія, высказавшись на правахъ рядового евразійца по поводу нѣкоторыхъ упрековъ, бросаемыхъ евразійцамъ, неоднократно слышанныхъ мной лично? Вѣдь упреки эти, рѣзкіе и частые, въ концѣ концовъ, сводятся къ немногимъ положеніямъ. Поэтому мой отвѣтъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ вопросахъ явится общимъ съ нашей стороны отвѣтомъ г. г. оппонентамъ. Конечно, отвѣтъ этотъ не можетъ претендовать на исчерпывающее и точ-

ное изложеніе тезисовъ евразійства. Но общность міроощущенія, которая является спайкой нашего малаго братства, — евразійцевъ, — будетъ, надѣюсь, порукой за соотвѣтствіе предлагаемыхъ мной практическихъ разсужденій духовнымъ основамъ евразійства (хотя бы по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ между нами и были разногласія). Если бы эти сужденія въ какой нибудь мѣрѣ оказались полезнымъ разъясненіемъ позицій евразійства для лицъ, намъ сочувствующихъ — я былъ бы доволенъ и этимъ результатомъ.

* *
*

Возраженія и упреки, дѣлаемые евразійцамъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. „Евразійцы — пассивные богоискатели. Они не цѣнятъ благъ земныхъ, что теперь при грандіозной задачѣ возстановленія хозяйства россійскаго, особенно опасно. Евразійцы зовутъ къ уходу въ Ѳиваиду".

Такъ говорятъ г. г. оппоненты евразійцевъ. Но въ дѣйствительности нѣтъ основаній называть насъ „богоискателями", ибо ищутъ тѣ, кто потерялъ или не имѣлъ; мы же Бога и вѣры не ищемъ, ибо Бога и вѣру имѣемъ... Пассивности же принципіально мы не проповѣдуемъ и практически не проявляемъ. Скорѣе можно говорить объ идеологической активности евразійцевъ, — даже въ эмигрантскомъ положеніи. „А перемѣнитъ Богъ Орду" (на Москвѣ), тогда будущее и дѣла покажутъ, кто окажется активнѣе, представители иныхъ теченій, или евразійцы. Объ этомъ гадать преждевременно. —

Евразійцы не отрицаютъ матеріальной культуры и не умаляютъ ея значенія. Они только указываютъ ей соотвѣтствующее мѣсто, — за духовной культурой, ибо сказано: не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ. Матеріальная культура должна быть средствомъ для духовныхъ

достиженій, а не самоцѣлью. Современное превращеніе техники и матеріальныхъ средствъ въ самоцѣль — духовно губительно. Стихіи первоначально-матеріальныхъ и первоначально-животныхъ стремленій необходимъ сильный, неизмѣримо высоко стоящій противовѣсъ, ибо „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“ (Матѳ. 16, 26). Вопросы вѣры и Церкви поставляются евразійцами на первый планъ. Но это не устраняетъ свободы конкретныхъ рѣшеній. И, напр., практически, какъ мнѣ кажется, возможно выступленіе евразійцевъ за отдѣленіе Церкви отъ государства, понимая подъ этимъ отдѣленіемъ, однако, только освобожденіе Церкви отъ опеки государства, отъ вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла и попытокъ использованія Церкви для политическихъ цѣлей. Это охранило бы Церковь отъ возможности стать въ положеніе служанки государства. Признаніе возможности отдѣленія Церкви отъ государства отнюдь, однако же, не значитъ, что можно спокойно отнестись къ такимъ вопросамъ, какъ вопросы о преподаваніи Закона Божія въ школѣ (вообще — о церковно-религіозномъ воспитаніи молодежи!), о Священномъ Коронованіи на Царство, о признаніи государствомъ церковныхъ праздниковъ и т. п...

Народъ русскій — православный. Весь его бытъ тѣсно связанъ съ Православной вѣрой. Если отнять у народа молитву въ видѣ молебновъ, панихидъ, крестинъ, вѣнчаній, освященій домовъ, скота, плодовъ земныхъ, — тогда образуется зіяющая пустота въ душѣ народной и въ его быту. Русскій народъ и его величайшее твореніе — Держава Россійская — могутъ быть крѣпки только подъ кровомъ Церкви и на камнѣ Вѣры Православной. „Вырождается и пустѣетъ русское самосознаніе, теряя Православіе...“ „мертвѣетъ и Православіе, покидая русскую націю въ ея титаническихъ порывахъ къ творчеству...“ И мы хотимъ уподобиться мужу благоразумному, который строитъ домъ свой на камнѣ, чтобы буря не завалила

его. (Матѳ. 7, 24 — 25). Насъ печалитъ отсутствіе нравственной твердости и патріотизма въ верхнемъ слоѣ нашего культурнаго общества.

Въ наше время стремленія Католической церкви овладѣть духовно-русскимъ народомъ, воспользовавшись по своему обычаю его Смутой и бѣдами, необычайно усилились. Повторяются попытки 1570, 1613, 1708/9, 1812 и всѣхъ черныхъ лѣтъ нашей исторіи [1]). Римской епископіей мобилизованы о. о. іезуиты и пр. „ловцы" душъ человѣческихъ. И вотъ нѣкоторые русскіе люди, особенно представители петроградской знати, уже издавна воспитывавшіеся на иностранный ладъ и мало связанные съ подлинной русской стихіей, поддались соблазнамъ о. о. іезуитовъ и впали въ ересь, увѣровали въ непогрѣшимость папы. Слабодушные напрасно пытаются спастись отступничествомъ. Церковь Православная будетъ оплакивать заблудшихъ овецъ и молиться о просвѣтленіи ихъ разума и о возвращеніи ихъ въ лоно Православной Церкви. Тѣмъ крѣпче мы должны сомкнуться подъ Ея кровомъ, чтобы работать надъ возсозданіемъ русской культуры и государственности.

II. „Евразійцы зовутъ къ отказу слѣдовать „общечеловѣческой" западно-европейской культурѣ. Они зовутъ Россію къ культурному союзу съ „варварами" (вродѣ монголовъ, киргизовъ и др.)".

Этотъ упрекъ евразійцамъ приходится слышать наиболѣе часто. Несомнѣнно, что въ этомъ вопросѣ обнаруживается коренное расхожденіе евразійцевъ и ихъ оппонентовъ. Расхожденіе это въ данномъ случаѣ глубоко и касается не только оцѣнки европейской культуры. Евразійцы не считаютъ западно-европейскую культуру чѣмъ-то абсолютнымъ и всечеловѣческимъ. Западно-

[1]) Папскія попытки къ подчиненію Риму Православной Русской Церкви, какъ неизмѣнный сопроводитель каждаго русскаго національно-духовнаго несчастія, почти какъ эмблема или даже „символъ" такого несчастія — еще ждутъ связнаго и полнаго изображенія.

европейская культура, по ихъ мнѣнію, связана съ опредѣленнымъ мѣстомъ, временемъ, извѣстными условіями. Евразійцы думаютъ, что полное усвоеніе ея невозможно для народовъ, кровно не связанныхъ съ романогерманцами. „Теоріи, какъ итоги, выведенныя изъ прошедшаго разсудкомъ, правы всегда только въ отношеніи къ прошлому, на которое онѣ, какъ на жизнь, опираются, а прошедшее есть всегда только трупъ, покидаемый быстротекущей жизнью, трупъ, въ которомъ анатомія доберется до всего, кромѣ души. Теорія вывела изъ извѣстныхъ данныхъ извѣстные законы и хочетъ заставить насильственно жить всѣ послѣдующія, раскрывающіяся данныя по этимъ логически правильнымъ законамъ“ (Ап. Григорьевъ). — То, что сказано Ап. Григорьевымъ о жизни по теоріямъ, полностью можетъ быть отнесено къ заимствованію (или усвоенію) западно-европейской культуры иными народами. Души-то этой культуры, традицій и пр. усвоить нельзя. Этимъ не отрицается возможность и необходимость для насъ отдѣльныхъ частичныхъ заимствованій въ С.-Штатахъ С. А., Зап. Европѣ, Японіи. Но необходима осторожность и въ техническихъ заимствованіяхъ, — необходимъ учетъ нашихъ условій и данныхъ. Вспомнимъ, что творилось у насъ. Вѣдь около двухсотъ лѣтъ длилось наше идейное холопство по отношенію къ З. Европѣ. У нея брались идеи, моды, теоріи и т. д. Власть и русскій культурный слой хотѣли видѣть русскій народъ превращеннымъ то въ „англо-голландцевъ“, то во „французовъ“, то въ „нѣмцевъ“, то, наконецъ, просто въ „навозъ для западно-европейской культуры“ и для экспериментовъ (г. г. соціалисты). И тогда то у насъ образовалась привычка на каждый вопросъ, поставленный русской дѣйствительностью, искать готовый отвѣтъ въ теоріи, выработанной чужой мыслью на основаніи опытовъ чужой жизни. Безоглядное западничество заразило насъ всѣми болѣзнями запада — раціонализмомъ, позитивизмомъ, соціализмомъ и прочими „измами“. Однимъ изъ резуль-

татовъ этой заразы явились теперешніе соціалистическіе опыты, продѣлываемые надъ Россіей коммунистами, квинтъ-эссенціей русскаго западничества.

„Большевизмъ есть осуществленіе того соціализма и того господства рабочаго класса, о которомъ они (западно-европейцы) слышали такъ много умныхъ рѣчей, вѣщихъ прорицаній и соблазнительныхъ посуловъ... Идея захвата власти рабочимъ классомъ и насильственнаго введенія соціализма есть идея французскаго происхожденія“ (П. Б. Струве).

И въ увлеченіи „западомъ“ причина того, что всякій интеллигентъ — чиновникъ, помѣщикъ, землемѣръ, докторъ, и т. д., однимъ словомъ, всякій „баринъ“, соприкасаясь съ крестьянской массой, вызывалъ въ ней вражду, недовѣріе и презрительныя насмѣшки. Рѣчь „барина“ была для мужика смѣшна и непонятна. Жители Марса, вѣроятно, легче могли бы понимать жителей Сатурна, нежели понимали интеллигентъ и мужикъ другъ друга... Оправдывались слова В. О. Ключевскаго, что „западничество, это утрата пониманія живой русской дѣйствительности“. Вспомнимъ для наглядности тотъ культъ Европы и то пренебреженіе къ своему, въ которомъ нерѣдко воспитывали дѣтей родители и которое почти постоянно внушали молодежи въ школѣ преподаватели географіи, исторіи и др. наукъ, независимо отъ ихъ политическихъ воззрѣній.

Теперь, когда насъ бранятъ за отказъ отъ идеи „возвращенія Россіи въ семью европейскихъ народовъ“, за отказъ отъ идеи „новаго пріобщенія Россіи къ европейской культурѣ“, мы твердо говоримъ, что мы дѣйствительно отказываемся итти старымъ путемъ. Разверзшаяся бездна Черной Смуты является достаточнымъ предостереженіемъ отъ выхода на старый путь. Конечно, это можетъ быть непріятнымъ для тѣхъ, преклоннаго возраста, почитателей Западной Европы, которые десятки лѣтъ кряду ѣздили во Францію, Италію, Испанію, Германію,

Австрію и т. д. для отдыха и просто отъ скуки и понынѣ изъ всѣхъ странъ міра, только эти страны считаютъ стоющими признанья и вниманья. Такихъ лицъ, связавшихъ себя съ Западной Европой, мы въ достаточномъ количествѣ видимъ вокругъ себя. Имъ мы скажемъ: міровая духовная и политико-культурно-экономическая гегемонія Западной Европы кончилась вмѣстѣ съ міровой войной. Никакія стремленія, никакія мѣры не вернутъ Европѣ былого верховенства. Это надо признать независимо отъ того, нравится или не нравится такая перемѣна. Для мощнаго поступательнаго движенія Европа не можетъ служить прочной опорой. Она сама требуетъ матеріальныхъ и духовныхъ костылей. Географическая цѣлостность Евразіи, экономическія возможности будущаго Россійской Державы, родственность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ психологіи русскаго народа съ психологіей тюрко-монгольскихъ и нѣкоторыхъ другихъ „евразійскихъ“ народовъ, наше историческое прошлое и пр., однимъ словомъ, вся сумма нашихъ данныхъ и условій указываютъ на то, что намъ не слѣдъ быть привѣскомъ Франціи или Германіи (вообще Западной Европы!), но необходимо вернуться къ себѣ и начать строить храмину русской культуры, сообразно съ тѣми евразійскими данными, которыми мы обладаемъ Промысломъ Божіимъ. „Исходъ къ Востоку“ — это и есть возвратъ къ себѣ, но не походъ на востокъ за новыми заимствованіями „къ монголамъ и китайцамъ“, какъ пробуютъ острить г. г. оппоненты-западники. Г. г. остряки, видимо, весьма низкаго мнѣнія о нашей логичности. — Если мы тяготимся чуждымъ намъ европейскимъ мундиромъ, то почему будемъ напяливать на себя одѣяніе китайскаго мандарина? Будетъ ли въ нашемъ строительствѣ перевѣшивать „европеизмъ“ нашего сознанія, „азійство“ нашей души или „азіатчина“ характера, или они будутъ въ равновѣсіи, во всякомъ случаѣ, чтобъ они сочетались гармонически, — мы должны жить и творить, не отрываясь отъ своихъ корней. Объе-

динять насъ съ нашими сосѣдями „азіатами“ будетъ единая русская культура, органически выросшая въ нашихъ условіяхъ, и, прежде всего, ея первый продуктъ — *русская государственность*.

III. „Евразійцы поносятъ императорскій (петербургскій) періодъ русской исторіи и идеализуютъ до-петровскій періодъ“.

— Возражать евразійцамъ такъ — мнѣ кажется, — значитъ валить съ больной головы на здоровую. Въ нашемъ, какъ впрочемъ, я думаю, и каждаго русскаго патріота, отношеніи къ прошлому нужно различать двѣ стороны. Мы болѣемъ душой за ошибки власти и общества въ прошломъ, но „своихъ царей великихъ поминаемъ за ихъ добро, за славныя дѣянья“... Мы ясно чувствуемъ, что даже въ послѣднія десятилѣтія — среди идеологическаго упадка и духовнаго разложенія нашихъ правящихъ и интеллигентскихъ круговъ, въ Россіи были осуществлены великія достиженія въ области наукъ, искусствъ, техники и матеріальной культуры. Все это, — погребенное и полупогребенное нашей „великой“ революціей, казалось бы, давало намъ въ качествѣ познавательной, художественной, технической и матеріальной базы просторъ и возможность гордо и спокойно жить, работать и развиваться. И не эта база, но именно *духовное разложеніе* виною тому, что мы предавались самоуничиженію; настолько не понимали дѣйствительности, что возможно было возникновеніе фантастическихъ дѣтскихъ „плановъ о радикальномъ переустройствѣ Россіи на раціональныхъ началахъ“ (проектъ кружка „витмеровцевъ“). Въ нашемъ прошломъ можно насчитать безконечное количество фактовъ, которые можно было бы посчитать за анекдоты, если бы они не повлекли за собою нашу теперешнюю трагедію. Коснемся, напримѣръ, дѣла воспитанія юношества. Въ странѣ Царей и Самодержавія, подъ носомъ у попечителей круговъ, по одобреннымъ свыше учебникамъ, молодежь воспитывалась въ глубокомъ уваженіи и даже любви къ Аристо-

гитону, Демосѳену, Бруту и имъ подобнымъ. Между тѣмъ насколько я могу, въ моемъ ощущеніи реальности, воссоздать себѣ историческіе факты (простите, что рѣшаюсь на такое воссозданіе, при скромности моихъ историческихъ познаній) —: Аристогитонъ и его товарищъ убили изъ за угла братьевъ-диктаторовъ, обезпечивавшихъ странѣ взамѣнъ анархіи — миръ, законность и порядокъ. Убили ихъ по найму отъ партіи. Демосѳенъ, честолюбивый, но недальновидный интриганъ, боролся съ царемъ Филиппомъ Македонскимъ, который стремился объединить греческія земли, дать грекамъ миръ и спокойствіе и усилить ихъ въ борьбѣ съ Востокомъ. Брутъ убилъ своего воспитателя и опекуна, великаго Императора и Властодержца Цезаря, проявившаго необыкновенное величіе и благородство даже въ смертный часъ. Брутъ — борецъ противъ единодержавія, тупой и недалекій политикъ, отнялъ у народа геніальнаго правителя и ввергъ народъ въ бѣды междуусобія Въ школѣ у насъ всѣ эти бунтари и убійцы обрисовывались какъ герои, совершившіе величайшій въ исторіи человѣчества подвигъ. Второй примѣръ, еще болѣе разительный. Въ нашихъ школахъ открыто проповѣдывался культъ „великой французской революціи“, [1]) а съ ней заодно и всѣхъ революцій. Революція вообще обрисовывалась, какъ панацея отъ всѣхъ золъ. Творить новую жизнь можно де только революціоннымъ путемъ. Впасть въ революціонное состояніе, нирвану нашихъ временъ, было свѣтлой мечтой почти всѣхъ нашихъ преподавателей исторіи. Стремленіе дожить до роволюціи, погрузиться въ нее и быть счастливыми, вотъ что вбивалось, какъ идеалъ, въ головы 15—16-ти лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Что особенно любопытно, даже

[1]) Интересно, что французскими историками всегда указывалась оборотная сторона медали — страшныя бѣды этой смуты. Фактически, только преодолѣніе революціи оплодотворило ее (творчество Наполеона). Историки послѣднихъ временъ (Тэнъ, Вандаль, Стурмъ и др.) считаютъ, что революція подорвала силу Франціи, что она имѣла больше минусовъ, чѣмъ плюсовъ. Наши преподаватели тѣневыя стороны замалчивали.

конца для революціи не предусматривалось (по черновски — углубляться, углубляться и углубляться въ революцію). Такія явленія нашего прошлаго, какъ романтическая идеализація революціи, (дѣйствительно, всеблаженное состояніе!) есть мелочь. Были болѣе крупныя ошибки общества и власти въ нашемъ прошломъ. Они не могутъ быть предметомъ нашего восхищенія. Но, критикуя ошибки въ прошломъ, евразійцы стремятся дѣлать это бережно и осмотрительно, памятуя, во-первыхъ, что не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, во-вторыхъ, что неумѣлой критикой можно повредить будущему. „Мы слишкомъ безоглядно критиковали и порочили передъ иностранцами свою страну. Мы болѣе, чѣмъ недостаточно бережно, относились къ ея достоинству, къ ея историческому прошлому“ (П. Б. Струве). Такое отношеніе къ своей исторіи повлекло укорененіе неуваженія къ себѣ въ русскомъ народѣ и развило чувство неувѣренности въ своихъ способностяхъ и силахъ. Несмотря на прекрасную умственную и духовную одаренность, русскій народъ претерпѣлъ въ своемъ развитіи больше несчастій, потрясеній и катастрофъ, чѣмъ какой-либо другой народъ. Одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ нашихъ бѣдъ — это неуваженіе къ себѣ, неувѣренность въ своихъ силахъ и съ ними связанное слабоволіе.

Объ идеализаціи евразійцами до-петровскаго періода нашей исторіи не приходится долго говорить. Несомнѣнно, что Россія временъ царя Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Софіи Алексѣевны представляла собой болѣе здоровый государственный и національный организмъ, нежели при преемникахъ Петра Великаго (послѣ того, какъ произошелъ нравственный расколъ между верхами и низами народа), и развивалась она до Петра Великаго нормальнѣе, чѣмъ послѣ него. Но эти примѣры для евразійцевъ могутъ являться самое большее нѣкоторой аналогіей и отдаленнымъ прообразомъ для будущаго строительства, ибо времена и условія явно несравнимы.

IV. „Евразійцы націоналъ-большевики. — Евразійцы-антисемиты".

Мы націоналисты, это вѣрно, самые откровенные русскіе націоналисты. Конечно, мы далеки отъ страннаго націонализма тѣхъ русскихъ, которые удивительно страстно защищали всѣ національныя движенія, направленныя противъ русскаго націонализма (П. Н. Милюковъ). Еще далѣе мы стоимъ отъ учредителей десятковъ „республикъ" (вплоть до еврейской — со столицей въ Минскѣ) на территоріи Россійской Державы и искоренителей одного только націонализма русскаго. — „Россію погубила безнаціональность интеллигенціи, единственный въ міровой исторіи случай — забвенія національной идеи мозгомъ націи" (П. Б. Струве). Евразійцы, будучи русскими націоналистами, не раздѣляютъ воззрѣнія, по которому хранителями національной идеи являются народныя массы. Носителемъ національнаго начала должна быть (и нормально была) интеллигенція. Національно крѣпкій и одаренный профессоръ или студентъ, въ извѣстномъ смыслѣ, стоитъ губерніи. Всѣ отвлеченныя мечты и мистическія грезы о народныхъ массахъ, какъ первомъ двигателѣ и самостоятельномъ дѣйствователѣ, должны быть впредь русской интеллигенціей оставлены. Слѣдуетъ понимать реальное теченіе исторіи; масса, сама по себѣ, равнодушна и бездѣйственна; чтобы она стала иною, долженъ быть данъ толчокъ отъ многочисленныхъ, но вѣрящихъ и волящихъ личностей. Горячіе и одаренные патріоты, всегда, по необходимости, немногочисленные — суть подлинные „а в т о р ы и с т о р і и", — некоронованные водители націи, въ ихъ качествѣ носителей національной идеи. Этимъ не отрицается наличіе въ сознаніи массъ національнаго инстинкта[1]); но это именно „инстинктъ", идея и чувство, въ скрытомъ, свернутомъ со-

[1]) Только этимъ наличіемъ обусловливается фактъ сохраненія массами національнаго облика при многолѣтнемъ владычествѣ или возглавленіи націи инородцами.

стояніи; болѣе того, этимъ не отрицается, что національный инстинктъ массъ имѣетъ опредѣленное содержаніе; именно поэтому не всякая идея, имѣющая „національный характеръ", — способна стать „идеей-правительницей" (см. статью „Подданство идеи"), но только та, которая указываетъ и отвѣчаетъ содержанію національно-массоваго инстинкта. Но инстинктъ въ „идею-правительницу" превращаетъ духовная дѣятельность интеллигенціи — хотя бы ея представители и выходили, какъ это сплошь и рядомъ случается — изъ самой гущи народа... Въ огромной необъятной Россіи націонализмъ трудно усвояемъ и постижимъ. Русскій народъ состоитъ изъ массы мѣстныхъ горячихъ патріотовъ: уральцевъ, терцевъ, украинцевъ, донцовъ, сибиряковъ и т. д.; русскій патріотизмъ въ народныхъ массахъ слабо теплится и изрѣдка разгорается. Стойкіе и постоянные всероссійскіе патріоты — это горсточка интеллигенціи и служилыхъ людей, абсолютно значительная, но относительно теряющаяся въ морѣ остального населенія. И тѣмъ болѣе трагически, что значительная часть этой горсточки къ началу XX вѣка утратила или не пріобрѣла обостреннаго національнаго чувства. Въ результатѣ „на Москвѣ" оказался 3-ій Интернаціоналъ. Но и этотъ жестокій опытъ многихъ не исцѣлилъ, и еще недавно въ Прагѣ мы слышали слова (П. Н. Милюковъ): „мы хотимъ быть національными безъ націонализма" .., „можно быть національными безъ стараго „вѣхизма" и безъ новаго „евразійства". — Мы, евразійцы, полагаемъ, что безъ „вѣхизма" и „евразійства" могутъ обойтись только политическіе мертвецы.

— Итакъ, мы націоналисты. Но въ чемъ нашъ „націоналъ-большевизмъ", по совѣсти сказать, я не могу понять. По нашему разумѣнію само опредѣленіе „націоналъ-большевизмъ" есть contradictio in adjecto. Интернаціонализмъ, конечно, можетъ въ тактическихъ цѣляхъ пользоваться національнымъ движеніемъ, но принципіально съ

послѣднимъ не совмѣстимъ. Какимъ образомъ можно совмѣщать большевизмъ (— соціализмъ — интернаціонализмъ) съ русскимъ національнымъ есть для насъ такая же загадка, какъ и для всякаго другого мыслящаго русскаго патріота...

На другомъ предѣлѣ выплываетъ вопросъ объ антисемитизмѣ евразійства. Съ такимъ же правомъ, даже большимъ, евразійцевъ можно назвать анти-романцами, анти-германцами, анти-англосаксами и прочими „анти". Однако и это было бы не точно. Ксенофобіи, какъ принципа, евразійцы не придерживаются. Правда мы не питаемъ особой склонности къ европейцамъ, но это только потому, что европейцы сами не хотятъ, чтобы мы ихъ любили. И правительство, и общество Англіи, Франціи, Италіи и пр. являются поразительными невѣждами въ русской жизни и исторіи. Россійская Держава и русскій народъ интересовали романо-германцевъ только съ точки зрѣнія наживы и барышей. Теперь каждый эмигрантъ, побывавшій въ не-славянскихъ странахъ Западной и Средней Европы, это пренебреженіе и невѣжество знаетъ хорошо. Помимо того, у многихъ романо-германскихъ народовъ наблюдается вѣковая необоснованная враждебность къ русскому народу, легко прорывающаяся у нихъ при первомъ обостреніи политическихъ отношеній между правительствами. Наша пламенная всепобѣждающая любовь къ Западной Европѣ была несомнѣнно нераздѣленной односторонней страстью. Много этому способствовало наше собственное презрѣніе къ всему своему. Надо надѣяться, что теперь русскій интеллигентъ излѣчится отъ своего пристрастія ко всему нерусскому. Не страдаемъ этимъ пристрастіемъ и мы. Но это не значитъ, что мы повинны въ ненависти ко всему иностранному. То же можно сказать о нашемъ „антисемитизмѣ". Мы дѣйствительно расходимся въ одномъ вопросѣ съ большинствомъ еврейскаго общества. Расходимся мы съ нимъ въ оцѣнкѣ нашей смуты. Для

большинства еврейскаго народа и поголовно для всей еврейской молодежи русская революція есть „Великая“, давшая имъ все, даже господствующее положеніе въ средѣ существующей революціонной россійской власти, о чемъ передъ революціей ни одинъ еврей въ мірѣ серьезно думать не могъ. Евреи пріемлютъ „Великую“ со всѣми ея онерами и являются ея цементомъ. Это признаютъ, предостерегая еврейскій народъ, наиболѣе дальновидные представители еврейской интеллигенціи (Ландау, Бикерманъ, Бруцкусъ, Мандель). Для насъ же революція есть, прежде всего, Черная Смута, подобная чумѣ въ соединеніи съ самыми страшными стихійными бѣдствіями. Если мы признаемъ революцію „необходимой“, то только въ смыслѣ исторической необходимости, въ томъ смыслѣ, что при извѣстныхъ условіяхъ разложенія исторической власти ея не могло не быть. И если мы „пріемлемъ“ ее, то какъ всякій историческій фактъ, который, разъ онъ произошелъ, — нельзя устранить и съ которымъ практически нужно считаться. Но самъ по себѣ процессъ революціи есть разрушительный и злой. Отсюда ясно, что къ инородцамъ-углубителямъ Русской Смуты и пріемлющимъ ее, какъ „великую Нирвану“ (въ томъ числѣ и къ евреямъ), довѣріемъ и любовью пылать не можемъ. Но въ отношеніи къ еврейству есть и другая сторона. Каждый вѣрующій помнитъ, какое религіозное значеніе и смыслъ имѣетъ исторія еврейскаго народа. И въ русской революціи, помимо эмпирической стороны въ соотношеніяхъ русскаго и еврейскаго народовъ, — есть и другая сторона, таинственная и страшная, какія-то притяженія и отталкиванія, которыя въ настоящій моментъ сплели оба народа въ тѣсный клубокъ... И то, что мы понимаемъ сложность рождающихся отсюда вопросовъ (какъ размотать этотъ клубокъ?) вѣрнѣе, чѣмъ что другое страхуетъ насъ, какъ мнѣ кажется, отъ сниженія этого пониманія до степени вульгарнаго антисемитизма. Тѣмъ менѣе мы являемся врагами всѣхъ инородцевъ. Наоборотъ, мы по-

лагаемъ, что разумно понятый національнзмъ меньшихъ народовъ не устраняетъ, но наоборотъ требуетъ ихъ участія въ болѣе широкой великодержавной русской государственности. Русская государственность обезпечитъ болѣе успѣшное развитіе меньшимъ народамъ, какъ грузины, эсты, латыши и др. Предоставленіе областямъ — въ самыхъ широкихъ предѣлахъ — права управлять мѣстными дѣлами лишь упрочитъ ихъ привязанность къ Державѣ Россійской. Но мы далеки отъ воззрѣній тѣхъ, кто заявляетъ, что стоитъ „на точкѣ зрѣнія федеративнаго объединенія по принципу добровольнаго (??) соглашенія входящихъ (Sic!) въ составъ Россіи отдѣльныхъ національностей". — Ну, а если азербейджанскіе татары пожелаютъ видѣть Баку самостоятельнымъ и таможенно-политически изолировать его отъ Россіи? а эсты „добровольно согласятся стать „dominion of the United Kingdom" и сдѣлать Ревель базой англійскаго флота? Тогда что? Съ нашей русской точки зрѣнія это невиданное въ мірѣ „добровольное" объединеніе является вредной мечтой. Увы, въ этомъ мірѣ безъ принужденія не обойдется. Но принужденіе это должно быть не мелко-себялюбивымъ и произвольно-необоснованнымъ, но о р г а н и ч е с к и м ъ принужденіемъ — со стороны великаго хозяйственно-политическаго цѣлаго, въ отношеніи къ своей части: послѣдняя принудительно несетъ выпадающую на ея долю функцію, для поддержанія жизни и развитія всего цѣлаго и ея самой...

Мы думаемъ, что подлинная національная русская власть должна руководствоваться русскими интересами и не обязана считаться съ тѣмъ, пожелаютъ ли татары чтобы бакинская нефть шла въ Россію, или эсты, чтобы Ревель былъ русскимъ портомъ... Но это отнюдь не означаетъ, что меньшимъ народамъ угрожаетъ угнетеніе; наоборотъ, именно потому, что Россія имѣетъ всѣ данныя быть сильной — она можетъ, при обезпеченіи жизненныхъ предусловій своего державно-хозяйственнаго бытія, пре-

доставить меньшимъ народамъ — наибольшую свободу при наименьшемъ обремененіи государственными тяготами. Предносящійся евразійцамъ національный строй Державы Россійской есть строй свободы на основѣ мощи.

V. „Евразійцы ослабляютъ напряженіе національнаго русскаго духа подмѣной слова „русскій“ странно подозрительнымъ словомъ „евразіецъ“.

Слова „Евразія“, „евразіецъ“ раздражаютъ многихъ. Вполнѣ понимаю негодованіе нашихъ закоренѣлыхъ, преклоннаго возраста, принципіально-бытовыхъ западниковъ. Они чувствуютъ какую то угрозу въ словѣ „Евразія“. Ни „малая“, ни „великая“ смуты не переубѣдили ихъ неисправимаго западничества. Ихъ нельзя заинтересовать ни воздухомъ, ни красотами Кавказа, Туркестана, русскихъ „ривьеръ“ и другихъ жемчужинъ Русской Державы, ни, тѣмъ болѣе, кузнецкимъ углемъ, уральской рудой, ухтенской нефтью и пр. неиспользованными богатствами Евразіи. Они будутъ отмирать западниками, безславно закончивъ періодъ некритическаго русскаго западничества и заимствованій, и уступая, надо надѣяться, мѣсто творческой молодой реакціи. Но я долженъ сказать, меня удивляетъ нѣкоторое раздраженіе и недовольство евразійствомъ, высказываемое людьми національно настроенными и государственно мыслящими. Евразійцы не знаютъ какого то особаго „евразійскаго“ національнизма и ничѣмъ не подмѣняютъ Родины-Россіи, русскаго имени и русскаго національнизма. Они отрицаютъ интернаціонализмъ во всѣхъ его видахъ и потому не могутъ употреблять слово „евразіецъ“ съ какимъ бы то ни было интернаціональнымъ (или національнымъ) привкусомъ и смысломъ. „Евразійство“ это лозунгъ для Россіи итти новыми путями къ „новой жизни и старой мощи“. „Евразія“ — это значитъ: Россія должна жить сама по себѣ, довлѣть сама себѣ, сама должна являться свѣтомъ для себя.

Экономически мы можемъ быть сильнѣе, нежели были передъ войной и должны стать таковыми. Мы должны перестать быть придаткомъ въ экономической системѣ нѣмецкаго или иного чуждаго народнаго хозяйства. Нынѣшнія условія могутъ быть благопріятны для нашего экономическаго возстановленія и расцвѣта. Тутъ имѣетъ значеніе цѣлый рядъ обстоятельствъ міровой хозяйственной обстановки. Первое, С.-Штаты постепенно усиливаютъ преграды для западно-европейской иммиграціи; второе, С.-Штаты обладаютъ свободными производительными капиталами; третье, Западная Европа имѣетъ въ наличіи большіе кадры рабочихъ, готовыхъ эмигрировать, большіе кадры высоко-квалифицированныхъ „спецовъ“ всѣхъ категорій и, что не менѣе важно, имѣетъ въ наличіи инціативный классъ предпринимателей, промышленниковъ и торговцевъ, ищущихъ приложенія своей энергіи и средствъ; четвертое, Россія владѣетъ большими природными богатствами, не использованными или использованными въ малой степени, и землями, годными для колонизаціи. Въ смыслѣ техническомъ въ этой обстановкѣ, „американизація“ Россіи возможна и желательна, но она требуетъ сознательной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи. Однако, мы должны охранить себя отъ „психологической американизаціи“, при которой техника и матеріальныя блага получаютъ перевѣсъ надо всѣмъ остальнымъ и погоня за наживой становится единственной двигающей пружиной — частной и общественной жизни. Техническая американизація Россіи при использованіи техническихъ знаній, средствъ и силъ иностранцевъ желательна только при томъ условіи, если одновременно съ этимъ руководящіе круги Россіи будутъ проникнуты истиннымъ національнымомъ и будутъ имѣть твердый религіозный упоръ. Если же русская интеллигенція будетъ по прежнему западо-поклоннической и неправославной, „американизація“ превратится въ грозную національную опасность. Скрѣпить сѣверъ и югъ, во-

стокъ и западъ Россійской Державы культурно-экономическими скрѣпами, оплести хозяйственными узлами, которыхъ не разрубили бы никакіе мечи — вотъ о чемъ мечтаетъ и на что посильно работаетъ евразійство. Петроградъ, какъ столица Россіи, для выполненія этой задачи не годится. Петроградъ сыгралъ свою большую роль въ прошломъ, однако, закончилъ ее позорно и безславно. Теперь Петроградъ долженъ получить иное, болѣе скромное заданіе въ хозяйственной и политической жизни Россійской Державы. Онъ будетъ главнымъ русскимъ портомъ на Балтійскомъ морѣ и сѣвернымъ, весьма рафинированнымъ! — центромъ русской культуры. Такая роль для Петрограда не по вкусу нашимъ западникамъ и бѣлымъ интернаціоналистамъ. Они мечтаютъ о воскрешеніи „Петербурга“, (именно, „Петербурга“, а не Петрограда!) въ его значеніи всероссійскаго руководящаго центра — первой столицы. Мы думаемъ, что это невозможно, да и не желательно.

Для евразійцевъ Петроградъ въ роли столицы (да еще Петербургъ...) является символомъ прошлаго увлеченія Европой, ея интересами, ея мыслями, ея раціонализмомъ, соціализмомъ и пр. болѣзнями, — символомъ пренебреженія къ родной странѣ и отказа отъ ея познанія. „Окно въ Европу“, продѣланное Великимъ „Отцомъ Отечества“, его маленькіе потомки превратили въ проломъ цѣлой стѣны. Невозможно съ успѣхомъ управлять Россійской Державой изъ Петрограда и скрѣпить ея зданіе, построенное на огромной своеобразно-евразійской площади и обитаемое разноплеменнымъ населеніемъ. Однако, евразійцы твердо знаютъ и помнятъ, что русская государственность слагалась не на берегахъ Чернаго Иртыша или Оби и думаютъ, что Москва безспорно является единственно-возможнымъ всероссійскимъ руководящимъ центромъ. Тѣмъ болѣе, что теперь приходится вновь воскрешать священныя московскія традиціи „собиранія земель“. Въ противовѣсъ же иностраннымъ происканъ, для скрѣпленія связей Рос-

сійской Державы и усиленія русскаго государственнаго чувства на югѣ необходимо второй столицей объявить „мать городовъ русскихъ“ — Кіевъ. Помимо всего прочаго, нахожденіе второй русской столицы и важнѣйшаго культурнаго центра въ Кіевѣ будетъ побуждать къ твердому овладѣнію и использованію всѣхъ природныхъ данныхъ юга, что само по себѣ отклонитъ отъ бывшихъ свойственными и привычными „Петербургу“ поисковъ журавлей за моремъ. Этотъ „исходъ“ къ югу и „поворотъ къ востоку“ не означаетъ отказа отъ „окна въ Европу“. Но это окно будетъ использовано какъ окно, а не какъ проломъ, въ который можетъ попадать къ намъ всякая нечисть. Двери же у насъ широкія на востокѣ и на югѣ. Мы должны для своего будущаго укрѣпить свои политическія, экономическія и культурныя позиціи на ближнемъ, среднемъ и дальнемъ востокѣ. Безъ изученія своихъ окраинъ и безъ культурнаго общенія съ міромъ монгольско-тюркскимъ и иными, при увлеченіи прелестями запада, такая задача по глубокому убѣжденію евразійцевъ, не выполнима.

VI. „Евразійцы — реакціонеры“.

Еще недавно — подобный упрекъ въ „реакціонности“ былъ убійственнымъ и неотразимымъ. Теперь же онъ внѣшне можетъ быть пугаетъ, но внутренно не дѣлается отъ него страшно. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время понятіе „реакціонности“ совершенно не дѣйственно, такъ какъ демократизмъ, народоправство, парламентаризмъ и соціализмъ — теперь сильно дискредитованы и переживаютъ не только кризисъ, но нѣчто большее. Жизнь повсюду стремится найти какіе-то новые пути внѣ оффиціальнаго демократизма и соціализма (Италія — фашизмъ, идущій изъ низовъ, Испанія — фашизмъ — сверху) и „охранителями“ или „реакціонерами“, т. е. людьми, стремящимися задержать естественный ходъ развитія и наступленіе новой эпохи, являются теперь не противники, а сторонники оффиціальнаго демократизма и соціализма. Къ охраните-

лямъ и мракобѣсамъ этого типа мы себя не причисляемъ, ибо безусловно свободны отъ нарочитой приверженности къ „прямому народовластію“ и соціализму. Здѣсь не мѣсто для изложенія опредѣленной политической программы, для которой и время еще не приспѣло и которую трудно и даже невозможно создать, находясь внѣ родной стихіи. Но нѣсколько мыслей о политическихъ и другихъ вопросахъ, мнѣ хотѣлось бы высказать здѣсь.

Оговорюсь, евразійцы не считаютъ ни смертнымъ, ни простымъ грѣхомъ хорошія заимствованія не только въ техникѣ, но и въ мірѣ движущихъ силъ — идей. Взята-ли соціальная, политическая или экономическая идея у консерваторовъ, или у радикаловъ, или же наша идея совпадаетъ съ идеей чуждой намъ среды, — для евразійцевъ это безразлично, поскольку эта идея не богопротивна и не пагубна для души и жизни народа. Евразійцы не сторонники предвзятости. Поэтому упреки только въ заимствованіи не считаются евразійцами вообще дѣльными и серьезными. Мы позволимъ себѣ коснуться вопроса о пропорціональномъ представительствѣ и нѣкоторомъ иномъ „активѣ“ патентованной демократіи. Евразійцы думаютъ, что „всенародное“ безымянное представительство съ большей пользой для каждаго государства можетъ быть замѣнено профессіонально-групповымъ представительствомъ опредѣленныхъ реальныхъ интересовъ. Къ этому толкаетъ сама жизнь: всюду идетъ фактическое вытѣсненіе „общенароднаго“ представительства партійнымъ, при чемъ партіи пока уродливо, но все же наглядно становятся выявителями интересовъ опредѣленныхъ профессій и классовъ, сохраняя только номинально „общенародный“ характеръ. Это, съ одной стороны — подтверждается прикрѣпленіемъ мандатовъ къ партіямъ, а не къ личности, пропорціональностью представительства, а съ другой — и современнымъ дробленіемъ партій на экономической почвѣ. — Что касается государственнаго строя Россійской Державы, мы думаемъ, что вообще основы

его должны быть органически связаны съ нашими условіями; иначе мы не будемъ имѣть крѣпкаго, устойчиваго государственнаго строя. Наши мозги не перевариваютъ „демократической“ теоріи „прямого народоправства“, и логикой ея защитниковъ мы не владѣемъ. Поэтому, если по словамъ этихъ защитниковъ „для Россіи хрупкій механизмъ парламентарной монархіи не годится“, то мы думаемъ, тѣмъ болѣе не годится для нея предлагаемый ими „республиканско-демократическій“ строй (П. Н. Милюковъ). Въ Россіи это европейское измышленіе дастъ уродливые плоды. Нечего грѣха таить, евразійцы берутъ подъ сомнѣніе все, носящее печать патентованной демократіи. Мы думаемъ, что къ творчеству, созиданію и саморуководству народныя массы, какъ таковыя, не способны. Когда человѣкъ ежедневно и ежечасно рѣшаетъ большинство жизнью выдвигаемыхъ вопросовъ подъ угломъ зрѣнія личной выгоды, трудно допустить, чтобы онъ могъ отрѣшиться отъ такого угла зрѣнія при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Интеллигентъ постепенно можетъ прійти къ выводу — „благо государства да будетъ высшимъ закономъ“, но массы народныя — никогда. Поэтому „прямое народоправство“ и „демократія“ въ этомъ же смыслѣ являются для евразійцевъ горшимъ изъ золъ, ведущимъ въ конечномъ счетѣ къ разложенію, распаду и общему упадку. Править можетъ и должно только культурное, сознательное, идейное меньшинство. Для участія въ дѣлѣ правленія необходима спеціальная склонность, одареніе, опредѣленные навыки, традиція и пребываніе въ атмосферѣ, насыщенной вопросами о государственномъ благѣ. Иначе получается курьезъ: отъ конюха требуются извѣстныя знанія и опытъ, отъ претендентовъ на управленіе страной ничего не требуется кромѣ принадлежности къ партіи. При такомъ положеніи какой-нибудь захудалый пензенскій или одесскій адвокатъ можетъ быть избранъ представителемъ вологодскихъ крестьянъ (прямое народоправство...) и занимать послѣ постъ, скажемъ, во-

еннаго министра. Это меньшее изъ золъ. При болѣе послѣдовательномъ проведеніи „прямого народоправства“ — угрожаетъ закрытіе существующихъ академій и университетовъ за ненадобностью... Примѣры современной „демократіи“ подтверждаютъ нашъ тезисъ. Фактически и въ демократическихъ партіяхъ вожаки никогда не избираются, и строй любой демократической партіи является живымъ отрицаніемъ ея принциповъ и лозунговъ. И то, что высокій уровень культурной жизни оказался, (другой вопросъ — на долго ли?), совмѣстимымъ съ офиціальнымъ провозглашеніемъ демократическихъ лозунговъ, въ значительной мѣрѣ находитъ себѣ объясненіе въ подобномъ „отрицаніи дѣломъ“. Говорятъ, что „демократія“ теперь переживаетъ „сумерки“ (предвѣстникъ ночи). Необходимо сказать, что кромѣ вышеуказанной, есть и другія причины наступленія „сумерекъ“ для „демократіи“. Причина эта кроется въ томъ, что практически у специфическихъ „демократовъ“ идеи родины и націи замѣнены партійностью. Поэтому люди глубоко демократичные въ своей сущности, но „горячіе“ въ вопросахъ національныхъ, рѣзко отмежевываются отъ патентованной демократіи, скажемъ русскими примѣрами — типа Керенскаго, Чернова и др. Мы не думаемъ, чтобы государственный строй Россіи могъ быть строемъ „демократическимъ“, въ смыслѣ патентованной демократіи; но, упаси Боже, чтобы строй этотъ былъ столь же оторваннымъ отъ жизни, отъ психологіи и потребностей массъ, какъ старый порядокъ въ послѣдніе годы своего существованія. Мы сказали бы такъ: не будучи „демократическимъ“ (народоправственнымъ), государственный строй Россіи долженъ быть „демотическимъ“ (народнымъ): въ томъ смыслѣ, что власть должна просто „знать свою публику“, находиться въ постоянномъ соприкосновеніи съ настроеніями народныхъ массъ, широко и послѣдовательно итти навстрѣчу ихъ потребностямъ, опираться на моральную поддержку народа. Всѣ государственныя цѣли — и въ томъ числѣ

цѣли общаго благосостоянія — технически во много разъ совершеннѣе разрѣшимы и можетъ быть единственно разрѣшимы въ условіяхъ правленія культурнаго, сознательнаго и идейнаго меньшинства... Здѣсь возникаетъ вопросъ о наличіи того слоя населенія, который былъ бы хранителемъ государственной и національной идеи и откуда пополнялся бы правящій кругъ. Къ великому несчастію, Россія передъ революціей страдала недостаткомъ людей въ пополненіи высшей и средней администраціи. Было какое-то безлюдье. Послѣ революціи вопросъ этотъ стоитъ и встанетъ съ небывалой остротой и отъ разрѣшенія его зависитъ вопросъ благополучнаго существованія Державы Россійской. Намъ необходимъ слой населенія, не мягкотѣлый и не безвольный, не страдающій склонностью къ мечтаніямъ и способностью къ быстрымъ разочарованіямъ, но жесткій, твердый, національно-эгоистичный, съ сильнымъ вкусомъ къ власти. Онъ и явится носителемъ государственной идеи и сильной національной воли...

Въ настоящее время мы всѣ переживаемъ періодъ общаго пересмотра корней и основъ нашей идеологіи. Многое изъ того, что я здѣсь говорю, уже взвѣшено, исчислено и стало избитой истиной. Однако не все оно пріемлется и цѣлостно усваивается. Повидимому, логика безсильна въ дѣлахъ вѣры и только мораль и чувство побуждаютъ здѣсь къ тѣмъ или инымъ рѣшеніямъ. Эти чувства у насъ не должны быть преходящимъ порывомъ, но высокимъ напряженіемъ, которое будетъ крушить все на пути и отъ препонъ усиливаться. Такое напряженіе передастся и въ нашу хозяйственно-культурную дѣятельность заграницей, а потомъ и дома, когда подъ нами будетъ родная почва, открытая для широкой дѣятельности. Основой нашей жизни должна стать экономическая самодѣятельность, подлинное широкое призваніе „народа“, народныхъ массъ и рядовыхъ людей, въ противоположность гораздо болѣе трудному и рѣдкому (какъ упоминалось выше!) призванію къ идеологической и исторической

самодѣятельности. Наличіе экономической свободы, основы всѣхъ прочихъ свободъ, является необходимымъ условіемъ для расцвѣта нашего народнаго хозяйства. Гнетъ государственной хозяйственной опеки долженъ быть устраненъ. Этимъ не отрицается право и обязанность вмѣшательства, въ опредѣленныхъ случахъ, со стороны государства въ хозяйственныя отношенія (охрана труда, таможенный протекціонизмъ). Можно думать, что при измѣненіи политическихъ условій (уходъ коммунистовъ и вообще соціалистовъ отъ власти), экономическое возрожденіе Россіи не заставитъ себя ждать. Надо правду сказать, смертный грѣхъ борьбы съ матеріальной культурой можно скорѣе всего приписать русской дореволюціонной экономической и неэкономической литературѣ. Въ ней односторонне прославлялся физическій трудъ, „трудовой" доходъ и т. п. Частная предпріимчивость и хозяйственное творчество опорачивались, какъ „эксплоатація", „кулачество". Причина несочувствія хозяйственному творчеству крылась въ отвращеніи къ „капиталу", а безъ него современное даже „трудовое" хозяйство не мыслимо. „Капиталъ" былъ какимъ то ужаснымъ жупеломъ, и представители его не могли расчитывать не только на почетное мѣсто въ обществѣ, но вообще не встрѣчали сочувствія въ своихъ начинаніяхъ и были окружены враждебной атмосферой. Такая постановка вопроса внѣдряла въ головы рабочихъ пессимизмъ и вѣчное безпокойство, лишало ихъ радостности во взглядѣ на жизнь. Дѣйствительно, положеніе обрисовывалось для рабочихъ ужаснымъ: быть всегда въ распоряженіи врага-эксплоататора. Рабочіе утрачивали вѣру въ свои силы и способности, были лишены идеала жизненнаго подъема (не становится же самому „эксплоататоромъ"?), искали спасенія въ стадности и физической силѣ стада. Подобное умонастроеніе задерживало и задерживаетъ успѣхи матеріальной культуры и подрываетъ основы духовной культуры, внося въ нее вмѣсто духа любви, товарищества

и довѣрія — духъ зависти, ненависти и постоянной злобности. Нужно надѣяться, что все произошедшее откроетъ и въ Россіи глаза на истинное значеніе личнаго хозяйственнаго творчества и частной иниціативы, устранитъ взглядъ на всякое подлинно успѣшное хозяйствованіе, какъ на нѣкое „прегрѣшеніе". — Сильный побудитель къ экономическому возстановленію заключается, между прочимъ, въ возможности сравненія прошлаго и настоящаго, — состоянія современнаго и довоеннаго. Эта возможность сравненія для насъ не исчезнетъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Новые города, новыя желѣзныя дороги, новыя фабрики и т. д. будутъ выстроены. Но „мы русскіе должны не выстраивать новые города на мѣстѣ прежнихъ, а совершить нѣчто гораздо болѣе трудное и великое: воссоздать разрушенную храмину народнаго духа, воскресить поверженный и поруганный образъ Родины-Матери, вынашенный въ душахъ безчисленныхъ поколѣній благочестивыхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи" (П. Б. Струве). Эта задача труднѣйшая. Великодержавная исторія Россіи уже вѣка не знала посягательствъ на русскія національныя цѣнности и особенности. Это обстоятельство плюсъ увлеченіе „западомъ" ослабило національное сознаніе русской интеллигенціи въ ея массѣ, разложило ея душу, обезличило ея типъ. Массы народныя были безъ идейнаго національнаго и культурнаго руководства и остались сырымъ матеріаломъ. Длительное пребываніе у власти интернаціоналистовъ грозитъ поставить трудно одолимыя преграды къ возсозданію подорваннаго народнаго духа. Здѣсь каждый день пребыванія у власти соціалистовъ усугубляетъ растлѣніе подростающихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, въ мірѣ духа мы не имѣемъ того побудителя, какой имѣемъ въ области матеріальной культуры, т. е. возможности сравнивать нынѣшнее и недавнее прошлое. Традицій творческаго здороваго націонализма въ нашемъ культурномъ слоѣ мало и онѣ слабы, связи этого слоя съ народными массами слабы, авторитетъ малъ. Единственно,

что насъ связываетъ съ народомъ и что народъ сохранилъ, — это Вѣра Православная. Мы думаемъ, что духа русскаго народа внѣ Вѣры Православной возсоздать нельзя. Россія безъ Православія не мыслима — и въ Немъ почерпнетъ творческій духъ: ибо „сокроешь Лице Твое Господи, смущаются, возмешь отъ нихъ духъ — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь Духъ Свой — созидаютъ и обновляютъ лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки".

Яковъ Садовскій

Ростоки у Праги.
1923 года 20 сентября.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Вступленіе 5

Подданство идеи. Петра Савицкаго 9

У дверей (Реакція? Революція?). Кн. Н. С. Трубецкого 18

Къ преодолѣнію революціи. П. П. Сувчинскаго 30

Живые камни. Николая Арсеньева 52

Подвигъ власти (Опытъ по исторіи государственныхъ идеаловъ Россіи). Мстислава Шахматова 55

Инобытіе русской религіозности. П. П. Сувчинскаго 81

Вавилонская башня и смѣшеніе языковъ Кн. Н. С. Трубецкого 107

Производительныя силы Россіи. Петра Савицкаго 125

Оппонентамъ евразійства (Письмо въ редакцію). Якова Садовскаго 149

ИСХОДЪ КЪ ВОСТОКУ

ПРЕДЧУВСТВІЯ И СВЕРШЕНІЯ

УТВЕРЖДЕНІЕ ЕВРАЗІЙЦЕВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

Софія — 1921 годъ

СОДЕРЖАНІЕ

Вступленіе
Поворотъ къ Востоку . . . . . Петра Савицкаго
Сила Слабыхъ . . . . . П. Сувчинскаго
Разрывы и Связи . . . . . Георгія В. Флоровскаго
Эпоха Вѣры . . . . . П. Сувчинскаго
Хитрость Разума . . . . . Георгія В. Флоровскаго
Миграція Культуры . . . . . Петра Савицкаго
О Народахъ не-историческихъ
(Страна отцовъ и страна дѣтей) Георгія В. Флоровскаго
Объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ . . . . . Кн. Н. С. Трубецкого
Верхи и низы русской культуры
(Этническая база русской культуры) . . . . . Кн. Н. С. Трубецкого
Континентъ — Океанъ
(Россія и міровой рынокъ) . . Петра Савицкаго

Обложка работы П. Челищева

Складъ Изданія: Софія. Россійско-Болгарское Книгоиздательство

Изданіе разошлось

Кн. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

ЕВРОПА и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

Россійско-Болгарское К-во

Софія — 1920 г.